

E 43
490

ЗА ЛЕНИНИЗМ

ПРОТИВ

ТРОЦКИЗМА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1925

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

За ленинизм, против троцкизма

(По поводу „Уроков Октября" тов. Троцкого)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1925 г.

5-я ТИПОГРАФИЯ
«ТРАНСПЕЧАТИ» НКПС.
«ПРОЛЕТАРСКОЕ СЛОВО»
Москва, Южный пер., д. 4.

Главлит № 30659. Тираж 10.000.

Комсомол и Октябрь

Основой большевистского воспитания молодежи является изучение истории партии. Молодое поколение нашей партии только в том случае станет подлинно большевистским, Комсомол только в том случае оправдает название ленинского, если сумеет правильно, т.-е. в духе ленинского учения, понять и усвоить боевой опыт прошлой революционной борьбы. История ценна для нас именно тем, что она служит арсеналом, откуда берется оружие для будущей борьбы. Ложное изображение партийного прошлого, извлечение неправильных уроков из прежнего опыта может повлечь за собой—и неминуемо повлечет—ложные выводы для настоящего и будущего. Чем важнее эпоха, о которой идет речь, тем большее значение приобретает правильный, т.-е. большевистский, подход к ней.

В «Уроках Октября» в введении, которым тов. Троцкий снабдил свою недавно вышедшую в свет книгу «1917»,—дается, по нашему мнению, неправильный и политически глубоко-вредный подход к одному из важнейших моментов в истории нашей партии—к Октябрьскому перевороту. Но «Уроки Октября» являются продолжением целой цепи ошибок и извращений, которыми сопровождается у тов. Троцкого в ряде его прежних книг, статей и устных выступлений изложение и других этапов в борьбе нашей партии. С другой стороны, тов. Троцкий в своем последнем произведении подошел к вопросу не только с исторической стороны, но и наметил в вопросах международного коммунистического движения свою политическую платформу, резко расходящуюся с позицией руководящих учреждений партии и последнего конгресса Коминтерна. Поэтому Центральный Комитет РЛКСМ не может пройти мимо указанного выступления тов. Троцкого и считает долгом открыто высказать свое отношение к нему.

Мы привыкли считать основой всех основ для каждого большевика уважение и преданность к партии, как к целому, как к боевому коллективу. Ленин, имя которого с гордостью носит наш союз, и партия сливаются для нас воедино. Ленин никогда не ставил себя над партией. Он шел впереди. Он видел дальше всех. Но Ленин был именно вождем партии, ее первым и лучшим знаменосцем. Ленина нельзя отделить от партии и партию нельзя отделить от Ленина.

В этом духе под руководством Ленина воспитывался Комсомол. И поэтому мы не можем не выступить с протестом против того изображения большевистской партии и ее роли в октябрьском восстании, которое тов. Троцкий дает в своих «Уроках Октября».

Большевистская партия, руководительница Октябрьского переворота, отсутствует в картине, нарисованной тов. Троцким. Где Центральный Комитет, руководивший борьбой против Корнилова, подготовивший и организовавший восстание? Где петербургский комитет? Где районы Питера, проведение агитационной, организационной, боевой работы на фабриках, на заводах, в воинских частях? Где московская организация? Где партийная масса, сплотившаяся вокруг Ленина, поддержавшая его линию без тени сомнений и колебаний? Всего этого нет, это все стоит на третьем плане. Вместо партии на авансцене отдельные вожди.

Зато тщательно вспоминаются, перебираются, нанизываются одна на другую и выстраиваются в стройные колонны, чтобы создать картину «правой фракции», борющейся против Ленина, все ошибки, сделанные когда-либо на протяжении 8 месяцев революции кем-либо из ближайших учеников Ленина, кем-либо из старого большевистского ядра.

Зато старательно выпячиваются и подчеркиваются моменты, могущие уронить партию, как целое в глазах читателя, не пережившего Октября и недостаточно знакомого с литературой о нем. Большинство большевистской фракции в демократическом совещании стало на ложную позицию, высказавшись за участие в предпарламенте. Тов. Троцкий так повествует об этом факте: «Фракция демократического совещания, насчитывавшая свыше 100 человек, ничем не отличалась, особенно по тем временам, от партийного с‘езда». Зачем по-

надобилось тов. Троцкому приравнивать фракцию демократического совещания к партийному с'езду? Это противоречит истине, потому что подлинные с'езды партии, имевшие право говорить от ее имени (апрельская конференция, VI с'езд) целиком и полностью встали на позицию Ленина. Это может иметь только тот смысл, что роняет партию в целом, возвеличивая отдельных «спасителей».

Партии нет, вместо партии действуют вожди. Ленин издалека дает советы и то не без ошибок в практических вопросах (о сроке восстания, о «советской легальности», о начале восстания в Москве). А борьбой руководят, помимо партии и иногда вопреки ей, отдельные вожди, и в первую голову сам тов. Троцкий.

Тов. Троцкий сбрасывает партию со счетов борьбы и доходит до прямого поклепа на большевистскую партию. Комсомол, в котором еще сохранилось ядро, принимавшее участие в октябрьских боях, должен отвергнуть такое изображение Октября. Ибо Октябрь был делом всей партии с Лениным во главе.

Тов. Троцкий выступает в чрезвычайно резкой форме против ошибок тов. Зиновьева и Каменева, сделанных ими в Октябре. Ошибки эти всем известны и давно уже признаны и исправлены самими ошибавшимися товарищами. Всякому, кто сколько-нибудь знает историю большевистской партии, очевидно, что временные октябрьские ошибки этих товарищей тонут в их работе и заслугах в течение двух десятков лет и до, и после Октября. Общеизвестно также и то, что тов. Ленин оценивал работу этих товарищей и значение совершенных ими ошибок. В своем письме к итальянским коммунистам в 1920 г. он писал:

> «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены. Через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свои ошибки и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты».

Само собой разумеется, что этих ошибок и колебаний нельзя выбросить из истории Октябрьского переворота. Однако достаточно прочесть «Уроки Октября», чтобы убедиться, что здесь дело идет не об об'ективном изложении прошлых ошибок, а об архирезкой полемике против двух занимающих в нашей партии руководящие посты товарищей—полемике, которую тов. Троцкий ведет сейчас в связи со **старыми**, давно исправленными ошибками, и которая по существу является не чем иным, как попыткой после поражения в партийной дискуссии использовать старые споры для того, чтобы добиваться изменения политики нынешнего дня.

Тов. Троцкий не только находит резкое выражение для квалификации действительных ошибок. Он преувеличивает и раздувает ошибки. Так, например, приведя из октябрьского письма т. т. Каменева и Зиновьева фразу: «Учредительное собрание и советы—вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем», он замечает:

> «Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии правых, что теория «комбинированной» государственности, сочетающей учредительное собрание с советами, была $1\frac{1}{2}$—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом. Австро-германский оппортунист не знал, что совершает плагиат».

Мы не знаем большего оскорбления для членов коммунистической партии, чем сравнение с прожженным социал-прохвостом Гильфердингом. Но т. Троцкий позабыл о том, что писал Ленин 6 октября 1917 года:

> «Возможны при переходе от старого к новому временные «комбинированные типы» (как справедливо указал «Рабочий Путь»*) на днях), например, и республика советов и учредительное собрание» (XIV, 2 ч. 167).

Отсюда следует, во-первых, что еще накануне восстания и Ленин и весь Центральный Комитет партии («Рабочий Путь») еще признавали возможным временное сочетание учредитель-

*) «Рабочий Путь», выходивший вместо закрытой «Правды», был в то время центральным органом партии. А статья-то, на которую ссылается тов. Ленин, к неудовольствию тов. Троцкого принадлежит тов. Зиновьеву.

ного собрания с советами, во-вторых, что говорить о «комбинированном типе» государства до нашего Октябрьского переворота совсем не то же, что говорить о нем после опыта пролетарской диктатуры в России и, в-третьих, что следует быть... поосторожнее в сравнениях.

Ошибки, признанные и исправленные, для партии неопасны. Вот почему Ленин и писал, что о них «неправильно вспоминать». Но прошлые ошибки превращаются в опасность для сегодняшней борьбы, если на них настаивают или если их затушевывают.

Тов. Троцкий призывает к изучению Октября. Но Октябрь неразрывно связан со всей предшествующей и последующей историей партии. Тов. Троцкий в своих различных выступлениях не освещает пути своих неоднократных разногласий с Лениным и даже прямой борьбы против Ленина, а либо отрицает, либо прикрывает свои старые ошибки. Тов. Троцкий расходился с Лениным в вопросе о роли крестьянства в первой русской революции 1905 г. и в вопросе о «перманентной революции». Признал ли тов. Троцкий правоту Ленина? Нет, напротив, он говорил об «идейном перевооружении», якобы совершенном большевизмом в 1917 г., т.-е. о том, что Ленин пришел к позиции Троцкого, а не наоборот. В «Уроках Октября» он, по сути дела, повторяет и развивает те же взгляды. Тов. Троцкий расходился с Лениным во время войны в ряде коренных вопросов. Признал ли он в этом правоту Ленина? Нет, он нигде, ни одним словом не заикается об отказе от прежних взглядов, ограничиваясь утверждением, что февральская революция ликвидировала старые разногласия. А между тем, как раз по основному вопросу—о единстве с социал-шовинистами и центристами—Ленин в своих недавно опубликованных письмах из-за границы, написанных после февральского переворота, особо предостерегал партию от позиции тов. Троцкого. Тов. Троцкий совершил крупнейшую ошибку во время Брест-литовских переговоров. В своей книге «О Ленине» он вместо того, чтобы с большевистским мужеством признать ошибку, пытается задрапировать и смягчить ее рассуждениями о том, что в варшавском походе Ленин сделал ту же ошибку, только «с меньшей степенью риска». Тов. Троцкий крупнейшим образом разошелся с Лениным в 1921 г. по вопросу о профсоюзах и выступил с дискуссией против Ленина и всего ленинского ядра, Центрального Комитета и профсоюзов.

Всякий, кто прочтет протоколы X и XI с'ездов партии, увидит что тов. Троцкий и эту свою ошибку прикрывает и обходит. Наконец, тов. Троцкий выступил в конце 1923 г. и начале 1924 г. в роли вождя мелкобуржуазной, антиленинской оппозиции внутри РКП. У всех еще в памяти его заявление на XIII с'езде партии с отказом признать свою ошибку, несмотря на то, что целый ряд фактов опроверг все основные утверждения оппозиции.

Тов. Троцкий оправдывает и затушевывает свои прежние ошибки, т. Троцкий искажает историю и уроки Октября. Поэтому мы вынуждены заявить: тов. Троцкий мешает молодежи правильно понять историю партии. Статьи и выступления тов. Троцкого, посвященные прошлому нашей партии, —препятствие в деле большевистского воспитания молодежи.

Каков же политический смысл выступления тов. Троцкого? Он выявляется в той платформе по международным вопросам, которую тов. Троцкий развивает и в своих последних речах, и в «Уроках Октября». По сути дела, это правая платформа. Расчет на длительную и относительно прочную демократически пацифистскую эру, отодвигание германской революции и пр. сближают тов. Троцкого с правым крылом Коминтерна. Но оппортунистические элементы внутри Коммунистического Интернационала совместно с мелкобуржуазной «оппозицией» внутри самой нашей партии ведут атаку против старой гвардии большевизма, против ее руководства в рядах РКП и Коминтерна. И тов. Троцкий приходит им на помощь, обеляя свои прошлые ошибки и оппортунистические уклоны, искажая прошлое партии и подрывая доверие к старым кадрам большевизма в своих «Уроках Октября». Тов. Троцкий использует левую позицию 1917 года для того, чтобы протянуть руку оппортунистам в 1924 году.

Мы принимаем призыв тов. Троцкого: «изучайте Октябрь». Этот призыв относится, естественно, в первую очередь к тому поколению, которое через Октябрь не прошло, но которому суждено довести дело Октября до конца. Но коммунистическая молодежь должна изучать Октябрь во всем об'еме: в его подготовке, совершении и продолжении. Она должна изучать опыт Октября в тесной связи со всей историей большевистской партии. История Октября нуждается, конечно, в дальнейшей разработке. Но лучшим источником для его понимания является и останется все то, что написано тов. Лениным.

И мы вместе с тем против такого «изучения Октября», которое приводит к его искажению и к подготовке правой политической платформы против линии, взятой нашей партией и всем Коминтерном. **По-ленински** понять всю нашу партийную историю, и в частности, ее Октябрьские страницы—вот наша задача. Но ни прежние выступления тов. Троцкого, ни его новая книга не могут служить нам проводником на этом пути.

Центральный Комитет РЛКСМ
Московский Комитет РЛКСМ
Ленинградский Комитет РЛКСМ

Как не нужно писать историю Октября

(Ответ Ц. О. тов. Троцкому)

Недавно вышедшая книга тов. Троцкого («1917»), посвященная «Урокам Октября», быстро делается «модной» книгой. Это не мудрено, ибо она бьет на внутрипартийную сенсацию.

После того, как итоги истекшего года **доказали** всю неправоту нашей партийной оппозиции, после того как **факты** доказали еще и еще раз правильность руководства в нашей партии, тов. Троцкий вновь поднимает дискуссию, но уже «иными средствами». Предисловие к книге (а в этом предисловии, равно как и в примечаниях к ней, ее «гвоздь») написано полуэзоповским языком, так что для совсем неопытного читателя пройдут незамеченными намеки и полунамеки, которыми наполнено это предисловие. Этот своеобразный шифр (процветающий у тов. Троцкого, несмотря на требование «критической ясности») необходимо все же расшифровать. Ибо работа тов. Троцкого, претендующая на роль спутника в деле «изучения Октября», грозит превратиться в спутника «всякой настоящей и будущей дискуссии». Она, ведь, берет на себя, по сути дела, ответственность за выступление против линии, взятой как партией, так и Коминтерном, причем она вовсе не носит характера теоретического анализа, а больше похожа на политическую платформу, на базе которой можно будет вести подкоп против точных, принятых соответствующими с'ездами, решений.

Книга тов. Троцкого написана не только для русского читателя—это без труда увидит всякий. В значительной мере она написана для «информации» заграничных товарищей. Теперь, когда в целом ряде компартий на очереди дня стоит проблема их «большевизации», когда, несомненно, интерес к истории нашей партии поднимается, книга тов. Троцкого может сослужить плохую службу. Она не только не научит большевизму, но в известной мере будет фактором «разболь-

шевичивания» иностранных компартий—настолько однобоко, односторонне, а иногда и чудовищно неверно она излагает события, пытается их анализировать и сделать выводы, касающиеся современности.

Вот почему необходимо дать критический разбор этой новой работы тов. Троцкого. Ее нельзя оставить без ответа. Можно высказывать лишь сожаление, что тов. Троцкий, который делает неправильные выводы из «уроков Октября», не хочет сделать никаких выводов из более близко к нам лежащей «эпохи» прошлогодних споров. Лучшей проверкой точек зрения, как это признает и сам тов. Троцкий, является опыт, сама жизнь. А жизнь показала, что руководящая и партийно-признанная линия политики не только не привела страну «на край гибели», как это предрекала прошлогодняя оппозиция, пророчившая этой «стране» все казни египетские, но сравнительно быстро двигает страну вперед, несмотря на такие независящие ни от какой «платформы» явления, как неурожай и проч.

С другой стороны, накопилось громадное множество новых задач в новой обстановке; трудностей, связанных с процессом **роста.** Вся партия хочет поэтому, раньше и прежде всего, деловой работы под таким руководством, которое проверено опытом, на «платформе», этим опытом проконтролированной. Вот почему менее всего желательно было бы поднимать, хотя бы и в иной форме, старые споры.

Но тов. Троцкий счел уместным это сделать. На нем, конечно, лежит за это полная ответственность. Волей-неволей приходится отвечать на эту книгу, ибо партия не может допускать, чтобы без возражений оставалась пропаганда, направленная против решений, которые партия с такой дружностью и с таким единодушием принимала. Постараемся же посмотреть на тот идейный багаж, который тов. Троцкий представил теперь в распоряжение партии, на те «уроки», которые он получил от Октября и любезно преподает сейчас нашим молодым и старым товарищам.

I. Вопрос об исторической проверке.

Осью рассуждений тов. Троцкого является представление о значении различных периодов в истории нашей партии. По существу у него дело обстоит так: весь период партийного развития до Октября—это нечто совершенно второстепенное;

только момент захвата власти решает вопрос, только этот период выделяется из всех остальных, только тут мы имеем возможность проверить классы, партии, их руководящие кадры, отдельных лиц.

> «Теперь заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г. значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции,— совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду». (XVI).

> «Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. Здесь Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей»... (65).

В этих положениях—только **половина** правды, и поэтому из них можно сделать (а т. Троцкий это и делает) совсем уж **неправильные** выводы.

Тов. Троцкий говорит компартиям: изучайте Октябрь, чтобы победить: нельзя **обходить** Октябрь.

Конечно, нельзя. Точно так же, как нельзя забывать ни о 1905 годе, ни об особо поучительных годах реакции. Но кто, где и когда предлагает эту несуразность? Кто, где и когда мог отважиться на то, чтобы вынести такой вздор на свет божий?

Этого никто не предлагал. Но **именно** для того, чтобы **понять условия Октябрьской победы**, нужно обязательно выйти **за пределы** непосредственной подготовки к восстанию. Ни в коем случае нельзя **отрывать** одно от другого. Ни в коем случае нельзя оценивать группы, лица, течения вне связи с тем периодом подготовки, который тов. Троцкий сопоставляет с упражнениями в споре «о системах плавания». Конечно, в «критический период», когда речь идет о решительном бое, все вопросы становятся ребром, и все оттенки, течения, группировки имеют тенденцию обнаруживать свои наиболее ха-

рактерные, внутренние, им присущие свойства. Но, с другой стороны, далеко не всегда их положительная роль во время под'ема революции об'ясняется правильностью их «точки зрения».

«**Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась**»—так формулирует **эту** сторону дела тов. Ленин. (Сочинения, том XVII, стр. 183).

В другом месте:

«Революционер не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции... отстаивает принципы и лозунги революции». (Ленин, соч. XII, 2, 151).

Это—не совсем то, что у тов. Троцкого.

Поставим все точки над i. Чем определялась позиция **партии** большевиков в Октябре? Она определялась всей предыдущей историей партии, ее борьбой со всеми видами оппортунизма, от крайних меньшевиков до троцкистов включительно (напр., «августовский блок»). А можно ли сказать, что правильная (ибо совпавшая с большевистской) в октябрьские дни позиция тов. Троцкого вытекала из его позиции в подготовительный период? Очевидно, нельзя. Наоборот. **Если бы** случилось в свое время историческое чудо, и рабочие-большевики вняли бы проповедям тов. Троцкого (единство с ликвидаторами, борьба против ленинской «кружковщины» и «сектантства», меньшевистская политическая платформа, во время войны—борьба против циммервальдовской левой и т. д.), **то тогда не было бы и Октябрьской победы.** Между тем тов. Троцкий всячески избегает касаться именно **этого** периода, хотя его то обязанностью было бы поделиться с партией как раз **этим** «уроком».

Приведем еще пример. На октябрьских баррикадах бок о бок с нами мужественно сражались и многие левые эсеры. В решительный момент Октября они внесли и свою лепту в дело победы.

Но значило ли это, что они-то были раз навсегда «проверены» Октябрем? Увы, отнюдь нет, что и показал **послеоктябрьский** опыт, который подтвердил в значительной мере **дооктябрьскую** оценку этих мелкобуржуазных революционеров.

Итак, одного Октября, изолированного для «проверки» отнюдь не хватает. Скорее перевешивает другой мотив, тот, на который так категорически указывал тов. Ленин.

Итак, положение тов. Троцкого о том, что «большевизация» компартий состоит в таком воспитании их и в таком подборе «руководящего персонала», «чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября», это положение делается правильным, **поскольку в него включается усвоение опыта «подготовительного периода»**. Ибо даже **непосредственный** опыт русского Октября не может быть ни понят, ни усвоен, если не усвоить, как следует, уроков этого подготовительного периода.

Тов. Троцкий, который рассматривает дело так, что по сути у него партия большевиков начинает существовать «по-настоящему» лишь с Октябрьских дней, не видит **преемственности** партийной линии вплоть до текущего момента.

И точно также он поэтому не видит, что **после** взятия власти, даже после конца гражданской войны, история вовсе не кончилась. Равным образом, не кончилась и история нашей партии, история, которая **тоже** есть «проверка линии», ибо она включает в себя не только разговоры о той или другой точке-зрения, но и опыт **практической политики**.

«Дрейфить» нельзя было в Октябре. Но «дрейфить» нельзя было и во время Бреста (где дело, по признанию тов. Троцкого, шло о «голове», т.-е. о жизни или смерти Советской власти). «Дрейфить» нельзя было и в дискуссии 1921 года, ибо **без** ленинской линии мы и здесь рисковали почти всем. «Дрейфить» не годилось и в прошлом году, ибо без денежной реформы, без проводимой партией экономической политики и т. д. мы тоже были бы в отчаянном положении. А во всех этих «критических» пунктах тов. Троцкий «дрейфил», причем «дрейфил»-то он **по тому же типу**, что и в до-февральский период своего политического существования, когда он еще не порвал с прямыми противниками большевизма.

«Традиция революционной партии,—пишет тов. Троцкий (62),—создается не из недомолвок, а из критической ясности». Очень хорошо. Но требование «критической ясности» должно быть полностью сохранено не только по отношению к действиям, разыгравшимся в Октябре, но и к предыдущему и к последующему периоду развития. Только так можно дать «действительную проверку», ибо партия пролетариата **постоянно** действует, и «критический» период у нее не один.

II. Уроки революции 1917 г. и борьба внутри партии

Нужно ли замалчивать Октябрь и его пролог—февральскую революцию? Отнюдь нет. Это было бы недобросовестно или глупо. Но совершенно напрасно тов. Троцкий намеками, полунамеками, а также и открытыми возгласами хочет создать такое впечатление, что истории Октября «не повезло», ибо тут был какой-то умысел (неверная «полусознательная оценка»). Вряд ли уместны такие, например, сентенции, что «еще недопустимее... было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах Октябрьского переворота, имеющих международное значение». (XII).

Конечно.

Но, во-первых, тов. Троцкий скрывает, что об Октябре было написано никак не меньше, чем о всяком другом периоде; в сочинениях Ленина этот период получил блестящую оценку, из которой все действительные уроки Октября партия может черпать еще долгое время.

Во-вторых, т. Троцкий замалчивает, что означенные «персоны» неоднократно признавали свою ошибку, и она (эта ошибка) известна всей партии.

В своей «Истории РКП» и в более ранних выступлениях об этом совершенно открыто говорил т. Зиновьев, который не раз и перед партией, и перед Коминтерном заявлял о том же; об этом говорил тов. Ленин, который, однако, никогда и нигде не ставил этой ошибки в связь с текущей послеоктябрьской работой ошибавшихся в Октябре товарищей *).

---

*) Кстати, необходимо упомянуть о некоторых фактах. Несмотря на разногласия, Каменев был, по предложению **Ленина**, выбран на апрельской конференции в ЦК партии и председательствовал по поручению ЦК на II С'езде Советов в момент восстания; уже в ноябре 1917 г. Зиновьев, который расходился с ЦК вообще лишь на несколько дней, по поручению ЦК партии выступал во ВЦИК с докладом за разгон учредилки; на VII с'езде (начало марта 1918 г.) Зиновьев выступал по поручению ЦК с защитой ленинской линии против Троцкого и «левых». Следовательно, вся партия отнюдь не рассматривала октябрьской ошибки названных товарищей иначе, как переходящее разногласие; наоборот, она поручала им ответственнейшие роли, несмотря на то, что она ни на одну минуту не оправдывала ошибок этих товарищей.

Теперь же тов. Троцкий, используя эти ошибки, хочет ревизовать всю партийную линию и «исправлять» всю партийную историю. **В этом** гвоздь рассуждений тов. Троцкого.

Весь анализ событий от апреля по октябрь ведется так, будто разногласия, «раздиравшие» партию, все обострялись, пока не разразились конфликтом, чуть было не приведшим к краху. И только благодаря усилиям т. Ленина, имевшего смелость итти против ЦК, и поддержанного т. Троцким, «предвосхитившим» основные идеи Ленина, революция была спасена.

В этом анализе вряд ли есть что-либо, что соответствовало бы действительности.

Прежде всего, у тов. Троцкого исчезает партия. Ее нет, ее настроения не чувствуются, она исчезла. Есть Троцкий, издали виден Ленин, есть какой то непонятливый анонимный Ц. К. Отсутствует целиком петроградская организация, действительный коллективный организатор рабочего восстания. Вся историография т. Троцкого скользит исключительно по «верхнему верху» партийного здания. Что же касается всего партийного костяка, то напрасно мы стали бы рассматривать эту загадочную картинку: «Где партия?», нарисованную искусной кистью тов. Троцкого. Разве марксисты могут так писать историю? Это каррикатура на марксизм. Писать историю Октября и **проглядеть партию**—это значит обеими ногами стоять на индивидуалистической точке зрения, на точке зрения «героев и толпы». На **ней** воспитывать членов партии нельзя.

Но и с точки зрения анализа **только руководящей верхушки** летопись т. Троцкого не заслуживает одобрения, ибо она **искажает** действительность. Посмотрите, как изображает т. Троцкий ход событий:

> «Решения апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло вместе с ходом событий принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции—в дни Октября». (XXXI).

После июльских дней:

> «Мобилизация правых элементов партии усилилась; критика их стала решительнее». (XXXII).

Наконец перед Октябрем:

«Надобности в экстренном с'езде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции предпарламента». (XXXVI).

Все это крайне.... «неточно». Ибо уже ко времени VI с'езда партии **произошла полная идейная консолидация партии.** Выбранный на VI с'езде Центральный Комитет безусловно стоял на платформе **восстания.** Колоссальное влияние Ленина на ЦК имело место, ибо сам Ленин был руководящим цекистом, как это известно всем и каждому. Но изображать дело так, будто бы большинство ЦК было чуть ли не против восстания,— это значит не знать ни партии, ни ее тогдашнего ЦК, это значит грешить против истины. Разве 10 октября восстание не было решено подавляющим большинством ЦК? При чем же тут необходимость в особой роли тов. Троцкого? Величайшая энергия, поистине неистовая революционная страсть, гениальный анализ событий и громадная гипнотизирующая сила писем тов. Ленина оформляли то, что было и мнением подавляющего большинства самого Центрального Комитета. Но тов. Троцкому обязательно хочется **отодрать Ленина от ЦК, противопоставить** их, разорвать между ними ту неразрывную связь, которая на самом деле ни на минуту не прерывалась. Искажать историю нельзя.

Если бы это было не так, если бы было верно то, что говорит тов. Троцкий, то тогда было бы совершенно непонятно: 1) каким образом при конфликте партия не раскололась; 2) каким образом она могла победить; 3) **каким образом конфликт (выход из ЦК нескольких его видных членов) мог быть ликвидирован буквально в несколько дней** возвращением этих товарищей на свои посты.

А это «чудо» (чудо с точки зрения предпосылок тов. Троцкого), как известно, совершилось, и при том без особенного труда. Можно, конечно, сделать здесь намек на то, что после победы есть много охотников примкнуть к победителям, ибо оных победителей «не судят».

Однако, не следует забывать, что победа в Петербурге и в Москве означала лишь **начало** борьбы, начало громаднейших трудностей, что понимал решительно всякий член партии.

Так что эти соображения нисколько не помогут об'яснить то, что подлежит об'яснению.

А между тем все это становится весьма понятным, если только взглянуть на события не с такого эгоцентрического угла, с какого их рассматривает т. Троцкий. Тогда получилась бы, примерно, такая картина: с апреля по октябрь остатки шатаний внутри партии все время исчезают. К октябрю они становятся минимальными; **партия** целиком, сомкнутым строем, идет в бой; наверху остается всего несколько несогласных с общей линией товарищей. Но именно потому, что **партия** (это очень немало, т. Троцкий!) была едина, именно потому, что подавляющее большинство ЦК шло вместе с Лениным, и эти товарищи были увлечены общим партийно-классовым потоком и немедленно стали на свои посты. Они были «проверены» гораздо более основательно, чем одними днями Октября....

III. Война, революция и позиция т. Троцкого.

Но «летопись» тов. Троцкого, равно как и примечания к ней, изображают неправильно не только пропорции внутри партии, но и подготовку «большевизации» самого тов. Троцкого (нас интересует здесь, разумеется, **только** политическая **позиция**).

Из примечаний к книге тов. Троцкого мы узнаем, напр., что статьи Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком «предвосхитили» (!) политическую тактику революционной с.-д. Основные выводы этих статей почти до деталей (!) совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты тов. Лениным в знаменитых «Письмах издалека». (370).

Мы узнаем, что «в ходе войны все уменьшались разногласия между точкой зрения «Нашего Слова» и Лениным» (377).

Мы узнаем, с другой стороны, целый ряд подробностей об ошибках «Правды», ряда большевиков и т. д.

Но мы чрезвычайно мало будем осведомлены после прочтения книжки, в чем же **были** разногласия, которые «все уменьшались»; и мы прямо будем введены в заблуждение, если поверим, что тов. Троцкий «предвосхитил», как выражается ужасно услужливый редактор книги и автор примечаний тов. Ленцнер, ленинскую линию (Ленин и не знал, говоря языком тов. Троцкого, что он «совершает плагиат»).

Между тем, вопрос о позиции во время войны дает ключ и к ряду других вопросов, вводя нас в ту лабораторию, где формировались лозунги, сыгравшие вскоре исключительную, можно сказать, всемирно-историческую роль.

Постараемся напомнить кое-что из этой области.

1. **«Мир» или «гражданская война».** Это первое разногласие, разногласие очень принципиальное, ибо здесь как раз и видно, кто и как «предвосхищал» и события, и «тактику революционной социал-демократии». Лозунг гражданской войны, который был поставлен Лениным и большевистским ЦК еще в самом начале войны, был специфическим лозунгом большевизма, лозунгом, который проводил грань между действительными революционерами и всеми оттенками не только шовинистов, но и интернационалистов мещанского, пацифистского, «гуманитарного», ищущего сближения с центристскими элементами, толка. Только резкая постановка вопроса о гражданской войне позволяла отобрать кадр таких революционеров, которые стали впоследствии ядром коммунистических партий.

Тов. Троцкий был самым решительным образом **против** этого лозунга, считая его узким, непригодным для массовой проповеди и т. д. Это ли «предвосхищение» ленинской позиции?

2. **Пораженчество и борьба с ним.** Второй отличительной особенностью большевистской позиции было положение, что революционные соц.-демократы (теперь мы бы сказали «коммунисты») должны в империалистской войне желать поражения, прежде всего, **своему** правительству. Тов. Троцкий определял эту позицию как национализм навыворот, или национализм с отрицательным знаком. Однако, теперь совершенно ясен глубокий смысл этой ленинской позиции, корнями своими уходящей к основным истокам большевистской мысли. Именно к основным истокам ее. Стоит только посмотреть, напр., на недавно опубликованную полемику Ленина с Плехановым по поводу проекта программы РСДРП (Ленинский Сборник», № 2), чтобы понять это. В полемике с Плехановым В. И. упрекает плехановский проект в том, что это учебник, а не об'явление войны; там говорится о капитализме вообще, а нам нужна **война** против **русского** капитализма—таков смысл этой полемики со стороны В. И. Почему настаивал на этом Ленин? Именно потому, что он был **борцом**, а не декламатором. Лозунг поражения **своего** правительства был **об'явлением войны** всякому, хотя бы

и скрытому под тюфяками благородных фраз, пацифизму, всякой, хотя бы и скрытой искуснейшими масками, оборонческой позиции. Это был наиболее резкий разрыв, разрыв **на деле**, всякой связи со «своим» буржуазным государством. И именно **такой** позицией обусловливалась на деле, на живом примере, **интернационалистская** позиция большевизма. Это было второе принципиальное расхождение Троцкого с большевиками.

3. **Единство с меньшевистской фракцией Чхеидзе.** Уже во время войны тов. Троцкий продолжал стоять за единство с такими элементами, как фракция Чхеидзе, не имея мужества пойти на решительный организационный разрыв, который был необходимой предпосылкой правильной политики. Не даром Ленин так боялся, что некоторые товарищи поддадутся на удочку троцкизма. Любопытно также и то, что тов. Троцкий еще в **мае 1917 г.** не понимал своих прежних ошибок. Так, на стр. 380 разбираемой книги мы читаем:

> «7 мая 1917 г. открылась общегородская конференция об'единенных с.-д. (большевиков и интернационалистов). Конференция приветствовала тов. Троцкого, присутствовавшего в качестве гостя. Отвечая на приветствие, тов. Троцкий заявил, что для него, **всегда стоявшего за необходимость единства с.-д. сил** (курсив наш. **Ред.**), само по себе единство не является самоцелью, и в формулу эту должно быть вложено революционное содержание» и т. д. (стр. 380) [1].

Отсюда с полной ясностью вытекает, что тов. Троцкий не только **не проклинал** своей борьбы за единство с ликвидаторами и т. д., но эту свою громаднейшую ошибку, губительную ошибку, подводил чуть ли не как базис для об'единения с большевиками, на этот раз, к счастью, соглашаясь вложить в «формулу» «революционное содержание».

К сожалению, та же **недооценка** всей глубины ошибок в организационном вопросе (она целиком проявилась у тов. Троцкого в прошлогодней дискуссии) сквозит **даже теперь.** Тов. Троцкий оправдывается от упреков «какого-нибудь из

---

[1]) Речь идет о так-называемых «межрайонцах», которы существовали параллельно большевикам и отстаивали в это время единство с «левыми» меньшевиками. Вошли вместе с тов. Троцким после июльских дней в большевистскую партию.

глубокомысленных дьячков вроде тов. Сорина», упреков в борьбе против большевистской «кружковщины» методом более чем странным:

> «Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонцам нужно прекратить обособленное существование» (66).

Итак, уже призывая к об'единению с большевиками, тов. Троцкий **порицал** большевистскую кружковщину, как злое наследие злого прошлого. Но «отказываемся ли мы от наследства»? **Ни капли.** Ибо эта так-называемая кружковщина была на самом деле **методом создания нашей партии,** т.-е. организационным принципом большевизма. И если тов. Троцкий на 65 стр. своего «Предисловия» пишет, что он признал «свои большие организационные ошибки», а на 66 странице оправдывает обвинение дореволюционного большевизма в «кружковщине», то это значит, что он еще не свел концов с концами и не извлек еще всех уроков из истории нашей партии. Но он и не сможет этого сделать, если днем рождения партии будет считать день ее об'единения с межрайонцами или даже славные дни Октября, когда сам тов. Троцкий в муках рождался как большевик.

4. **Борьба с циммервальдской левой.** Наконец, следует упомянуть и о позиции тов. Троцкого в «мировом масштабе». Ведя борьбу с шовинистами, социал-патриотами и т. д., тов. Троцкий был издевательски настроен по отношению к циммервальдской левой. Он считал ее тоже «кружковщиной» и большевистской дурью, которая уже совсем мало приспособлена к «заграничным условиям». Еще в Америке, где, по уверениям тов. Ленцнера тов. Троцкий предвосхитил позицию тов. Ленина, он вел активную борьбу против солидаризации с циммервальдской левой. Этот «раскол» с «центристами от Циммервальда» тов. Троцкий одобрить не мог. Между тем товарищи-редакторы «Семнадцатого года» отнюдь не позаботились о том, чтобы осветить для международного пролетариата и этот пункт нашей партийной истории, который для Интернационала так же важен, как и вопрос о гражданской войне, о пораженчестве и т. д. Ибо речь шла ни больше ни меньше, как о выборе между Вторым и Третьим Интернационалом.

5. **Концепция «перманентной революции».** Тов. Троцкий оказывается, не только «предвосхитил» ленинскую позицию,

но и оказался прав по одному из существеннейших пунктов нашей революционной теории и одновременно нашей революционной стратегии, именно по вопросу о «перманентной революции». Тов. Троцкий пишет по этому поводу следующее:

> «Ленин дал еще накануне 1905 г. своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство». (XVII).

Что сей сон означает? В 1905 году была борьба между большевиками, выставившими лозунг «Диктатура пролетариата и крестьянства»—с одной стороны, группой Троцкого—Парвуса, выставившей лозунг «Долой царя, а правительство—**рабочее!»**—с другой стороны, и поляками во главе с Розой Люксембург, которые выставили формулу «Пролетариат, опирающийся на крестьянство»—с третьей.

Кто же оказался **прав?** Тов. Троцкий **уклоняется** от того, чтобы дать решительный ответ, ответ всеми словами. Но **косвенно** он «утверждает» именно **свою** правоту: ленинская формула могла быть «лишь» (!) этапом к формуле Троцкого.

Но вот это-то и неверно, что тов. Троцкий оказался правым. Он оказался именно неправ, и именно «дальнейшее развитие» доказало его неправоту. Ибо специфичность позиции тов. Троцкого как раз в том и заключалась, что он хотел **перескочить через такой «этап», через который перескочить было нельзя** (забывал «мелочь»: крестьянство).

> «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще,— писал **тов. Ленин,**—надо уметь найти в каждый момент то **особое** звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и **подготовить прочно переход к следующему звену».** (Сочин. XV, 223).

Но именно этого и не давали лозунги тов. Троцкого. Он «перемахивал» **через** то «особое звено», за которое нужно было всеми силами уцепиться, он недооценивал роли крестьянства, а поэтому **практически** изолировался и от рабочих:

> «Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,—почвы под ними нет,—вот суть революционной фразы» (Ленин. XV, 100).

И из того, что через много лет и **после** того, как мы **перешагнули** через определенный этап, началась социалистическая революция, отнюдь не следует, что тов. Троцкий был прав. Такое утверждение одновременно противоречило бы действительности и опиралось бы на непонимание сути тактики большевизма, всей его, если так можно выразиться, политической методологии, которая соединяет упорное движение к одной великой цели с суровой трезвенностью, отбрасывающей прочь все предрассудки и все лишнее в оценке каждой конкретной ситуации. И здесь т. Троцкий оказался **неправ.** И здесь его книга **совершенно неверно ориентирует читателя.** Мы уже не говорим о том, что т. Троцкий умалчивает, как его «перманентная» и ультра-левая **фраза** сочеталась с весьма правой политикой и с ожесточенной борьбой против большевиков.

IV «Уроки Октября» и Коминтерн

Одним из практических стержней, на которых построено «Предисловие» тов. Троцкого, является стремление, мягко выражаясь, «оспорить» политику Исполкома Коминтерна. Дана задача: взять реванш за проигранную в 1923 г. дискуссию, выступив уже не только против линии ЦК, но и против линии Коминтерна в целом. Для этого можно исказить и смысл важнейших эпизодов классовой борьбы пролетариата в Германии и в Болгарии. Здесь можно намекнуть и на то, что ошибки отдельных наших товарищей в 1917 г. предопределили неуспехи коммунистов в Германии и в Болгарии в 1923 г. Схема рассуждений, если ее освободить от облекающих словесных одежд вуалеобразного типа, здесь довольно проста. X, Y, Z ошибались в Октябре **русском.** X, Y, Z руководят теперь Коминтерном. Коминтерн проиграл сражения a, b, c. Следовательно, в этом виноваты X, Y, Z, которые продолжают здесь свои русско-октябрьские традиции. В этом der langen Red e kurzer Sinn (короткий смысл длинной речи).

Рамка этого совершенно смехотворного силлогизма наполнена конкретным содержанием. Нужно поэтому критически осветить это содержание, и тогда сама собой рушится и вся затейливая постройка тов. Троцкого.

Пункт I. Болгария. Тов. Троцкий пишет:

«Мы имеем в прошлом году два жестоких поражения в Болгарии: сперва партия, по соображениям **доктринерски-фаталистического** (наш курсив. **Ред.**) характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июльского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических, ни организационных предпосылок». (XII).

Как легко увидит читатель, здесь за основу поражения берется: 1) меньшевистский фатализм, 2) бесшабашный оптимизм («без подготовки» etc). Обе эти черты даны также при характеристике типов октябрьского оппортунизма. Итак, «смычка» с русским Октябрем и теперешним коминтерновским руководством дана полностью и целиком.

Однако, присмотримся поближе к **фактам.** Первое поражение было в результате того, что болгарская партия совершенно неправильно подходила к **крестьянству,** не сумела оценить ни его движения, ни роли Земледельческого Союза в его целом, ни его левого крыла. Она стояла скорее на позиции: «Долой короля, а правительство—рабочее». В решительную минуту, когда нужно было взять руководство и подняться на гребне громадной крестьянской волны, партия заявила, что она нейтральна, ибо борьба идет между буржуазией города и буржуазией деревни, а пролетариат здесь ни при чем. **Таковы** были «соображения» болгарской компартии. Они зафиксированы, все это можно проверить документально. Если брать аналогии с нашим Октябрем (кстати сказать, теперь-то мы уж должны, казалось бы, научиться более осторожному обращению с аналогиями), то скорее нужно было бы брать **корниловские дни** (Керенский=Стамбулийский, Корнилов=Цанков). Но здесь, если судить даже по изложению самого же тов. Троцкого, **слишком** заступались за Керенского, не понимая «грани» между борьбой **против Корнилова и защитой Керенского.** В Болгарии же была сделана **противоположная** ошибка.

В чем же тут «уроки Октября»?

К тому же, товарищи, сидящие в ИККИ, в корниловские дни занимали совершенно правильную позицию, а весь

ИККИ в целом совершенно правильно критиковал и подгонял болгарскую компартию.

Второе поражение в Болгарии—факт, и тов. Троцкий описывает условия, при которых оно разразилось. Но, скажите на милость, тов. Троцкий, что же, вы поддерживаете здесь старую формулу Плеханова времен его меньшевистского упадка: «Не надо было браться за оружие?»

Надо или не надо было болгарским коммунистам браться за оружие?

Да или нет?

Тов. Троцкий не отвечает. По-нашему, браться за оружие было **надо**, так как только такой ценой можно было удержать связи со стихийно шедшим в бой крестьянством. Времени же на подготовку не было. Вот **действительная** картина событий. «Уроки» тов. Троцкого здесь ни при чем.

Пункт II. Германия. Еще интереснее вопрос о прошлогоднем октябрьском поражении германского пролетариата:

> «Мы наблюдали там во второй половине прошлого года **классическую** (наш курсив. **Ред.**) демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения». (XII).

Итак, по т. Троцкому, ошибка состояла здесь в том, что был упущен «классический» момент. Нужно было во что бы то ни стало вести на решающую битву, и тогда победа была бы за нами. Тут тов. Троцкий проводит полную аналогию с Октябрем в России: там тянули—и здесь тянули; там, под давлением Ленина,—**решились**, выступили и победили; здесь—**без** давления Ленина—не решились и упустили момент, а теперь—под влиянием русско-октябрьских традиций—расписывают, что силы были недостаточны для решающего боя. Такова схема «германских событий» у т. Троцкого.

Однако, и здесь перед нами налицо «царство схематизации» и скучное царство серой абстракции. Тов. Троцкий изображает, как писалась бы история, если бы в русском ЦК противники восстания очутились в большинстве: оказалось бы, что и сил было мало, и враг был ужасно страшен и т. д.

Все это лишь **внешне** убедительно. Да, так, вероятно, писалась бы история. Но это вовсе **не доказательство того, что силы немецкой революции не были переоценены в октябре 1923 г.**

Неверно именно то, что момент был «классическим». Ибо **гораздо сильнее, чем мы думали, оказалась социал-демократия.** Аналогия с русским Октябрем здесь вообще мало уместна. В Германии не было вооруженных солдат, стоящих за революцию; не было в наших руках лозунга мира; не было аграрно-крестьянского движения; не было **такой** партии, как у нас. Но, кроме всего этого, оказалось, что социал-демократия еще не изжила себя. Вот эти **конкретные** факты нужно было опровергнуть. **Во время решающих событий ИККИ стоял именно за октябрьскую линию.** Когда она провалилась в силу об'ективных условий и когда она провалилась «**более, чем следует**», в силу правого руководства, тогда тов. Троцкий, **на деле поддерживавший именно правое, оппортунистическое, капитулянтское крыло и неоднократно боровшийся против левых**[1]), подводит «глубокий» теоретический базис под свою концепцию и замахивается ею на руководящие круги Коминтерна. **Так** извлекать уроки не годится ни из русского, ни из немецкого «Октября».

И совсем уже не годится настаивать на некоторых своих ошибках, на которых еще и посейчас настаивает тов. Троцкий.

Одним из уроков (действительных уроков) германского Октября является тот урок, что перед выступлением нужна величайшая раскачка масс. Между тем, эта работа очень отставала. В Гамбурге, напр., во время восстания не было ни стачек, ни советов. По всей Германии советы отсутствовали, ибо, по мнению тов. Троцкого, так и следовало делать—их «заменяли» фабзавкомы. На самом же деле фабзавкомы не могли заменить советов, ибо не сплачивали всей массы, вплоть до самых отсталых и индифферентных, **так**, как это делают советы в критические и острые моменты классовой борьбы.

* * *

Книга тов. Троцкого призывает к изучению Октября. Сам по себе этот лозунг не представляет ничего нового. Он уместен и для наших партийных рядов, он уместен и для наших иностранных товарищей. Но книга т. Троцкого, вернее, ее предисловие, претендует на роль **спутника** в деле этого изучения. И тут мы должны решительно сказать: **этой** роли она

---

[1]) Здесь—такой же «метод» политики, как и в дореволюционное время: «левая позиция на словах, правая—**в делах**».

выполнить **не может**. Она лишь собьет с толку тех товарищей, которые за внешней стройностью изложения проглядят полное смещение пропорций, искажение действительной партийной истории. Это—не зеркало партии. Это—ее **кривое** зеркало.

Но появление этого «кривого зеркала» отнюдь не случайно. После всего вышесказанного не трудно видеть, куда, как выражался Ленин, «растут» намеченные т. Троцким выводы.

В самом деле. Если, как неправильно изображает дело тов. Троцкий, в октябре 1917 г. что-либо путное можно было сделать только против ЦК, то не может ли повториться и теперь такая ситуация? Где гарантия того, что руководство будет правильно? И правильно ли оно сейчас? Ведь, «единственная» проверка, это—октябрь 1917 г. Так можно ли доверять тем, кто этой проверки не выдержал? И не благодаря ли руководству этих вождей Коминтерн терпит поражение и в Болгарии, и в Германии? Не **нужно** ли «изучать Октябрь» так, чтобы прощупать именно **эти** вопросы.

Вот комплекс тех «проблем», к которым исподволь подводит читателя тов. Троцкий после неудавшейся лобовой атаки прошлого года. Но т. Троцкий может быть вполне уверен, что партия сумеет во-время оценить эту тихую сапу. Партия хочет работы, а не новых дискуссий. Партия хочет подлинного большевистского единства.

Г. СОКОЛЬНИКОВ.

Как подходить к истории Октября

Число исторических работ, воспоминаний, сборников, документов, посвященных 1917 году и Октябрьскому перевороту, быстро растет. Тем не менее и 1917 год и Октябрь еще ждут своего историка. Нельзя не согласиться с т. Троцким в том, что «до сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала бы общую картину Октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты». («Уроки Октября», вводная статья в недавно вышедшем III томе сочинений). Нельзя не согласиться с т. Троцким, что нужно усилить изучение Октября. Но никак нельзя согласиться с теми методами «изучения Октября», которые применяет т. Троцкий, равно как и с выводами, которые он извлекает из этого изучения. Именно потому, что история подготовки Октября и история Октябрьского переворота существуют только в фрагментах, что документы не собраны, не систематизированы, что ряд важнейших фактов вообще не зафиксирован документально, всякий пишущий о событиях 1917 года, если для него имеет цену близость к исторической правде, если он сознает ответственность перед иным верящим ему на слово читателем, обязан с величайшей тщательностью собирать и проверять факты, на которых он строит свои обобщения. История Октября написана т. Троцким не в этом стиле и этого нельзя не поставить ему в укор. В самом деле, взяв с определенным «умыслом» стержнем своей работы разногласия в руководящей верхушке большевиков в 1917 году, он сбивается (несмотря на повторные, очень декоративные, но тем менее убедительные, оговорки о «мизерности» попыток делать из окябрьских ошибок некоторых большевиков орудие борьбы против них теперь) с позиции якобы об'ективного «летописца» и «педагога» на позицию пристрастного прокурора, по заданию лихо сочиняющего обвинительный акт, на позицию «разоблачителя», подходящего к истории партии «со стороны». Но от этого прокурорско-разоблачительского подхода безнадежно

пострадали методы «изучения» Октября, ибо прокурор неизбежно сбивается на доказательство при помощи чтения в сердцах косвенных улик, ссылок на «благонадежных», но уже не могущих взять слово свидетелей и т. п., т.-е. прибегает к способам не столько выясняющим, сколько запутывающим дело. Начнем с примера, имеющего значение второстепенное, но тем не менее рельефно показывающего, как т. Троцкий «переворачивает» историю Октябрьского переворота. Этот пример—история апрельской демонстрации. «Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между Лениным и сторонниками «завершения демократической революции» началась с первого же дня. Предметом острого столкновения явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг «Долой временное правительство». Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение временного правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма... Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством... Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения временного правительства»... Так пишет т. Троцкий. В его изложении 1) вооруженная апрельская демонстрация является предметом острого столкновения Ленина со многими руководителями партии, 2) Ленин был за вооруженную апрельскую демонстрацию, бравшую «левее» под лозунгом «долой временное правительство», как за разведку, после которой снял этот лозунг, 3) позиция Ленина по отношению к апрельской демонстрации дала повод к обвинениям его «правым крылом» в бланкизме.

Заглянем в документы. Вот статья Ленина в «Правде» от 23 апреля—«Уроки кризиса». Ленин заканчивает статью так: «Урок ясен, товарищи-рабочие. Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. Все силы отдайте делу просве-

щения отсталых... **Все силы на собственное сплочение... Не** давайте сбить себя ни мелкобуржуазным «соглашателям» с капиталистами-оборонцами, сторонникам «поддержки», **ни одиночкам, склонным торопиться и, раньше прочного сплочения большинства народа, восклицать: «Долой временное правительство!». Кризиса нельзя изжить насилиями отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками «захвата власти», «ареста» временного правительства и т. д.** (Курсив наш). Лозунг дня: раз'ясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата, его путь к окончанию войны... Сплачивайтесь вокруг своих советов, внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство».

В том же номере «Правды» в статье «Как запутывают ясный вопрос», Ленин, высмеивая искажение банковской газетой «День» истинной позиции большевиков, пишет: «Попытка взять власть была бы авантюрой или бланкизмом» («Правда» особо, специально, точно, ясно, недвумысленно предостерегала против этого), пока нет поддержки большинства народа. В России теперь такая свобода, что волю большинства можно определить составом советов раб. и солдатских деп., значит, чтобы серьезно, не по-бланкистски, итти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри советов». Наконец, 25 апреля Ленин выступает со статьей «Неумное злорадство». «Рабочая Газета» (меньшевистская),—пишет он,— злорадствует и пляшет по поводу последней резолюции ЦК (содержание резолюции совпадает с содержанием цитированной статьи Ленина—«Уроки кризиса», **Г. Сок.**), обнаружившей (в связи, между прочим, с напечатанным уже заявлением представителей большевистской фракции совета*)известные не-

---

*) Это заявление, равно как и примечание к нему редакции были напечатаны в «Правде», № 39. Приводим их полностью.

ВНИМАНИЮ ТОВАРИЩЕЙ.

Товарищи Лангевич (Лашевич? Г. С.), Крымов и Маврин, уполномоченные большевистской фракции сов. раб. и солд. деп., просят нас заявить, что подавляющее большинство рабочих, участвовавших в манифестациях 20 и 21 апреля и несших плакаты: «Долой временное правительство», понимали этот лозунг исключительно в том смысле, что вся власть должна перейти к советам, и что рабочие хотят взять власть, лишь завоевав большинство в советах раб. и солд. деп. Дан-

согласия внутри нашей партии. Пусть злорадствуют и пляшут меньшевики. Нас это не смутит... Убедительно ли, что люди без организации, без партии с легким сердцем пляшут и играют по поводу обнаруженного недостатка в чужой организации... Нам нечего бояться правды... Кризис обнаружил очень слабые попытки взять «чуточку полевее» нашего ЦК. Наш ЦК не согласился, и мы ни на минуту не сомневаемся, что согласие в нашей партии уже восстанавливается и притом добровольное, сознательное, самое полное». Итак, Ленин в апреле 1) против одиночек, склонных торопиться и восклицать «Долой временное правительство» раньше прочного сплочения большинства народа, 2) против бланкистских попыток и частичных выступлений маленьких групп вооруженных людей; 3)осуждает очень слабые попытки взять «чуточку левее» ЦК, а раздувание меньшевиками этого очень слабого несогласия внутри нашей партии клеймит как «неумное злорадство». Но с кем же было раздутое т. Троцким загадочное «острое столкновение» по поводу апрельской демонстрации? Оно было, вопреки т. Троцкому, не с «правым крылом» руководителей партии, а с небольшой группой питерских работников во главе с тогдашним секретарем ЦК тов. Богдатьевым. Эти товарищи взяли «чуточку полевее» ЦК, и именно их осуждали и резолюция ЦК и статья Ленина, отвергавшая их выступление, как бланкистскую попытку «захвата власти», «ареста» временного правительства и т. д. Итак, т. Троцкий, претендующий на «глубокий» анализ, спутал все: 1) апрельская демонстрация не была предметом ни острого, ни какого-либо иного столкновения между Лениным и другими членами ЦК, 2) Ленин не был за направление демонстрации левее линии ЦК, 3) не Ле-

---

ный состав совета выражает не вполне точно волю большинства рабочих и солдатских масс. Поэтому фракция большевиков считает резолюцию ЦК от 22 апреля неточно характеризующей положение дела в данный момент.

От редакции. Само собой разумеется, что вовсе не против организаторов массовых демонстраций направлена резолюция ЦК, и что при таком понимании указанного лозунга исключена всякая мысль о легкомыслии или авантюризме. Во всяком случае, громадной заслугой названных товарищей, как представителей организаторов манифестации, является мирный и внушительный массовый характер их. Они единственно организовали достойный отпор буржуазии, демонстрировавшей в пользу своего временного правительства.

нин был по случаю апрельской демонстрации обвинен «правым крылом» в бланкизме, а Ленин, в связи с ошибками маленькой группки при проведении апрельской демонстрации, выступил против бланкистской тактики (прения на апрельской конференции ничего не меняют в этой картине). Как могла приключиться такая ошибка у тов. Троцкого, ошибка, соответствующая «истории», как она писалась газетой «День» и как она записана меньшевиком Сухановым, но стоящая в противоречии с действительной историей нашей партии? Именно потому, что он увлекается прокурорскими методами, доказательства для заранее поставленной цели, что вместо точного анализа разногласий, колебаний, ошибок, вместо установления их подлинных пределов, изображения их в исторической связи с развитием ленинской линии, как отклонений в ту или другую сторону, но отклонений, тем или другим концом всегда примыкающих, при всей остроте расхождения, к основному стержню большевизма, он пытается изобразить историю большевизма перед Октябрем, как борьбу двух партий, борющихся внутри одной партии.

Именно поэтому тов. Троцкому вопреки истории и приходится утверждать, что «расстановка фигур» при Октябрьском восстании была за несколько месяцев до того дана «расстановкой фигур» во время апрельского похода т. Богдатьева и «индивидуалиста» Линде на Мариинский дворец. Тов. Троцкому дозарезу нужно показать всю «закономерность» разногласий, имевших место в Октябре. Именно поэтому у него «апрель» предвосхищает «Октябрь». В этой ошибке тов. Троцкого, и это особенно важно, полностью отразились все специфические черты его «исследования»: очень плохая осведомленность, очень большое «злорадство» и поход враждебно-настроенного «разоблачителя».

Обратимся теперь к периоду сентябрь—октябрь. Излагая позицию Ленина и позицию ЦК партии со времени Демократического Совещания по день восстания, тов. Троцкий «искусно» делит имевшие место расхождения между ЦК и Лениным на две категории: 1) те, где тов. Троцкий разделял предложения Ленина—в этих случаях по нынешнему изложению тов. Троцкого ЦК уклонялся на позицию правого крыла и впадал в «социал-демократизм», 2) те, где тов. Троцкий разделял позицию ЦК и расходился с Лениным—в этих случаях тов. Троцкий готов «оправдать» ЦК. Так, по поводу опротестова-

ния петроградским советом приказа Керенского о выводе части гарнизона на фронт, тов. Троцкий замечает: «Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении». И там же: «Он (Ленин) не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после «тихого» восстания столичного гарнизона к середине Октября»...

Искусное маневрирование разногласиями между ЦК и Лениным,—причем дело представляется так, что ЦК прав тогда, когда согласен с тов. Троцким, а Ленин неправ тогда, когда несогласен с тов. Троцким,—имеет в виду представить ЦК партии перед Октябрем как учреждение, находящееся в плену у правого крыла и «принимающее» восстание только после «настойчивого, неутомимого, непрерывного напора» Ленина. Это не изложение, а искажение истории Октября. Конечно, «настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральный Комитет в течение сентября—октября» напрягал энергию ЦК, ни на минуту не позволял забыть о задаче восстания, буквально электризовал ЦК и организации партии. Так именно действовал и не мог не действовать Ленин. Но ЦК, как непосредственный организатор восстания, ни на минуту не расходясь с боевыми директивами Ленина, должен был в то же время, точно оценивая ситуацию, выбирать формы, место, сроки восстания, обеспечивающего его победу. И участие в Демократическом Совещании и участие в Предпарламенте были проведены в значительной мере благодаря предостережениям Ленина против опасных уклонов так, что не дали тех отрицательных результатов, которые, конечно, были возможны и которых справедливо опасался Ленин, а позволили большевикам политически и организационно придвинуться к восстанию. Именно историк теперь может сказать это спокойно и беспристрастно. Но если участие в Демократическом Совещании и Предпарламенте *) вызывало осуждение

---

*) По поводу Демократического Совещания Ленин в статье «О героях подлога», напечатанной в «Рабочем Пути» 24 сент., писал: «Участие большевиков в этом гнусном подлоге, в этой комедии имело исключительно такое же оправдание, как участие наше в III думе: и в «хлеву» надо отстаивать наше дело, и из «хлева» давать разоблачающий материал в поучение народа». Иначе оценивает он участие в

со стороны Ленина, то еще более резко характеризовал он политику ЦК с конца сентября до дня восстания—связывание восстания с созывом С'езда Советов, что представлялось ему политикой ненужных «оттяжек». Тов. Троцкий приводит эти отзывы Ленина: «У нас в ЦК и в верхах партии,—пишет Ленин 29 сентября,—есть течение или мнение за ожидание С'езда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение». В начале октября Ленин пишет: «**Медлить—преступление, ждать С'езда Советов—ребяческая игра в формальность, вздорная игра в формальность, предательство революции**» (курсив наш). В тезисах для петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: «Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на С'езд Советов...». Что же говорит т. Троцкий по поводу **такой** характеристики Лениным подготовки С'езда Советов? Тов. Троцкий, с таким «злорадством» ловящий всякое гневное замечание Ленина, брошенное по адресу того или иного большевика, «наивно» игнорирующий в этих случаях тактический умысел Ленина, который скрыт за тем или иным выражением, и сознательный «перегиб палки», если он может раздуть его в указание на «кризис партии», как он оценивает тут ленинскую оценку, попадающую в план ЦК, с которым был согласен и тов. Троцкий? Тов. Троцкий на этот раз не принимается за вдохновенные доказательства того, что «предательство революции» и «конституционные иллюзии» ведут прямо к буржуазному парламентаризму и т. п. Тов. Троцкий не спешит, ухватившись крючкотвор-

письме, датированном 22 сент., но писанном, повидимому, позднее статьи: «Надо было бойкотировать Демокр. Сов., **мы все ошиблись, не сделав этого, ошибка в фальшь не ставится. Ошибку мы поправим, было бы искреннее желание стать за революционную борьбу масс»**... Таковы были два варианта Ленина по поводу участия в Демокр. Совещании. Это не мешает бесцеремонному автору примечаний к книге тов. Троцкого утверждать: «Ленин в разногласиях по вопросу об участии в Демократическом Совещании и бойкоте Предпарламента, самым категорическим образом поддерживал бойкотистов». Послушайте, тов. примечатель: можно. . . «примечать», но все же надо знать и меру. И за такие-то «примечания» берет на себя ответственность т. Троцкий. Под таким «соусом» подается история Октября. Впрочем, все это неудивительно, поскольку сам т. Троцкий взял совершенно ложный **не-ленинский тон** по вопросу об октябрьских ошибках нескольких большевиков.

ски за буквальный смысл ленинской фразы, «записаться» сам в социал-демократы: обвинения, попадающие **в него самого**, он расценивает уже **не как злопыхательствующий разоблачитель, а как политик.** В других случаях он находит этот метод «излишним». Он начинает со скромного замечания: »Все эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента». После чего основательно доказывает, что конкретный план восстания, проводившийся ЦК, был далеко не плох. Впрочем, тов. Троцкий несомненно впадает в преувеличение, когда изображает гибельные последствия, которые мог был иметь план начала восстания в Москве, о котором говаривал Ленин. Напрасно, совершенно напрасно, т. Троцкий изображает дело так, как будто **Ленин чуть не погубил успех восстания** неудачным планом назначения начала восстания в Москве. К чему это? Вряд ли имеет смысл гадать теперь о том, как вел бы подготовку восстания Ленин, если бы не должен был скрываться от ищеек Керенского. Вряд ли имеет смысл разбирать теперь вопрос о том, могло ли восстание успешно быть проведено месяцем раньше *).

Бесспорно только одно: ленинская критика участия большевиков в Демократическом Совещании и Предпарламенте

---

*) И опять-таки т. Троцкий неточно передает ленинскую постановку вопроса о сроках восстания. Тов. Троцкий пишет: «В сентябре в дни Демократического Совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию». Нет, Ленин гораздо осторожнее формулировал свое «требование». Как ,в самом деле, заканчивает Ленин знаменитый абзац об окружении Александрийки, занятии Петропавловки, ареста генер. штаба и правительства и т. д. в письме в ЦК, писанном в дни Демокр. Совещания? Предлагал ли он в самом деле немедленный захват Александрийки и т. д.? Ленин заканчивает свою «деловую программу» восстания следующей фразой: «Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, не относясь к восстанию, как к искусству». В другом письме в ЦК, писанном в те же дни, Ленин говорит уже вполне ясно: «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массой... Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати».

полностью увязана с рисовавшимся им планом восстания, осуществляемым вне зависимости от С'езда Советов; тактика Центр. Комитета в отношении Демокр. Совещания, и не столько «вхождения», сколько «прохождения» через Предпарламент (вхождение для действительного «участия» в Предпарламенте, конечно, было бы опасной ошибкой, но эта ошибка вовсе не была сделана), увязана с планом провозглашения советской власти на С'езде Советов и обеспечения этой власти одновременно путем вооруженного свержения правительства Керенского (конечно, весь «нажим» Ленина против возможной опасности «конституционных иллюзий» и подмены задачи захвата власти задачей получения большинства на С'езде Советов был архи-нужен и полезен); тов. Троцкий в свое время поместился посредине между этими двумя вариантами повстанческой стратегии, конечно, не заключавшими в себе ничего, кроме чисто деловых, не принципиальных расхождений. Тов. Троцкий пытается теперь использовать выгоды этого среднего положения, **представляя в двусмысленном виде и ЦК, и Ленина.** На самом деле именно сочетание ленинского принципиального руководства партией и конкретного руководства по подготовке восстания со стороны ЦК и петроградского и московского комитетов обеспечило победу Октября, несмотря на ошибки отдельных виднейших большевиков. Еще и еще раз: ЦК и Ленин были едины, буквоедские попытки противопоставить их—смешны; ЦК не имел иной «линии», кроме «линии» Ленина. Но именно это глубочайшее единство, которое выражало собой единство Ленина и партии, позволяло ЦК вовсе не рассматривать Ленина, как противостоящую ЦК инстанцию, каждое «распоряжение» которой подлежит буквальному исполнению. Именно в порядке этого глубочайшего **единства и сотрудничества** ЦК претворял политическое руководство Ленина в практическую работу партии. Не было бы подлинного единства, если бы не было этого сотрудничества внутри ЦК между Лениным и прочими членами ЦК (в том числе и тов. Троцким, который в те дни умел работать, как член коллектива).

Здесь полезно восстановить для истории и для правильной характеристики отношений ЦК и Ленина ряд «расхождений», имевших место между Лениным и ЦК в период между июлем и октябрем. Ленин после июльских дней предложил

совершенно снять лозунг «власть советам» до захвата власти и создания **тогда** новых, революционных советов. В этой категорической форме предложение Ленина не было принято. Корниловский заговор, давший вновь возможность большевикам начать с успехом работу за завоевание большинства в советах, подтвердил справедливость более осторожной линии ЦК, с которой затем согласился и Ленин. В связи с этим было и другое расхождение: Ленин советовал переводить партийный аппарат на нелегальное положение, готовиться к изданию нелегальной газеты, не верил в возможность дальнейшего сохранения легального органа ЦК в Петрограде. Между тем ЦК решил сохранять открытую организацию и легальную печать, конечно, во всех нужных случаях комбинируя «легальность» и «конспирацию». VI с'езд партии удалось провести вскоре после июльских дней в Петрограде с минимальными конспиративными предосторожностями. Контр-революция не была еще настолько организована и сплочена, чтобы иметь возможность в самом деле раздавить нашу прессу и организацию. Орган ЦК запрещался под одним заглавием, но вновь начинал выходить под другим и т. д. В корниловские дни Ленин выступил со статьей «О компромиссах». Редакция Ц. О. высказалась против помещения статьи, считая, что обстановка не дает оснований для предложения «компромисса». Ленин настоял на помещении статьи—она была напечатана в «Рабочем Пути» через два дня; конечно, в этом случае прав был Ленин, а не редакция Ц. О., желавшая взять «чуточку левее» Ленина. В чем же состоял бы компромисс, условно предлагавшийся Лениным? Ленин писал: «Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), **отказались бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование** (курсив наш). Условием, само собой разумеющимся, и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы **полная свобода агитации и созыва учредительного собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок»**. Это предлагал Ленин. Этот тактический ход он делал 3-го сентября 1917 года. Обо всем этом у тов. Троцкого—ни словечка. Между тем тот

кто хочет дать подлинную картину большевизма перед Октябрем и в дни Октября, не может пройти мимо статьи «О компромиссах». Без ее учета—нет картины ленинской тактики, без ее учета—непонятен истинный характер колебания Зиновьева—Каменева, непонятно отношение Ленина к партии, к их колебаниям. Тот, кто хочет не раз'яснения, а запутывания, действительно должен замалчивать статью Ленина «О компромиссах». К сожалению, так и поступил тов. Троцкий.

Эти беглые замечания не претендуют, конечно, ни в какой мере на то, чтобы осветить «общую картину Октябрьского переворота». Их задачей является—показать всю придуманность «схемы» тов. Троцкого, наметить действительные отношения в партии перед Октябрем такими, какими они были. У т. Троцкого все идет по прямой линии, проведенной по линейке; но факты нельзя выстроить в шеренгу, как солдат на параде. Отсюда явные ошибки, противоречия, крупные искажения, которыми пестрит «исследование» тов. Троцкого. В живой действительности все было иначе: Ленин вместе с ЦК, вместе с основными большевистскими кадрами, маневрировал в сложнейшей и круто меняющейся обстановке: и Ленину, и другим случалось ошибаться (конечно, ленинские «ошибки» были особого характера), нащупывая путь, и признавать свои ошибки: **на крутых поворотах одни отставали, другие забегали вперед; но фронт неизменно выравнивался в короткий срок.** Пройти без разногласий, без уклонений, без ошибок путь от Февраля до Октября никакая политическая партия не могла бы. Большевистская партия прошла этот путь дружнее, чем прошла бы его всякая иная партия. Конечно, партия не действовала в безвоздушном пространстве. Она претерпевала давление смежных классов и слоев. В известной мере она обязательно должна была с ними считаться, к ним приспособлять свою тактику. В свою очередь, она стремилась подчинить их своему руководству. Когда уступить и выждать, до каких пор выжидать, до каких пределов уступать? Эти вопросы не существовали и не существуют только для тех, кто воображает, что в политике, как в геометрии, прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Ленин, в противоположность подобным политикам, маневрировал, шел в обход, отступал—и бросался в бешеное наступление. Разногласия среди большевиков в 1917 году могут быть представлены, как борьба

двух партий в одной партии только при нарочитом подходе, естественном только для «историка», судящего о партии «со стороны». Если бы был прав тов. Троцкий в своем суждении о внутренних разногласиях среди большевиков, если бы были две партии в одной партии, то разногласия обязательно приводили бы к кризисам внутри партии, т.-е. к таким кризисам, в которых организации раскалывались бы между собой или с ЦК. Но именно этого-то и не было в 1917 году. Разногласия весной 1918 года в связи с Брестским миром гораздо сильнее задели партию, чем октябрьские разногласия, промелькнувшие на верхах. Если теперь тов. Троцкий поставил октябрьские ошибки нескольких большевиков **в центре** своего «изучения Октября», то он **тем самым** осудил свою попытку «изучения» на полную неудачу.

Но, наконец, в чем состоят «уроки», извлеченные тов. Троцким из «изучения Октября»? Увы, он не формулирует выводов. Почему же? Да потому, что эти «выводы» таковы, что автору, пожалуй, даже самому неловко их «формулировать!» Поэтому все сводится к намекам на необходимость такого «руководящего персонала», который бы не «дрейфил», и к усиленному обстрелу «химическими» снарядами нынешнего партийного руководства под прикрытием белого флага «изучения Октября». Но это вовсе не новый урок, а «повторение пройденного», зады прошлогодней «дискуссии». И так как это «пройденное» у всех еще вполне свежо в памяти, и ни у кого нет охоты еще раз «повторять пройденное», то поистине напрасно тов. Троцкий поддается «неведомой силе», которая вновь влечет его к «грустным берегам» дискуссионных потоков.

Д. ЛЕБЕДЬ

О недопустимом искажении исторических фактов.

(По поводу статьи тов. Троцкого «Переворот»)*

Во время последней партийной дискуссии партия пришла к выводу, что одним из больших недостатков нашего партийного воспитания, особенно воспитания молодежи, является отсутствие самых элементарных сведений у многих членов партии о том, как складывалась история нашей партии, из каких идеологических, политических и тактических звеньев образовывалось большевистское мировоззрение, какова была роль отдельных вождей и старых революционно-политических деятелей в исторических событиях, приведших к Октябрю, в русском и международном рабочем и революционном движении. Подчас можно было наблюдать прямо комические вещи, вроде того, что «убежденный» и апеллирующий к марксизму и к большевизму «оппозиционер», с видом непоколебимого знатока, доказывал партийной аудитории, что в сущности тов. Троцкий «вместе с тов. Лениным», только «с различных флангов», направляли русское рабочее движение по руслу последовательного революционного марксизма и приближали торжество пролетарской диктатуры. Правда, такие «историки» частенько оказывались бывшими литераторами меньшевистских, а иногда и лево-кадетских газет, журналов и прочее.

Когда кто-либо из кое-что знающих по истории партии и рабочего движения сообщал, скажем, главные факты, вроде того, что тов. Троцкий боролся против большевиков, что в издаваемой в Вене в 1911—1912 году газете «Правда» он не

---

*) Статья «Переворот» взята из книжки тов. Троцкого «О Ленине» —материал к биографии и напечатана в недавно изданной издательством «Пролетарий» книжке «к Октябрю».

один раз вместе или в тон меньшевикам доказывал, что большевизм обречен на вырождение, как оторванное от рабочего движения течение, что большевизм есть узкая, изолированная доктринерская группа и т. п.; когда указывали на то, что на циммервальдской международной конференции тов. Троцкий не пошел с большевиками в вопросах отношения к войне, а оставался на своей, хотя и особой от меньшевиков, позиции; когда, наконец, указывали на более ранние ошибки тов. Троцкого и его группы и даже более поздние (оценка революционных перспектив, так.-наз. «перманентная революция», отношение к Брестскому миру: «войны не ведем, мира не заключаем»),—то на все эти факты многие члены партии, особенно молодежь, задавали вопрос: «А почему же все это не освещается в литературе, не сообщается в лекциях по истории партии? Почему о целом ряде явлений мы знаем, скажем, о том, как вели себя такие товарищи, как Бухарин, Каменев, Зиновьев в те или иные моменты нашей революции, а о Троцком знаем меньше?»

Были указания и на то, что тов. Ленин не раз сам заявлял всей партии на ее с'ездах и в статьях об отдельных своих ошибках. После таких раз'яснений сплошь и рядом многие товарищи уясняли себе смысл того, почему партия так решительно и единодушно, в первую очередь, в лице ее большевистских кадров, так резко осуждает непризнание своих ошибок тов. Троцким.

Я наблюдал за десятком, а то и больше артемовцев и рабфаковцев-коммунистов, которые по мере уяснения некоторых исторических событий и фактов, касающихся отдельных лиц и партийных групп в прошлом, решительно становились на сторону ЦК, уясняя себе, что нынешние ошибки т. Троцкого не случайны, а продиктованы ему старыми, неизжитыми традициями. Обидно только то, что часто факты эти товарищи узнавали из источников таких, как «История социал-демократии» Мартова, «Письма Мартова и Аксельрода», издаваемые меньшевиками за-границей, а не могли достать источников в нашей истпартовской и иной литературе. Всем этим об'ясняется то обстоятельство, что во многих резолюциях на местах были указания на необходимость развить подробное изучение истории партии и революционного движения; это же нашло свое отражение и в резолюции партс'езда.

Но что сделано за это время в указанном направлении? Ничего или почти ничего. «История нашей партии» тов. Зиновьева, хотя и дает освещение многому, чего нет в другой литературе, но все же не является исчерпывающей. Для пытливой и развивающейся мысли партийной молодежи надо уже дать историю с более подробным и исчерпывающим анализом.

Почему необходимо этот вопрос заострить вновь и сдвинуть его практически? Меня на эту мысль натолкнула прочитанная статья тов. Троцкого «Переворот». Из-за точенного стиля и обычной литературной отшлифовки статьи безбожно «прет» явный суб'ективизм в оценке событий, а также и явно претенциозная оценка персональных влияний и позиций в октябрьских событиях отдельных ее руководителей и участников, о чем следует поговорить.

Всем, кто, несмотря на повседневную практическую работу, нет-нет, да и заглядывает в книжку или в свою память, известно, что в октябре 1917 года ленинизм, как метод пролетарской тактики, получил свою проверку, подтвердившую правильность ранее выраженных Лениным и его соратниками большевистских взглядов.

Наша партия совершала Октябрьскую революцию в полном соответствии с этими взглядами, выработанными задолго до революции. Известно также, что тактика Октября была определена ленинизмом, как тактика **революционного массового организованного восстания.** Обо всем этом можно узнать хотя бы из таких документов, как письма Ленина к московскому комитету, и ЦК в предоктябрьские дни, к ленинградскому комитету (тогда ПК) и т. д.

У тов. Троцкого, однако, получается, что большевизм подходил к Октябрьскому перевороту с неправильной тактикой в деле массового восстания, и только перед самым Октябрем нашел эту правильную тактику.

«Как в июле,—пишет Троцкий,—Ленин переоценивал проницательность и решительность врага, а, может быть, уже и его материальные возможности. В значительной мере это была сознательная переоценка, тактически совершенно правильная. Она имела своей задачей вызвать со стороны партии удвоенную энергию натиска. Но все же брать власть собственной рукой независимо от совета и за спиной его партия не могла. Это было бы ошибкой. Последствия ее сказались бы даже на по-

ведении рабочих и могли стать чрезвычайно тяжелыми в отношении гарнизона».

В чем дело?—спросит читатель. А дело в том, что перед этим тов. Троцкий нам сообщает, что Ленин не соглашался ждать с восстанием до с'езда советов, назначенного на 25 октября. Отсюда тов. Троцкий выводит такую мораль, что он был прав, когда предупреждал о необходимости связать восстание **со с'ездами советов**, ибо **в этом** и есть, по тов. Троцкому, **массовость характера восстания.** Но это еще не все. Дальше тов. Троцкий говорит прямо так: **«Я понял** (т.-е. Троцкий. **Д. Л.**), **что он** (т. Ленин. **Д. Л.**) **только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора».**

Выходит, что вплоть до последних предоктябрьских дней Ленин был за «захват власти путем конспиративного заговора», а тов. Троцкий—за массовое восстание.

Это—весьма важное, если не сказать больше, суждение тов. Троцкого, расходящееся со всеми документами, равно как и с большевистской логикой.

Если тов. Троцкий и посейчас считает, что без с'езда советов вообще не может быть массового восстания, а может быть лишь «конспиративный заговор», то это—не большевистское суждение. Это есть переоценка **формального** момента. Изображая Ленина бланкистом, сам тов. Троцкий отступает в сторону от большевизма.

Тот факт, что восстание было проведено именно во время второго с'езда советов, ничуть не умаляет указанной ошибки тов. Троцкого в трактовке им позиций Ленина.

Посмотрим, как большевизм смотрел на тактику вооруженного восстания. Начнем с ранних определений, данных Лениным.

«Будем же шире развертывать нашу работу и смелее ставить свои задачи, усваивая уроки великих дней российской революции. В основе нашей работы лежит верный учет интересов классов и потребностей общенародного развития в данный момент. Будем помнить, что **близится великая массовая борьба.** Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть по сознательности единовременным. **Массы должны знать,** что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу». Так Ленин говорил в 1906 году в статье «Об уроках московского восстания»

(т. VII, ч. II, стр. 51—53). Есть ли здесь хотя доля заговорщицкой тактики? Вся статья только и твердит о массовой подготовке, а по Троцкому выходит, что только его совет предупредил от заговорщицкой тактики.

Посмотрим дальше, что Ленин говорил уже перед самым восстанием:

«Что вся власть должна перейти к советам, это ясно. Также бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской—это теперь одно и то же) власти обеспечены величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплоатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах—в частности, среди русского крестьянства в особенности». (Из статьи «Советы постороннего», 8 октября 1917 г., т. XIV, ч. II, стр. 269—270).

Приведем, наконец, те ленинские положения, которыми он дает ответ на вопрос о заговорщицкой тактике:

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс*). Это—во-первых. Восстание должно опираться на революционный под'ем народа. Это—во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа—наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это—в-третьих. **Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма»**. (1917 г. «Марксизм и восстание». т. XIV, ч. II, стр. 135—136).

Кажется, приведенного вполне достаточно, чтобы удивляться, как иногда, полагаясь на личную память и не зная или позабыв о существовании документов, можно делать весьма поспешные выводы. Хотя у нас все основания есть к тому, чтобы считать, что тов. Троцкий так писал не по забывчивости.

Цель настоящей статьи—не детальный разбор произведений тов. Троцкого, это надо сделать возможно полнее и возможно скорее. Партия настолько зрела и испытана на почве правильного критического выявления всего, что касается ее истории, ее мировоззрения и ее научного, идеологического и тактического багажа, что никогда и никому не удастся никаким суб'-

*) Всюду подчеркнуто нами.

ективным освещением усыпить этот здоровый ленинский критический дух. Однако, для дела правильного воспитания, повседневно ведущегося партией, надо такие произведения немедленно раз'яснять, как со стороны их ошибочности, так и со стороны причин этой ошибочности. Ибо нельзя считать случайностью, что никто другой, а именно товарищ Троцкий дает такую «ошибочную» оценку предоктябрьских событий.

Вот почему необходимо добиться, чтобы партия уже имела настоящий, научно, т.-е. исторически точно, и с ленинским большевистским анализом составленный учебник истории партии и Октябрьской революции. Необходимо также, чтобы все, изучающие партию и революционное движение, могли пользоваться теми историческими материалами, которые освещают некоторые явно провалившиеся теории и позиции (скажем, позиции Троцкого до революции). А надо сказать, что если, например, о бывшей позиции тов. Бухарина во время Бреста есть куча документов, доступных каждому, им же самим не раз опубликованных (точно так же, как и об отдельных внутрипартийных расхождениях т т. Зиновьева и Каменева), то днем с фонарем не разыщешь материалов для ознакомления со взглядами и идеями т т. Троцкого, Рязанова в их эмигрантской политической деятельности и целого ряда других видных работников революционного движения.

Теперь уже каждый член партии знает, что позиции того или иного старого и опытного работника, а тем более участвующего в руководящих группах, не представляют собою только биографического интереса, а являются важнейшими факторами к уяснению классовых и общественных влияний на данного политического деятеля или группу. Только с этой, а не с какой иной точки зрения партия вправе и обязана знать, кто, в какой мере и какими путями способствовал укреплению ее большевистского закала, в борьбе с какими общественными группами и их политическими выразителями партия выработала свое главное оружие—ленинизм.

Обычно к октябрьским годовщинам пишется куча всяких воспоминаний; зачастую они являются весьма переработанными давностью времени в сознании авторов более в желательном им направлении, чем в направлении действительности; все это сравнительно невинно, если это носит характер беллетристического воспроизведения некоторых фактов и со-

бытий, которые известны автору воспоминаний. Но эта невинность превращается в серьезную вещь, когда факты, события и вся история привлекаются для обоснования политических позиций. Это—уже не личное дело, а дело всей партии, и это—уже не невинное желание запечатлеть на страницах истории и поделиться с другими своими воспоминаниями, а серьезное политическое предприятие с серьезными политическими последствиями. А если при этом история искажается, то это—вещь нетерпимая.

Только так надо смотреть на статью тов. Троцкого, с той прибавкой, что в ней очень прозрачно скрыты и серьезные политические намерения. Вот почему безотлагательно необходимо, не к 8-й годовщине, а в течение 8 года пролетарской революции, дать партии действительно политическую, действительно правдивую, с действительным ленинским анализом историю Октября.

Такая история может быть только трудом (вероятно, коллективным) под контролем руководящего органа партии—ее Центрального Комитета.

Ленинизм или Троцкизм?

(Доклад тов. Л. Б. Каменева)*.

— Товарищи! Предметом моего доклада будет последнее выступление тов. Троцкого,—выпущенная им накануне годовщины Октябрьской революции статья, названная автором «Уроки Октября». Троцкий довольно часто дарит партии свои книжки. До сих пор, однако, мы не находили нужным специально останавливаться на этих книжках, хотя в ряде их не трудно заметить отступления от большевизма, от официальной идеологии нашей партии. На этой книжке необходимо остановиться и разобрать ее до конца, прежде всего, потому, что темой своего последнего выступления тов. Троцкий взял уроки Октября.

Так как вся наша партия, весь Коминтерн, все мировое рабочее движение, вся рабочая молодежь учится и будет учиться именно на уроках Октябрьской революции, то нельзя думать, что истолкование этих уроков есть частное дело того или другого автора. Раз «Уроки Октября» выходят под партийной фирмой, раз они исходят от члена ЦК и Политбюро нашей партии, руководящей Коминтерном, что не есть тайна ни для кого, то ясно, что нам грозит опасность, что подобные выступления, подобные «уроки» могут быть восприняты, как учебник не только для членов нашей партии, для нашей молодежи, но и для всего Коминтерна. И по форме выступление тов. Троцкого расчитано именно на то, чтобы быть учебником для Коминтерна. Всякий, кто читал эту статью, видел, что она аппелирует не только к нашей партии, но и к международному пролетариату, и к коммунистическим партиям всех стран. Поэтому я и сказал, что это—не частное дело, и спор по поводу

---

*) Печатаемое представляет стилистическую обработку доклада, прочитанного мною 18 ноября на собрании М. К. с активными работниками и повторенного 19—на собрании фракции ВЦСПС и 21—на совещании военных работников.

Л. К.

того, правильно или нет изложены уроки Октября, не есть литературный спор, не есть дело литераторов: это—политический спор, это—дело всей партии. Если бы раздались голоса, что спор, вызванный книжкой тов. Троцкого, есть только спор между Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Сталиным и Каменевым, что это есть спор отдельных литераторов, то такие товарищи признались бы в том, что они не понимают подлинных интересов партии. Такие рассуждения могут исходить лишь от товарищей, которые хотели бы воспользоваться спором внутри партии для создания какой-то третьей группы, которая базировалась бы на том, что «литераторы спорят, а нас это не касается».

Нет, спор об уроках Октября, спор о том, что международный пролетариат должен взять из Октябрьской революции, это не есть дело литераторов, это есть дело всей партийной толщи.

Никто не имеет права оставаться в стороне от этого спора. Это есть глубочайший вопрос нашей внутренней жизни и жизни Коминтерна. Может ли партия рекомендовать учиться по Троцкому, или же она должна всем своим авторитетом предостеречь пролетариат от тех выводов, которые тов. Троцкий делает в своих «Уроках Октября»? Вот в чем вопрос.

Я не имею здесь в виду подробно разбирать эту статью тов. Троцкого. Тов. Троцкий—искусный литератор, и его искусное перо неоднократно служило партии. Здесь же оно служит антипартийным элементам, здесь оно служит не большевизму, а делу разложения и дискредитирования большевизма, и как идеологии пролетарской революции, и как организации боевых элементов пролетариата. Достигнуто это чрезвычайно искусным, но, в основном, неправильным, противоречащим фактам изложением всех событий, начиная с февраля и по октябрь. Я не сомневаюсь, что партия выдвинет ряд авторов, участников этих событий, непосредственных борцов тех дней, которые укажут и разберут отдельные извращения, допущенные тов. Троцким по отношению ко всем решающим моментам партийной истории той эпохи: извращена апрельская демонстрация, извращена апрельская партийная конференция, извращены июньские и июльские события, извращены события, связанные с деятельностью предпарламента, извращен ход самых событий в Октябре. На всем этом, на деталях восстановления исторической

правды и на сопоставлении того, что говорится тов. Троцким, с документами—на всем этом я не могу здесь останавливаться. Я хочу поставить только общий вопрос о социально-политическом смысле выступления тов. Троцкого, о том значении, которое это выступление имеет в связи со всеми выступлениями тов. Троцкого и с ролью тов. Троцкого в нашей партии.

По понятным причинам мы избегали ставить этот вопрос, но теперь мы не можем избежать этого, потому что тов. Троцкий, затронув вопрос об Октябре, о роли нашей партии и о роли Ленина в деле создания идеологии Октябрьского переворота и в деле проведения Октября, сам заставляет нас поставить вопрос об общем смысле всех выступлений тов. Троцкого на протяжении истории большевистской партии.

Я, поэтому, должен буду остановиться на вопросе о троцкизме и о большевизме вообще, взяв последнее выступление тов. Троцкого лишь как один из наиболее ярких и показательных элементов общей линии тов. Троцкого.

Прежде всего, нужно спросить себя, действительно ли тут есть какая-нибудь общая линия? Когда говорится о троцкизме, что под этим подразумевается? Идет ли дело о личности тов. Троцкого или о некоторых общих, далеко не личных явлениях в истории рабочего движения за последние 20 лет в России? С чем мы тут имеем дело —с личностью, с индивидуальностью, или с некоторым обобщением, с какой-то струей, которая порождена общими условиями развития рабочего движения в мелко-буржуазной стране, со случайным явлением или с явлением, которое имеет за собой историю, которую забывать нельзя? Если вы обратитесь для решения этого вопроса к сочинениям тов. Ленина, то должны будете констатировать, что нет почти ни одного тома сочинений тов. Ленина вплоть до Февральской революции и—с некоторым перерывом—вновь, начиная с 1918 года, в котором вопрос о троцкизме не стоял бы постоянно и не обсуждался бы систематически. Почему?

1. Троцкизм и партия до революции 1917 г.

Наша партия сложилась в стране мелко-буржуазной, в стране капиталистически-отсталой, и вопрос о том, каким образом пролетариат, поставленный в условия наиболее отсталой из европейских стран, окруженный крестьянской мелко-бур-

жуазной стихией в большей мере, чем пролетариат какой-либо другой страны, как этот пролетариат еще при царском самодержавии мог родить, создать и выковать партию, которой судьбами истории было предназначено стать во главе всего международного движения,—есть основной вопрос **самопознания партии.** Этот вопрос есть вопрос о нашем происхождении и развитии, и партия неоднократно выясняла для себя, почему и каким образом пролетариату России (выражаясь по-старому) в отсталой крестьянской стране, при самодержавии, суждено было выковывать и выковать тот ленинизм, который теперь является путевой звездой для всего международного пролетариата, для пролетариата гораздо более капиталистически развитых и экономически подготовленных стран, чем Россия. Я не буду сейчас останавливаться на этих об'яснениях. Одно—несомненно. В этих условиях партия революционного пролетариата, партия большевиков могла сложиться только в постоянной, систематической, неустанной борьбе с мелкобуржуазной стихией, пытавшейся подчинить себе рабочий класс. Большевизм есть учение насквозь боевое в том смысле, что оно создавалось, росло, крепло и окрепло в постоянной и неустанной борьбе со всеми формами влияния буржуазии на пролетариат.

Концентрированным выражением политики влияния буржуазии на пролетариат является меньшевизм. Тридцатилетняя история большевизма есть тридцатилетняя история его борьбы с меньшевизмом. Ленинизм есть учение о войне пролетариата против буржуазии. Именно поэтому ленинизм есть в то же время учение о войне против меньшевизма.

Формы влияния буржуазии на пролетариат менялись в зависимости от смены исторических эпох. Менялись соответственно и формы, виды, разновидности, приемы меньшевизма. Неизменной оставалась ленинская, «бешеная» борьба против меньшевизма, ленинское умение под всеми видоизменениями форм и приемов меньшевизма вскрыть его доподлинную сущность: враждебность делу создания большевистской идеологии и делу строительства большевистской партии. Это знают или, по крайней мере, предполагается, что это должны знать **все.** Все понимают, что тот, кто не усвоил себе мысли, что большевизм есть систематическая борьба с меньшевизмом, тот ничего не понял в большевизме, ничего не понял ни в его исто-

рии, ни в его историческом облике, ни в том, как и почему большевизм победил. Далеко не все знают, и до недавнего времени предполагалось, что **этого** все и не должны знать, что так же, как ленинизм сложился, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с меньшевизмом, он рос, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с троцкизмом.

Почему?

Потому что троцкизм впродолжение всего того периода, когда наша партия подготовлялась к решительной классовой борьбе пролетариата с буржуазией, создавая ленинизм, как учение о пролетарской революции, и складывая партию, как ее руководителя,—троцкизм служил ничем иным, как агентурой меньшевизма, как прикрытием меньшевизма, как маскировкой меньшевизма.

Начиная с 1903 года, т.-е. с момента рождения меньшевизма и до его окончательного краха в 1917 году, Троцкий выполнял роль агента меньшевизма среди рабочего класса. Это—факт, без усвоения которого совершенно невозможно понять ту роль, которая отведена Троцкому во всех сочинениях Ленина на протяжении последних 20 лет.

Всякий, кто будет изучать историю партии по сочинениям Ленина,—а у нас нет и не будет лучшего, более глубокого и более богатого содержанием и выводами учебника по истории партии и революции,—неизбежно убедится, что на протяжении всей своей борьбы за партию и за революцию против меньшевиков Ленин рассматривает Троцкого (его линию в целом на протяжении десятилетий и его отдельные выступления) только и исключительно, как агента меньшевизма, как оружие, которым пользуется меньшевизм для захвата влияния в тех или других слоях рабочего класса, как слугу меньшевизма. Для Ленина Троцкий, «троцкизм»—такое же характерное, не случайное, давлением буржуазии порожденное явление в общей сумме враждебных подлинной пролетарской партии явлений, как длинный ряд других групп и группок, фракций и подфракций, течений и теченьиц, которых рабочему классу надо было побороть, чтобы создать свою пролетарскую партию.

Для Ленина, начиная с 1903 г., Троцкий интересен не как личность: он для Ленина,—а с ним и для партии,—ти-

личное воплощение одной из исторических струек, враждебных созданию большевистской партии, враждебных созданию большевистской идеологии, т.-е. идеологии пролетарской революциии и большевистской пролетарской организации. Для него это живое—порой талантливое, порой плоское и излишне-фразистое воплощение враждебной делу пролетариата стихии,— так же, как Мартов, Чернов, Аксельрод, которых он разбирает именно, как воплощение определенных общественных явлений, а отнюдь не как личность. Эта систематическая борьба с троцкизмом, как враждебным большевизму течением, проходит у Ленина на протяжении всех томов его сочинений, вплоть до момента, когда Троцкий примкнул к нашей партии. Здесь следует перерыв и затем в другой форме—возвращение к этой же борьбе.

В дни первой революции

До 2-го с'езда партии в 1903 г., до раскола меньшевиков и большевиков, т. Троцкий служил ленинской «Искре», как служили ей Мартов, Потресов и другие меньшевики. За свое усердие в деле проведения ленинских планов на первых заседаниях с'езда т. Троцкий заслужил даже кличку «ленинской дубинки». Почетная роль! Но для политической истории тов. Троцкого характерна не столько эта роль, сколько то, что он немедленно изменил ей, как только—на последних заседаниях того же с'езда—на сцену вышли меньшевики.

Организационный разрыв на с'езде между меньшевиками и большевиками произошел на вопросе о выборах Центрального Комитета партии.

Надо было выбрать трех. На двоих из этой тройки сходились меньшевики и большевики. Меньшевики третьим хотели иметь... вчерашнюю «ленинскую дубинку»—Троцкого. Ленин ни за что на это не соглашался. Меньшевики ни за что не хотели уступить. Видимо, и Ленин, и Мартов хорошо оценили, насколько эта «дубинка», действительно, оказалась «ленинской». Ленин имел большинство на с'езде. Троцкий в ЦК выбран не был. Тогда совместно с Мартовым, Даном, Аксельродом и другими т. Троцкий **создает фракцию меньшевиков**, срывает решение с'езда, становится во главе бойкота центральных органов партии, возглавляемых Лениным, пишет

против Ленина политический памфлет,—одно из самых претенциозных и самых отвратительных произведений меньшевистской литературы, в котором всю политику Ленина об'ясняет жаждой власти в партии со стороны «кандидата в диктаторы» (т.-е. Ленина). Вся компания меньшевиков, во главе с Мартовым, Даном и другими, печатно рекомендует этот памфлет т. Троцкого к широкому распространению *). Так начинается история меньшевизма и история т. Троцкого в партии.

Став оруженосцем Мартова и Аксельрода, т. Троцкий, как политическая фигура, потерял для Ленина всякий интерес. Ленин длительно и систематически спорил с меньшевиками, с Плехановым, Аксельродом, Мартовым, с Мартыновым, выяснял рабочим и разоблачал перед рабочими их взгляды, но тратить время на споры с их сотрудником, Троцким, Ленин считал излишним. «Следует воевать с Плехановым, надо полемизировать с Мартовым, можно спорить с крайним оппортунистом Мартыновым, но тратить время на споры с Троцким— не стоит»,—внушал тогда Ленин своим сотрудникам.

Когда же т. Троцкий попытался уже летом 1905 г. выбраться из меньшевистского небытия тем путем, что своими словами изложил идею Парвуса о «перманентной революции», Ленин, подробно разобрав и отвергнув идеи и лозунги Парвуса, по поводу самой-то брошюры Троцкого выразил только сожаление, что «революционный социал-демократ» Парвус счел возможным выступить «вместе с Троцким», с его «революционной фразой». Больше ни о т. Троцком, ни об его «оригинальной» теории Ленин не счел нужным сказать ни одного слова. (Ленин. Собрание сочинений т. 7, стр. 130). Кстати. Именно эту брошюру т. Троцкий пытается теперь навязать партии, как диплом на свою революционность, стараясь доказать, что Ленин оказался прав лишь постольку, поскольку стал на точку зрения этой брошюры т. Троцкого. Об этом подробнее ниже.

За весь период первой революции, в годы, когда рабочие массы впервые в действии получили возможность проверить различные теории русской революции и вытекающие из них тактические приемы, когда Ленин ожесточенно отстаивал боль-

---

*) Подробнее см. книжку т. Канатчикова «История одного уклона», подробно и дельно излагающую ряд выступлений т. Троцкого.

шевистскую схему революции, он ни разу не счел нужным добавить что-нибудь к своей характеристике принципиальной позиции Троцкого, как к «революционной фразе». Ленин знал, что эта «левая фраза» Троцкого о «перманентной революции», во-первых, решительно ничего не определяла в действительном ходе революции и рабочего движения, и что, во-вторых, она ничуть не мешала т. Троцкому оставаться в меньшевистской организации, работать в меньшевистском центральном органе, политически сотрудничать с меньшевиками. Ленин имел марксовскую привычку судить о людях, партиях, направлениях по делам, а не по словам.

Во всю эпоху первой революции (1905—1907 гг.), когда пролетариат впервые получил возможность выступить на арену в виде массовой силы, демонстрируя в действии свою классовую политику и свое отношение к другим классам, проявилась ожесточенная борьба только двух тактик, только двух политик, только двух схем русской революции: это были меньшевизм, который, недооценивая или пренебрегая крестьянством, тянул рабочий класс к соглашению с буржуазией, и большевизм, который звал крестьянство поддерживать рабочих в их борьбе с царизмом и с буржуазией, во имя диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта борьба большевиков и меньшевиков в первой революции за направление революции—как и вся первая революция—предвосхищала, в основном, борьбу, развернувшуюся до конца во второй революции, в революции 1917 г. Как и в этой последней, теория Парвуса—Троцкого в ходе первой революции не играла **никакой** роли: она—по предсказанию Ленина—осталась фразой, оторванной от подлинного хода классовой борьбы, и сохранилась не в живых событиях подлинной борьбы, а лишь на запыленных страницах старых меньшевистских газет. Вот почему Ленин не потратил на ее опровержение в ходе революции ни одного слова.

В дни контр-революции

Революционная волна спала. Партия перестраивается для длительной и тяжкой работы в атмосфере контр-революции. «Левая фраза» потеряла всю свою эффектность. Приходится закладывать основы новой тактики, приходится спасать от

контр-революционного погрома, в атмосфере усталости рабочего класса, разгрома пролетарских организаций, разгула ренегатства, измены и злорадства над задавленной революцией, спасать то, что можно еще спасти,—знамя революционной тактики пролетариата, основы его нелегальных организаций. Приходится защищать знамя революционной политики рабочего класса, над которым начинают издеваться, которое топчут в грязь все меньшевики. В этот момент самый трудный для большевистской партии, потому что вся атмосфера разгрома революции была направлена против большевиков, вся целиком поддерживала меньшевистские, ликвидаторские—по отношению к партии и к революции—тенденции, в этот момент т. Троцкий, который, когда революция шла вверх, вместе с Парвусом обязательно хотел «быть революционнее всех», казалось, должен был бы притти на помощь большевикам. Так, по крайней мере, поступил принципиальный наш противник в 1905—1907 гг. Плеханов: старый революционер не выдержал: перед лицом всеобщей волны ренегатства, он—рядом с большевиками—бросился в бой под знаменем: «генеральное межевание», т.-е. генеральное отмежевание пролетарских революционеров от меньшевиков-ликвидаторов *). Троцкий поступил обратно.

Первое выступление тов. Троцкого в этот момент начавшейся контр-революции произошло на Лондонском с'езде. Большевики воевали на с'езде с меньшевиками-ликвидаторами, в частности, с фракцией 2-й Думы, во главе которой стояли всем нам хорошо теперь известные политики Церетелли и Дан. Большевики критиковали эту думскую фракцию, как фракцию, которая, проводя на деле меньшевистские взгляды, пыталась встать на путь западно-европейского социал-демократического парламентаризма. Мы знаем, что это—именно та теплица, в которой выращиваются самые отравленные плоды предательства рабочего класса. Против первых же шагов по этому пути большевики выступили с решительной критикой.

Тов. Троцкий, конечно, защищает меньшевистскую фракцию от большевистских нападок. Ленин характеризует его позицию: «Троцкий говорил от имени центра, он выражал взгляды Бунда. (Бунд — самая оппортунистическая органи-

*) Правда, боевого пыла хватило у Плеханова не надолго.

зация, которая когда-либо была в партии, самая беспринципная; для нее, пожалуй, беспринципность характернее, чем оппортунизм: она была организацией ремесленников и отражала их непролетарский дух). Он громил нас за внесение «неприемлемой» резолюции. Он грозил прямо расколом... Разве это не чудовищно??... Одна возможность такой постановки вопроса показывает, что есть непартийное нечто в нашей партии... Это не принципиальная позиция, а беспринципность центра и, конечно, его защитника, Троцкого»*).

Дальше тов. Ленин найдет еще гораздо более выразительные слова для характеристики позиции т. Троцкого в момент, когда наша партия подытоживала опыт 1905 г. и на этой основе закладывала фундамент для всего будущего партии. Но эти слова Ленина уже предвосхищают всю ту роль, которую суждено было т. Троцкому играть в течение десятилетия относительно нашей партии.

Таково было **первое** выступление т. Троцкого после революции 1905 года. С этого момента и вплоть во 1917 г. тов. Троцкий выступает неизменно как защитник меньшевиков против большевиков, как противник складывающейся в борьбе большевистской партии и именно как таковой неизменно же рассматривается партией.

Последуем теперь за Лениным и взглянем, как он характеризовал роль тов. Троцкого в трудном процессе создания большевистской партии, т.-е. в процессе создания и теории, и организации руководства пролетарской революции.

1910 г. Май. Момент **формального выделения** большевиков, окончательного идейного и организационного размежевания большевиков с проводниками буржуазного влияния на пролетариат: меньшевиками-ликвидаторами, во главе которых идут Аксельрод и Мартов, и отзовистами, во главе которых известный впоследствии ренегат Алексинский. Ленин пишет (Собр. сочин., т. XI, часть 2-я, стр. 49—53).

«Представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками... Резолюция Троцкого только по

---

*) Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 387—388.

внешности отличается от «излияний» Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень «осторожно» и претендует на «сверхфракционную» справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де «большевистские вожди»—эта та же «философия истории», что у Аксельрода и Алексинского...»

«Нетрудно видеть»,—продолжает Ленин,—«как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого, как они служат на деле отстаиванию той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К⁰, Алексинский и К⁰. Ведь, в этом вся бездна различия между примиренчеством Троцкого и К⁰, которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы партийными и якобы антифракционными декламациями,—и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма».

Ожесточенная борьба за основы большевизма продолжается. Все враги большевизма об'единяются и единым фронтом наступают на большевиков, на партию, на ее центральные учреждения. Ленин возвращается к вопросу о значении этой борьбы и о роли Троцкого и пишет (конец 1910 г. Собр. соч., т. XI, часть 2-я, стр. 182—3, 187):

«За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются определенные практические действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами (меньшевиками) кампания с целью срыва ЦК нашей партии. Резолюция Троцкого есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев (меньшевиков),—разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения (большевиков), а с ними заодно—и партию, как организацию. Эти антипартийные действия голосовцев (меньшевиков) и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться».

Как видите, товарищи, всякое бывало в нашей партии, и многое, что молодым членам партии кажется новым, для нас, стариков, и для внимательных читателей сочинений Ленина из молодежи, совсем не кажется уж таким новым. Всякое бывало!

Ленин продолжает:

«И мы заявляем поэтому **от имени партии в целом**, что Троцкий ведет антипартийную политику, что он разрывает партийную **легальность**, вступает на путь **авантюры и раскола...** Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде (об антипартийных группах) потому, что для **реальных** целей его политики правда непереносима... Эти реальные цели— **антипартийный блок**, каковой блок Троцким поддерживается и организуется... Этот блок, конечно, поддержит Троцкого, ибо антипартийные элементы получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освещение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими. И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок **авантюризмом** в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма (в меньшевиках), в отзовистах, Троцкий не **смеет**. В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать... Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения партийно-политических задач... Годичный опыт показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев и воплощают это буржуазное влияние на пролетариат... Наконец, в-третьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле **организационном**»...

1911 г. Борьба за партию и ее идеи продолжается, Троцкий продолжает свою антипартийную политику, Ленин продолжает его характеристику. В июне 1911 г. Ленин пишет (Собр. соч., том XI, часть 2-я, стр. 322):

«Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции,—собрать разрозненные силы и итти в бой за Р. С.-Д. Р. партию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат». И тут же добавляет:

«Люди, подобные Троцкому, с его надутыми фразами о Р. С.-Д. Р. партии и с его раболепством перед ликвидаторами, не имеющими ничего общего с Р. С.-Д. Р. партией, являются ныне «болезнью времени». На деле это—проводники **капи-**

туляции перед ликвидаторами, строителями столыпинской рабочей партии».

Через пару месяцев в специальном обращении «Ко всем партийным организациям, группам и кружкам»:

«Отметим только еще одну **наиболее общую** черту в выступлениях группки Троцкого: в области тактических вопросов и внутрипартийных принципиальных разногласий Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы **только с левым** крылом партии. Само собой разумеется, что подобная политика является водой на мельницу только голосовцев (меньшевиков) и оппортунистов всех других оттенков». (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 335—338).

Троцкий продолжает свою политику и Ленин продолжает его характеристику:

«Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы и делаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов, т.-е. большевиков... Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели вреднее всякого ликвидатора, ибо **убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а г. г. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него.** Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К° в России, **прикрывание их дел «революционной» фразой** за границей—вот суть политики «троцкизма». (Собр. соч. Ленина т. XI, ч. 2-я, стр. 359—360).

Эта характеристика прикрывания левыми, якобы революционными, фразами практической политики правых дел, это—для Ленина—общая, характерная, из года в год повторяющаяся, во всяком вопросе, на каждом повороте выступающая вперед черта троцкизма, как такового. И ее Ленин не устает подчеркивать и выяснять партии именно как основную, характерную, но и наиболее опасную для партии и рабочего движения, черту троцкизма. Через несколько месяцев после сейчас приведенной характеристики Ленин пишет о Троцком:

«Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционен только тот с.-д. (по-нынешнему: коммунист), кто понял **вред** антиреволюционного якобы социал-демократизма в данной стране, в данное время, т.-е. вред ликвидаторства и отзовизма

в России 1908—1911 годов, кто **умеет** бороться с подобными не с.-д. течениями».

И еще через пару месяцев (декабрь 1911 г.):

«Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль... Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих... Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим... С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех, и других, не спорят: его разоблачают, как дипломата самой мелкой пробы». (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 446—448).

Нетрудно предвидеть, что найдутся люди, которые по поводу цитируемых мной документов партийной истории попытаются прибегнуть к самому легкому и вполне обывательскому об'яснению: раздражение, острая схватка борьбы, случайные столкновения. Я, поэтому, и считаю своим малоприятным, но обязательным долгом—раз уж тов. Троцкий заставил партию обратиться к истории отношений между большевизмом и троцкизмом—проследить отзывы Ленина и характеристику Лениным отношений между партией и троцкизмом не в какой-нибудь год, не по поводу одного какого-нибудь вопроса, а систематически, на протяжении всех 15 лет, в которые партия знает троцкизм. Если определенное отношение к троцкизму проявляется у нашей партии не в какой-нибудь исключительный отдельный момент, не по отдельному данному вопросу, а проявляется систематически, в течение длинного ряда лет, на всех поворотах партийной истории, тогда даже самый умственно-ленивый, самый обывательски-настроенный человек,—и тот не сможет об'яснить этого раздражением, случайностью, пристрастием или чем-либо подобным; даже самый ленивый человек должен будет подумать: если 15 лет Ленин изо дня в день учит партию, что такое троцкизм, если его характеристика оказывается правильной при всех поворотах истории—и тогда, когда революция идет вверх, и тогда, когда она падает глубоко вниз,

и тогда, когда она опять подымается,—то здесь дело не в раздражении, не в индивидуальных вкусах, а в том, что троцкизм есть, видимо, какое-то течение, которое появляется систематически и в систематической борьбе, с которым только и можно было закладывать основы большевизма, как теории и практики пролетарской коммунистической революции.

Тов. Троцкий не ограничивался проповедью тех взглядов, которые я характеризовал выше словами Ленина, только для русских рабочих. Известно положение большевиков во II Интернационале. Уже тогда большевики вообще, Ленин в частности, были одиозными фигурами для вождей II Интернационала. Уже тогда они чувствовали и в большевизме, и специально в Ленине какую-то новую силу, которая призвана их смести, и поэтому они охотно предоставляли органы печати II Интернационала для всякой клеветы, которой только было угодно выступить против большевиков и большевизма. В то же время Ленин за все время своей эмиграции, за все время революции и контр-революции не получил ни разу возможности с трибуны печатных органов II Интернационала обратиться к германским, французским или австрийским рабочим и рассказать им правду о большевизме. Фактически II Интернационал держал нас под бойкотом; но зато он охотно давал слово всем противникам Ленина—Мартову, Дану и Троцкому, которые могли без опасности для себя преподносить международному пролетариату любую ложь и любую клевету о большевиках, ибо они знали заранее, что Ленину слова для ответа дано не будет. Этой возможностью и пользовался Троцкий, чтобы излагать перед интернациональным рабочим движением приблизительно следующую «философию» большевизма: «ленинцы—это кучка интеллигентов, которые под руководством нестесняющегося никакими средствами человека—Ленина—держат темными путями в своих руках движение русского пролетариата, который, благодаря своему невежеству и отсталости, верит большевикам; задача должна заключаться в том, чтобы освободить пролетариат России от засилия этой кучки и их лидера Ленина». Вот то представление о большевизме, которое тов. Троцкий тогда внушал Интернационалу.

Так истолковывался им для европейских рабочих-социалистов исторический смысл внутрипартийной борьбы в Рос-

сии, смысл борьбы большевиков с меньшевиками. По поводу статей Мартова и Троцкого на эту тему, обращенных ими к Интернационалу, Ленин в 1911 году писал:

«Мартов излагает взгляды меньшевизма, Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова «русский опыт» сводится к тому, что «бланкистская и анархистская некультурность одержали победу над марксистской культурностью» (читай: большевизм над меньшевизмом). «Русская социал-демократия говорила слишком усердно по-русски» (т.-е. по-революционному. **Л. К.**), в отличие от «**обще-европейских**» (т.-е. парламентских. **Л. К.**) приемов тактики. У Троцкого «философия истории» та же самая. На первый план выдвигается «сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм». «**Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат**»,—вот в чем суть дела» Изложив эти взгляды, предподносимые тов. Троцким немецким рабочим, Ленин пишет:

«Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 г. (если не с 1903 г.) в бесчисленных книгах, в брошюрах, статьях **либеральной печати.** Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные **либеральные взгляды**...

«Иллюзия» думать, — заявляет Троцкий, — будто меньшевизм и большевизм «пустили глубокие корни в глубинах пролетариата». Это—образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в «глубинах пролетариата», **а в экономическом содержании** русской революции лежат **корни** расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутрипартийной борьбы в России.... Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: «сектантство», «некультурность» и т. п. (словечки Троцкого против большевиков, которыми он пугал немецких филистеров. **Л. К.**), и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства,—значит опускаться до уровня вульгарных журналистов.

Тов. Ленин раз'ясняет т. Троцкому:

«Мартов защищает воспитание крестьян (революционно боровшихся с дворянством) либералами (которые предавали крестьян дворянам). Это и есть подмена марксизма либерализмом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм... Борьба большевизма и меньшевизма **неразрывно** связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов (со стороны меньшевиков), из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством (со стороны большевиков). Поэтому,—втолковывает т. Ленин т. Троцкому,— об'яснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное **повторение либеральных сказок»**.

Как видим, Троцкий «шел к Ленину», рассказывая международному пролетариату либеральные сказки про ленинизм!..

«Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами «интеллигентов» отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была на деле в конце 1905 г. **между классами**, именно между революционным борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией».

Вот чего не понял в большевизме Троцкий, на взгляд Ленина. Много ли он понял в нем в таком случае?

«Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции».

Охарактеризовав все изложение большевизма перед неосведомленными немецкими рабочими со стороны т. Троцкого, как «утонченное вероломство», т. Ленин закончил свою характеристику такими словами:

«Троцкий был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 году, вернулся к меньшевикам в 1905 году, щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательное соглашение с кадетами (т.-е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 года на лондонском с'езде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра—другой, и поэтому об'являет себя стоящим **выше** обеих фракций. Троцкий в теории **ни в чем** не со-

гласен с ликвидаторами и отзовистами, **а на практике во всем** согласен с голосовцами и впередовцами (т.-е. проводниками буржуазного влияния на пролетариат. **Л. К.**). Мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию и пользуется некоторым доверием **исключительно** у отзовистов и ликвидаторов». (Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 292, 293, 296, 307—308).

1912 год. Это—год перелома. В январе большевики окончательно рвут остатки организационных связей с меньшевиками и на своей, большевистской конференции (в Праге) создают свой, чисто-большевистский ЦК, исключают из партии ликвидаторов и провозглашают революционную программу действий. В апреле, после Ленского расстрела, бурной волной вновь, впервые после 1905 года, вздымается пролетарское движение. Оно целиком усваивает программу и тактику большевиков. Среди рабочих масс начинает расти и вскоре окончательно побеждает «большевистское поветрие», по злобному выражению тогдашних меньшевиков. Воспрявшее рабочее движение систематически «снимает с постов» тех ликвидаторов, которые успели захватить эти посты в контрреволюционных потемках предшествующих лет. Это—начало революционного наступления—под лозунгами большевиков, под руководством большевиков—наступления, которое к середине 1914 г. приводит уже к баррикадным боям в Ленинграде.

Какова была позиция т. Троцкого перед лицом этих решающих событий? Быть может, эта волна революционного под'ема, этот новый рост рабочего движения увлек т. Троцкого с той позиции агента меньшевизма, на которой он стоял в предшествующие годы упадка и разложения? Быть может, его архи-левая теория «перманентной революции», лежавшая годами без употребления, теперь поможет ему разорвать пуповину, связывающую его с контр-революционным меньшевизмом?

Нет! Тов. Троцкий остается верен себе и... меньшевикам-ликвидиторам.

На организационное оформление и укрепление большевистской партии (январьская конференция большевиков) он отвечает укреплением своего союза с меньшевиками для борьбы с большевизмом. Его усилиями создается так-наз. августовский блок, блок, союз, организационное об'единение всех небольшевистских и противобольшевистских групп и груп-

ночек. «Этот блок»—пишет Ленин,—«построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе». «Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести попрежнему свою линию, **а т. Троцкий прикрывает их революционной фразой,** которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает». (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 94, апрель 1912 г.). По поручению этого блока т. Троцкий усиленно грязнит большевиков, как руководителей начинающегося пролетарского под'ема, перед Интернационалом. Эту его работу т. Ленин характеризует, как «обман и введение в заблуждение немецких рабочих». По поводу его статей, обращенных к немецким рабочим, т. Ленин писал, что «они отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторский заказ на эти статьи попал в опытные руки». (Там же, стр. 93).

Но, быть может, тов. Троцкий был заодно с врагами большевиков только в их борьбе с большевистской **организацией,** может быть, в вопросах об оценке, задачах, целях, тактике поднимавшегося пролетарского движения, в оценке задач, целей, тактики **новой революции** он отходил от контр-революционных меньшевиков, служивших либералам? Послушаем опять Ленина:

«Троцкий, проклиная на все лады конференцию, уверял добряков, что «борьба за свободу коалиций» является **основой** Ленских событий и их отголосков, что «это требование стоит и будет стоять в **центре** революционной мобилизации пролетариата». Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль».

«Только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики,—продолжал Ленин,—могут ставить «в центре революционной мобилизации» свободу коалиций». Политике ликвидаторов и т. Троцкого т. Ленин тут же противопоставляет революционно-большевистскую политику питерского пролетариата: «Пролетариат Петербурга,—писал Ленин,—понял, что не во имя одного из прав (свободы коалиций. **Л. К.**), а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба. Пролетариат Петербурга понял.., что надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России. Пролетариат Петербурга понял, что смешно и глупо пред'являть тре-

бование свободы коалиций... Нет ничего более лживого, как **либеральная** выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким—будто «борьба за свободу коалиций является основой как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». (Собр. соч., т. XII, ч. 1-я, стр. 183, 185).

Разница в самом подходе к **основным** задачам второй (после 1905 г.) революции большевиков, с одной стороны, и меньшевиков и т. Троцкого—с другой— совершенно ясна. Но Ленин еще и еще поясняет антиреволюционный подход Троцкого к этим основным задачам.

Троцкий тогда вслед за меньшевиком Аксельбродом носился с идеей «европеизировать» борьбу русских рабочих, т.-е., как пояснял тот же Аксельрод: «коренным образом изменить характер партии, как он сложился в дореволюционную и дальше развился в революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии». Троцкий плелся за Аксельродом. Он видел свое преимущество перед «некультурными», «варварскими», «сектантски - неистовыми» азиатами-большевиками в том, что он, Троцкий,—«европеец» и борется «под тактическим знаменем европейской социал-демократии». Но что обозначало это противопоставление «европеизма», «европейской тактики»— большевизму? Только одно: отказ от непосредственно-революционных задач рабочего движения в царско-помещичьей России ради парламентской тактики европейских социалистов II Интернационала. О «пресловутой европеизации,—писал Ленин,—на все лады говорят и Дан, и Мартов, и Троцкий, и Левицкий, и все ликвидаторы. Здесь—один из главных гвоздей их оппортунизма. Их оппортунизм в том,—пояснял Ленин,—что они хотят придать «европейский» парламентско - пропагандистский характер партии как-раз тогда, когда перед ней стоят не европейские, а непосредственно революционные боевые задачи, они хотят, таким образом, **обойти** задачи революции, подменить революционную тактику тактикой парламентской. В устах ликвидаторов и Троцкого—в период 1910—1914 гг.—словечки об «европеизме», дополняемые словечками о «варварстве» большевиков, прикрывали **отказ** от революционных задач и революционной тактики пролетариата в России. Вот что писал Ленин по поводу одного такого «европейского» выступления Троцкого:

«это—мечтание оппортунистического интеллигента, который в обход трудных не-европейских условий рабочего движения в России (Ильич эту статью писал для легальной «Звезды» и потому употреблял легальные слова; читать следовало: в обход революционных задач рабочего движения в России) сочинил отменно хороший европейский план и по случаю сочинения такого плана хвастался на весь мир своим «европеизмом». (Соб. соч., том XII, ч. 1-я, стр. 222—223, июль 1912 г.).

Эта тактика, сводившаяся фактически к проповеди перехода партии с революционных путей на путь тогдашних мирных европейских социалистов, проповедывалась как раз тогда, когда новая волна революционного под'ема после ленского растрела требовала именно революционного руководства. Быть может, кто-либо задаст себе вопрос: как же теория «пермаментной революции» не удержала т. Троцкого от подобной нереволюционной тактики, как мог он, придерживаясь этой архилевой теории в явно-революционной обстановке 1912—1914 гг., проповедывать — рядом с меньшевиками — подобную антиреволюционную тактику.

Но тот, кто задал бы подобный вопрос, лишь доказал бы, что он и теперь еще не усвоил ленинской характеристики троцкизма: «прикрывание левой (несуразно-левой, архи-звонкой,— писал Ленин) фразой правой политики».

«Взгляните на платформу ликвидаторов,—раз'яснял наивным людям т. Ленин еще в 1913 г.:—ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это прикрытие может иногда ослепить... Но самое небольшое внимание рассеет такой самообман».

Мы подошли **к 1914 г.** Революционное движение пролетариата идет все вперед, волны революционного прибоя бьют все выше. Позиция Троцкого в основных вопросах революции и тактики пролетарского движения остается все той же. Вот что пишет т. Ленин в 14-м году:

«Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой». (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 536—537).

«У ликвидаторов есть своя физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями Ф. Дана, Л. Мартова, Потресова и К°, знает эту физиономию. У Троцкого же никогда никакой «физиономии» не было и нет, а есть только перелеты, переметывание от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда.... На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье (т.-е. о революционной организации и политике рабочего класса. **Л. К.**), уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики (т.-е. стремления меньшевиков подчинить рабочее движение кадетам. **Л. К.**) и т. д. К семерке депутатов с Чхеидзе во главе Троцкий обращается с специальными, длинными поучениями о том, как **похитрее** надо проводить отрицание подполья и партии» (Ленин, т. XII, ч. 2-я, стр. 410—413).

Наступили переломные месяцы 1914 года. Рабочее движение переходило от массовых политических и экономических стачек к вооруженным демонстрациям, которые были прерваны только военной мобилизацией. В июле рабочий класс Петербурга был уже на баррикадах. Надо было подводить итоги, надо было предупредить рабочий класс, какие политические течения и фигуры выйдут перед ним из подполья, из заграничной эмиграции для того, чтобы руководить его дальнейшим движением. Ленин пишет итоговую статью и печатает ее в мае 1914 года в большевистском журнале «Просвещение». Он подводит итог 10-летней борьбе большевизма с троцкизмом, борьбе, которую мы пересмотрели на различных ее стадиях:

«Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это типичная фигура. Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней исто-

рии марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

«Тушинские перелеты» об'являют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 гг., и Рязанов назвал его роль на с'езде 1903 года ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 г. тов. Троцкий—ярый меньшевик, т.-е. от «искровцев» перебежавший к «экономистам»: он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906—1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по **сути дела**, их же идейки.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями.., ни с опытом современного рабочего движения в России...» (Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 462).

Вот что, как итог большевистской десятилетней борьбы не только с меньшевизмом, но и с троцкизмом, считал необходимым сказать Ленин молодому поколению рабочих накануне нового под'ема революционного движения рабочего класса.

Не подумайте, что здесь подобраны специально те места из работ Ленина, где Ленин порезче высказывался о т. Троцком,—это было бы недостойно. Нет, я взял все то, что есть у Ленина о т. Троцком, все не в том смысле, что взял все цитаты,—количество цитат можно было бы увеличить в десяток раз,—но в том смысле, что эти слова характеризуют полностью то, что т. Ленин считал необходимым сказать о т. Троцком русским рабочим до 1914 года. Каждый понимает, что если эти характеристики делаются из года в год, не по поводу той

или другой ошибки, а по поводу общей линии т. Троцкого, то они делаются не из каких-либо посторонних соображений, а только потому, что т. Ленин видел в этой фигуре воплощение такой струи, такой политической тенденции, которая была вредна для дела большевизма. Поэтому и только поэтому Ленин считал необходимым предостерегать партию против троцкизма.

В дни войны

Наступила война, которую Ильич правильно назвал всемирно-историческим событием в жизни человечества и величайшим испытанием для международного социализма, которое выявило непроходимую пропасть между оппортунистами и революционными коммунистами. Наступил момент, когда каждый должен был выбрать свою позицию. Наступил момент, когда раз навсегда должны были быть покончены всякие колебания, и когда то, что Ленин назвал мелкой дипломатией, перебеганием из одного лагеря в другой, должно было кончиться.

Так ли это было? Заставила ли война т. Троцкого раз навсегда порвать с оппортунизмом, порвать с поддержкой правых, отказаться от той роли защитника и прикрывателя меньшевиков, которую десять лет разоблачал т. Ленин?

С того времени, когда т. Троцкий вступил в нашу партию и стал верой и правдой служить ей и этим вписал славные страницы и в свою биографию, и в историю партии, мы не считали возможным останавливаться на этих вопросах. И это было правильно. Но, когда он вступает на путь фальсификации истории и идей большевизма, когда он пытается экспроприировать идейный багаж партии, когда он тщится подменить ленинизм троцкизмом в качестве идеологии русского и международного пролетариата, тогда он сам заставляет нас поставить эти вопросы.

Что же, развела ли война т. Троцкого с оппортунистами? Была ли прекращена перед грандиозностью событий политика мелкой дипломатии? Увы! Нет. Так же, как в 1905 г. он сумел сочетать архиреволюционную, «несуразно-левую» фразу с сотрудничеством с меньшевиками, так и в эпоху войны т. Троцкий сумел сочетать свой интернационализм с поддержкой оппортунизма.

Уже летом **1915 г.** т. Ленин пишет: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это—аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов... К числу вторых принадлежит—Троцкий».... Приведя возражения т. Троцкого против взглядов большевиков [1]), т. Ленин продолжает: «Вот образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм... Если бы Троцкий подумал, то увидел бы, что он стоит на точке зрения войны правительств и буржуазии, т.-е. он раболепствует перед «политической методологией социал-патриотизма», говоря вычурным языком Троцкого». «Троцкий,—говорит тогда же Ленин,—который, как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но **во всем практическом** согласен с ними». Тогда же: «Троцкий, так же отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовиническ й группой «Нашей Зари», т.-е. меньшевиков... Все это—проявление того зла, которое голландские марксисты назвали «пассивным радикализмом» и которое сводится к замене революционного марксизма эклектицизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике». Тогда же: «(Такие-то) и Троцкий, по-моему,—вреднейшие «каутскианцы» в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма». Тогда же: «Мартов и Троцкий желают совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей Зарей», О. К. (Центр. Комитет меньшевиков) или фракцией Чхеидзе».

Конец 1915 года: «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию». (Конец 1915 т.).

Тогда же: «Чхеидзе и К° явно виляют: они—верные друзья «Нашего Дела» (орган оборонцев), ими доволен Алексинский, и они же «играют» в левизну при помощи Троцкого... Думаю, сознательных правдистов (большевиков) не проведут».

---

[1]) Этих «возражений» читатель не найдет, однако, в сборнике статей Троцкого «Война и Революция» по той причине, что они там Троцким **выпущены**.

Тогда же: «Троцкий и К° заграничных лакеев оппортунизма напрягают все усилия, чтобы «замазать» разногласия и спасти оппортунизм «Нашей Зари» при посредстве обеления и превознесения фракции Чхеидзе».

Начало 1916 года: «Бессильные дипломаты или «болото», вроде Каутского в Германии, Лонгэ во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая **фикцию** единства и этим мешая назревшему, насущному об'единению оппозиции всех стран созданию III Интернационала».

Март 1916 г.: «А Троцкий? Он горой за самоопределение, но у него это пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных «отечеством» данного национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев».

Октябрь 1916 г.—12 месяцев до нашего Октября: «Каковы бы ни были суб'ективные «благие» намерения Троцкого и Мартова (они—для Ленина—все еще едины суть!), об'ективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм».

Декабрь 1916 г.: «Гобсон превосходно подошел еще в 1902 г. к вопросу и о значении «Соединенных Штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!), и всего того, что затушевывают лицемерные каутскианцы разных стран, именно: что оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистической буржуазией как раз в направлении создания империалистической Европы на плечах Азии и Африки... На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистической буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом, мы указывали неоднократно не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос».

17 февраля 1917 г. (февраль 1917 года!): «Троцкий—левые фразы и блок с правыми против цели левых!!». Еще через месяц и через две недели после февральской революции, 17 марта 1917 года: «По-моему, главное теперь—не дать себя запутать в глупые «об'единительные» попытки с социал-патриотами или, еще опаснее, колеблющимися вроде организационного

комитета (меньшевиков), Троцкого и К° и продолжать работу своей партии в последовательно-интернациональном духе».

К этому следует, пожалуй, добавить только одно: за весь этот период т. Троцкий был решительным противником «циммервальдской левой», во главе которой стоял т. Ленин, и которая являлась именно тем зерном, из которого развился III Интернационал. III Интернационал родился не только в борьбе с Шейдеманами и Вандервельдами, он родился и окреп в борьбе с циммервальдским «центром», с Каутским и с Троцким. Практическая политика этого «центра» сводилась к тому, чтобы **не** рвать окончательно со II Интернационалом, **не** основывать III Интернационала, чего добивался Ленин во главе «циммервальдской левой».

Вот политическая линия т. Троцкого, охарактеризованная словами т. Ленина, на протяжении почти двух десятков лет. Тов. Ленин не изменяет своей характеристики и своего отношения к линии т. Троцкого ни в момент величайшего под,ема революции, ни в момент ее глубочайшего падения. «Тушинский перелет», «левые фразы и блок с правыми против целей левых», реальная служба экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, в их борьбе против большевизма под прикрытием особенно звонкой левой фразы,—вот общий итог этой характеристики—не личности т. Троцкого, а «троцкизма», как течения.

Ни один ленинец, всерьез приемлющий это имя, не допустит и мысли о том, что это систематическое—на протяжении десятков лет—разоблачение т. Лениным позиции т. Троцкого могло быть вызвано какими-либо индивидуальными причинами. Систематическая, страстная борьба т. Ленина против троцкизма подсказывалась тем, что т. Ленин видел в троцкизме определенное течение, враждебное идеологии и организации большевистской партии, течение, на практике служившее меньшевизму. Эта борьба против троцкизма не была случайным элементом на том или другом повороте истории, при том или другом событии, она была неизбежной составной частью выковывания подлинной пролетарской партии и подлинной пролетарской идеологии. С меньшевизмом бороться сравнительно легко,—как бы говорил т. Ленин,—потому что его антипролетарский облик, откровенный, до конца идущий, не прячу-

щий своей либеральной сущности, становится через маленький опыт понятным каждому рабочему, и рабочий его отвергает. Нужно бороться с наиболее прикрытыми формами меньшевизма, с теми формами, которые прикрывают оппортунистическую политику левой, революционной фразой, с той формой меньшевизма, которая приспособляет меньшевизм к революционному настроению масс. Врагом является не только тот, кто с открытым забралом борется против большевизма, но также и те группки, которые прикрывают борьбу этих откровенных врагов революционными фразами, и, пользуясь доверием к этих фразам, облегчают дело врагов партии.

Ленин лишь формулировал то отношение к троцкизму, которое характеризовало всю большевистскую партию в целом, хотя—в особенно трудные моменты жизни партии—т. Троцкому иногда удавалось пленить своей фразой и своей «мелкой дипломатией», правда, всегда на очень короткий срок, отдельных большевиков.

Вот именно этот последний факт особенно рельефно подчеркивает те обстоятельства, которые из «троцкизма», как из исторического явления, делали препятствие в строительстве большевистской партии, как идейного руководителя и организатора пролетарского движения. Троцкизм был всегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно настроенной части рабочих **формой меньшевизма.** Там и тогда, где и когда меньшевизм в его оголенной форме, в его либердановской форме, оказывался уже явно неприемлемым, там и тогда мог еще пользоваться некоторым политическим кредитом троцкизм. Так было в 1905 г., так было в 1912—14 гг., так было и в эпоху войны. Во все эти моменты гибкая фраза т. Троцкого прикрывала и спасала банкротившийся меньшевизм. В мелкобуржуазной стране, где еще недавно чуть ли не каждый интеллигент почитал себя «марксистом», где рабочий класс испытывает на себе громаднейшее влияние мелкобуржуазной стихии, программа и тактика коммунистической партии могла быть выработана только в систематической, ожесточенной, непримиримой борьбе со всеми формами буржуазного влияния на пролетариат. Наиболее опасными формами этого влияния являлись, естественно, именно те, которые наиболее «тонко», наиболее «дипломатично», наиболее беспринципно маскировали, прикрывали свою анти-

коммунистическую сущность, которым ничего не стоило в любой момент прикрыть свои «правые дела» особенно «левой фразой». Воплощением этого типа антибольшевистских влияний и был троцкизм. Когда ход классовой борьбы вышибал из сознания пролетария всякое доверие к Дану, Дан оставлял за собой свою тень: этой тенью был Троцкий. Вот почему во все времена партийной истории троцкизм с его «левой фразой», прикрывавшей «правые дела», с его беспринципной проповедью примирения большевизма и меньшевизма, с его критикой ленинской «грубости», «варварства», «прямолинейности», «догматизма» и «сектантства»—всегда очаровывал околопартийную и внутрипартийную интеллигенцию.

Вот почему т. Ленин на протяжении десятков лет считал троцкизм опаснейшим препятствием для построения большевистской партии, вот почему он не уставал разоблачать троцкизм и предостерегать от него партию. Вот почему борьба с троцкизмом, как борьба с меньшевизмом, входит в самое понятие большевизма. Без понимания опасностей троцкизма нет большевизма.

2. Тов. Троцкий вступает в партию.

Описанные выше отношения между большевизмом и троцкизмом сам т. Троцкий предпочитает характеризовать словами: «Я шел к Ленину с боями». Сказано это не только кокетливо, но и красиво. Тов. Троцкий—мастер на красивые фразы. Партия, ЦК, Ленин всегда знали это достоинство т. Троцкого и не раз—с пользой для партии—поручали ему устные и письменные выступления, в которых требовалась особая красота фразы. К сожалению, вопрос, затронутый т. Троцким в вышеприведенных словах, слишком серьезен, чтобы удовлетвориться красивой фразой.

Во-первых, эта фраза неверна, во-вторых, она расчитана на то, чтобы—очаровав читателя красотой—скрыть истинную мысль Троцкого. Чтобы сказать правду в ее неприкрашенной форме, нужно выразиться так: эта красивая фраза лицемерна.

Действительно. Правда ли, что всю ту историю, которую мы с вами рассмотрели с 1903 года вплоть до февральских дней, можно охарактеризовать словами Троцкого: «Я шел к Ленину с боями». Троцкий, видимо, очень доволен историей своих отно-

шений с большевизмом; по крайней мере, в своей книжке «Новый курс», всего только несколько месяцев назад он писал: «Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути». Это очень утешительно для Троцкого. Но, может ли партия, не изменяя себе, считать надежным и прочным тот путь Троцкого к нашей партии, который мы только что с вами под руководством Ленина просмотрели. Если этот путь есть действительно «путь к Ленину», то, следуя словам тов. Троцкого, каждый бывший меньшевик, каждый бывший с.-р., которых не мало в нашей партии, может сказать: «я собственно не был меньшевиком или с.-р., я просто шел к большевикам «с боями».

Во всяком случае ясно одно: партия не может никому рекомендовать тот путь к большевизму, которым прошел Троцкий; она, во-вторых, не может этого пути считать ни «надежным», ни «прочным».

Неужели же в партии, кроме тов. Троцкого, найдется хотя один человек, который полагает, что 15-летняя попытка дискредитировать идейные и организационные основы большевизма, что 15-летний, временами прикрытый, временами открытый, блок со злейшими врагами партии есть «прочный и надежный» путь к Ленину? Товарищи, которые вступали в нашу партию из рядов других партий, обычно заявляли, что они ошибались, что, по-своему понимая интересы рабочего класса и по-своему служа им, они ныне убедились, что их путь неправильный, что они признают большевистскую идеологию и отказываются от прежних заблуждений. Партия не требовала подобного признания у Троцкого и, конечно, поступала правильно: Троцкий сдал экзамен и сдал его превосходно. Но это отнюдь не значит, что партия может разрешить Троцкому его 15-летнюю борьбу против большевиков и Ленина именовать прочным и надежным путем к ленинизму, не может примириться с тем, что блестящими и эффектными фразами прикрываются искажения партийной истории.

Но эта фраза не только неверно описывает то, что было до вхождения Троцкого в партию. Она неверно описывает и тот идейный багаж, с которым Троцкий вошел в партию, она неискренна, ибо скрывает то, что подлинно думает Троцкий. Притти к Ленину, хотя бы с боями, не значит ли отказаться от своих заблуждений, от того, что считал ошибкой

Ленина и признать ленинскую правду во всех основных вопросах революции? Я утверждаю, что Троцкий понимает свой приход к Ленину, наоборот, что он не думает, что большевизм оказался более прав, чем троцкизм. Троцкий вступил в партию с убеждением, что не он должен учиться большевизму у партии, а он должен учить партию троцкизму, подправлять ленинизм троцкизмом. В книге Троцкого «Война и Революция» значится:[1]).

«Были три пункта, где «Наше Слово» (газета Троцкого. Л. К.)—и после того, как оно окончательно перешло в руки левого крыла редакции,—не сходилось с «Социал-Демократом» (органом ЦК большевиков, руководимым Лениным и Зиновьевым. Л. К.). Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции. «Наше Слово» отвергало пораженчество (которое Ленин с самого начала войны считал основным признаком подлинного революционного интернационализма. Л. К.). «Социал-Демократ» отвергал лозунг борьбы за мир..., противопоставляя ему гражданскую войну (которую отвергал Троцкий. Л. К.). Наконец, «Наше Слово» стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. «Социал-Демократ» продолжал оставаться на позиции демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Несколькими строками выше этого немаловажного признания Троцкий сообщает, что «разногласия между «Социал-Демократом» и «Нашим Словом», казавшиеся вначале очень

---

[1]) Т. 1, стр. 27. Эта книга есть сборник статей Троцкого за эпоху войны, по поводу которых я выше привел отзывы Ленина. Очень жаль, что редактор сочинений тов. Троцкого, собравший в примечаниях к «1917 году» все то, что говорили о выступлениях т. Троцкого Сухановы, «Новая Жизнь» и др., не приложил к этому сборнику статей, на которых т. Троцкий хочет учить партию, отзывы т. Ленина. Может быть, это было бы лучше в целях воспитания той молодежи, к которой обращаются эти книги. Ведь, книга Троцкого о войне и революции не может быть воспринята в нашей партии, особенно молодыми членами партии, в частности, учащейся частью нашей партии, иначе, как изложение взглядов коммунизма. Поскольку же наша партия не говорит, что это не так, что это не ленинизм, что по этой книжке коммунизму учиться нельзя, поскольку Троцкий сам не побеспокоился приложить к ней отзывы тов. Ленина, постольку она может быть воспринята, как учебник. А мы все должны немножечко заботиться о тех, кто придет завтра к нам на смену.

значительными, уменьшались...» В редакции «Нашего Слова» рядом с Троцким был Мартов, затем, под влиянием беспощадной критики со стороны Ленина и роста революционных коммунистических элементов, Мартов вышел из редакции. В редакции «Нашего Слова» остался Троцкий. И вот уже после этого, после того, как разногласия «уменьшились», когда газета окончательно перешла в руки левого крыла редакции, т.-е. в руки Троцкого, остались именно эти три разногласия: по вопросу о пораженчестве, по вопросу о гражданской войне и мире и по вопросу о характере грядущей русской революции.

Вот описание разногласий, разделявших большевиков и Троцкого накануне революции 17-го года, данное самим Троцким; разногласия, как видит всякий, не какие-либо второстепенные, не чисто теоретические или узко-организационные. Нет, сам Троцкий должен признать, что его разногласия с большевиками накануне революции обнимали основные, коренные, решающие вопросы. Если по словам Троцкого разногласия, уменьшившись, касались вопросов о пораженчестве, гражданской войне и характере русской революции, то интересно было бы узнать, в чем же собственно Троцкий сходился с Лениным.

Ленин был за поражение «своей» буржуазии в империалистской войне,—Троцкий против!

Ленин был за гражданскую войну,—Троцкий против!

Ленин был за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства,—Троцкий против! (усиленно путая—по выражению Ленина—в этом вопросе при помощи левой фразы о перманентной революции).

Здесь, в этом последнем пункте, Троцкий кажется левее Ленина. Каким образом это происходит? Будучи в вопросах конкретных, которые стояли тогда на очереди дня, в вопросе **за** поражение или **против** поражения своей буржуазии в войне», **за** призыв к гражданской войне или **против** призыва к гражданской войне, фактически на точке зрения меньшевиков— или в лучшем случае центра,—он в вопросе о ходе грядущей революции кажется гораздо левее Ленина, не удовлетворяется диктатурой пролетариата и крестьянства, а требует обязательно перманентной революции. В чем тут дело? Да в том же самом, о чем все время впродолжении десяти лет твердил нам тов. Ленин, когда соприкасался с вопросами троцкизма: пра-

вая политика сегодняшнего дня, прикрытая несуразно левой фразой. Итак, вот позиция Троцкого накануне революции, охарактеризованная его собственными словами. К этим трем разногласиям, впрочем, следует прибавить упущенное Троцким разногласие по вопросу о II и III Интернационалах. Ленин во главе циммервальдской левой был за немедленный разрыв со II Интернационалом и с Каутским и за создание таким путем III Интернационала. Троцкий в рядах каутскианского центра был против этого.

Но всего только через несколько месяцев после того, как четко и ясно были констатированы эти разногласия, Троцкий примкнул к большевистской партии. Что же при этом стало с разногласиями Троцкого с Лениным? В данной статье Троцкий ограничивается кокетливо-жеманным умолчанием: «Мартовская революция,—пишет он,—ликвидировала эти разногласия». Все?—Все! Но как?—Троцкий кокетливо молчит! Но все-таки, как же были ликвидированы эти немаловажные разногласия? Партия имеет право поставить этот вопрос, раз сам тов. Троцкий заставил ее заняться своей историей. Следует ли понимать его заявление о том, что революция ликвидировала разногласия между Троцким и большевизмом в том смысле, что Троцкий, убедившись, что его позиция во всех этих немаловажных пунктах неправильна, перешел на точку зрения большевиков? Так сделал один из виднейших теоретиков меньшевизма тов. Мартынов, сказавший: «Я 30 лет по-своему служил рабочему классу, теперь вижу, что путь мой был неправилен. История подтвердила правильность взглядов Ленина на русскую революцию, и я к ним присоединяюсь». Такого ответа тов. Троцкий партии не дал.

Троцкий о себе и о ленинизме.

Однако, ответ у него есть. В своей книге «1905» (стр. 4—5) Троцкий пишет: «В промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора (т.-е. у Троцкого) те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции».., **хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком».** (Написано в 1922 г. **Л. К.**) Такова, на взгляд Троцкого, счастливая судьба его, Троцкого, теории.

Но этой теории противостояла в течение всех этих 12 лет другая теория, теория Ленина, нашедшая свое выражение в формуле: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». «Эту мысль,—пишет в 1908 и повторяет без оговорок в 1922 году тов. Троцкий,—Ленин неутомимо повторяет, начиная с 1904 г. Но от этого она не становится правильнее».

Троцкий свидетельствует, что через 12 лет после ее зарождения, т.-е. в революцию 1917 г. его теория «оправдалась целиком». Как же быть с теорией Ленина? Она, значит, не оправдалась? Не могли две теории, которые десяток лет друг другу противостояли, по поводу одной из которых Ленин утверждал, что это не теория русской революции, а революционная фраза, прикрывающая мешанину из меньшевизма и большевизма, оправдаться одновременно. Если теория Троцкого и оправдалась, то, значит, с ленинской теорией, под знаменем которой он 12 лет собирал партию, случилась какая-то беда. Так и есть,—беда действительно случилась. Мы узнаем это от Троцкого. В той же книге («1905») Троцкий, характеризуя основную идею Ленина, как голую абстракцию, пишет, что большевики «приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть». «Правда,—продолжает Троцкий,—разница между ними (меньшевиками и большевиками) в этом вопросе весьма значительная: в то время, как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, **антиреволюционные черты большевизма** (подчеркнуто ради важности этого сообщения мной. Л. К.) грозят огромной опасностью только в случае революционной победы». Далее оказывается, что «большевики (как и меньшевики) пугаются последствий классовой борьбы».

Итак, мы узнаем здесь сразу несколько чрезвычайно любопытных вещей. Во-первых, оказывается, что ленинская теория русской революции продиктована испугом перед последствиями классовой борьбы пролетариата. Это уже недурно и прекрасно подтверждает, как много понял Троцкий в большевизме. А, во-вторых,—и это наиболее существенно,—мы узнаем, что у большевизма, как и у меньшевизма, есть антиреволюционные черты, и что эти антиреволюционные черты большевизма особенно опасны в случае революционной победы.

Ясно, что с теорией, которая имеет в себе антиреволюционные черты, особенно опасные тем, что они сказываются в случае революционной победы, нельзя вести пролетариат в бой, хотя бы с некоторой надеждой на победу.

Перепечатывая **и подтверждая** в 1922 г. эту характеристику большевизма, Троцкий снабдил фразу об опасностях антиреволюционных черт у большевизма примечанием: «Этого как известно, не случилось, так как под руководством тов. Ленина большевизм совершил... свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 г., т.-е. до завоевания власти». (Л. Троцкий. 1905, стр. 285).

Теперь мысль Троцкого ясна. Взгляд Ленина и большевистской партии на характер революции, как они развивались им с 1904 г. до весны 1917 г., не только неверны, но и контрреволюционны по отношению к социалистической революции.

Взгляды Троцкого на тот же вопрос «подтвердились целиком». В виду этого Ленин и большевизм весной 1917 г., до завоевания власти и **для завоевания власти** должны были «перевооружаться», т.-е. заменить контрреволюционное оружие большевизма подлинно-революционным оружием, заготовленным уже за 12 лет до того Троцким. В этом смысле «революция ликвидировала разногласия».

После этого Троцкий вступил в партию большевиков.

«Я пришел к Ленину, потому что Ленин привел партию ко мне»,—вот что лежит в основе всего построения Троцкого, вот на что он намекает, вот к чему он хочет подвести доверяющего ему читателя. Эффектная фраза «я пришел к Ленину с боями»—лицемерна потому, что Троцкий убежден, что на деле, в области основных вопросов революции **Ленин пришел к Троцкому** в 1917 г., после того как полтора десятка лет строил партию на идеях «антиреволюционных».

Во всей своей идейной борьбе с большевизмом и Лениным до 1917 г. прав оказался Троцкий—вот содержание всех последних книг Троцкого («1905» и «1917»). Ленин прав лишь с весны 1917 г., и прав лишь постольку и потому, поскольку он отбросил оружие **своей** теории и вооружился теорией Троцкого.

Не правда ли, теперь картина совершенно ясна? 12 лет назад Троцкий выставил теорию перманентной революции. Эта теория в 1917 году подтвердилась, по его свидетельству,

целиком. Теория же Ленина, на которой основывалась и собиралась партия в течение десятков лет, обладала антиреволюционными чертами, и поэтому, раньше, чем итти в бой **и для того, чтобы победить**, надо было большевизму перевооружиться. Каким образом? Да, ясное дело,—откинуть оружие большевизма с его антиреволюционными чертами и взять новое оружие, которое стояло бы на уровне тех задач, которые развернулись перед пролетариатом. Старое оружие, оружие большевистской идеологии, оказывается, октябрьские задачи разрешить не могло. Надо было перевооружиться и, конечно, за новым оружием надо было обратиться в тот арсенал, в котором это оружие заранее, за 12 лет, было подготовлено,—и без единой антиреволюционной червоточинки: надо было обратиться к оружию тов. Троцкого. Вот подлинная мысль тов. Троцкого, **вот история нашей партии по Троцкому.** Теория Ленина, которая с самого начала обладала антиреволюционными чертами, крахнула, как только пролетариат вступил в настоящий бой. Она должна была быть отброшена, должна была быть заменена. Большевизм оказался способным организовать пролетариат, вести его к Октябрю, одержать Октябрьскую победу, только потому, что он **во-время** отбросил большевистское оружие и позаимствовал оружие у т. Троцкого.

Если это так, это надо сказать открыто. Если в большевизме есть антиреволюционные черты, если перед решительным боем надо это оружие менять, то какое же право имеем мы учить наш пролетариат и пролетариат всего мира большевизму без поправок? Почему нигде, ни в одном нашем учебнике мы не говорим пролетариату и нашей страны, и всего мира: товарищи, мы учим вас большевизму, но помните, в большевизме есть антиреволюционные черты; когда настанут бои, тогда с оружием большевизма вам не сдобровать, вам надо тогда это оружие заменить другим, надо заменить его троцкизмом. Если это так, то мы не имеем права, хотя бы из уважения к Ленину, идейно вооружать пролетариат таким оружием, которое придется бросить перед боем. Отдельный писатель может жертвовать исторической истиной, действительной ролью Ленина, идейным багажом нашей партии, накопленным борьбой всего рабочего класса; он может всем этим пренебречь для того, чтобы сказать: когда дошло до боя, партии пришлось брать оружие у меня, а свое оружие отбросить; но партия не

может быть бесчестной, она должна учить пролетариат или ленинизму, или троцкизму, или должна сказать: «надо подправить ленинизм троцкизмом». Но она не может учить ленинизму—всему, целиком, без поправок,—как теории и практике мировой революции, и —одновременно—намекать, что теория и практика пролетарской революции в действительности уходит своими корнями не в ленинизм, а в идеи, зародившиеся у Троцкого «между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г.». (Какое внимание к датировке рождения собственных идей. Какое внимание к своим собственным биографам!).

Или мы учим большевизму, ленинизму, полностью, целиком, без поправок, как подлинной теории пролетарской революции, или, если кто-либо считает, что это не подлинная теория пролетарской революции, что для того, чтобы стать таковой, ее нужно немножко подправить троцкизмом, он должен сказать открыто, ясно, какие поправки он в нее вносит. Если есть антиреволюционное в учении большевизма о революции,—нельзя сочинения Ленина до весны 1917 года делать предметом науки пролетарской войны и пролетарской стратегии против буржуазии. Надо по крайней мере сказать: это есть историческая древность, которую можно изучать, но по которой нельзя учиться, как нужно делать революцию. А учиться, как делать пролетарскую революцию, надо не по Ленину до 17 года, а по Троцкому, начиная с 1905 года.

Или Октябрьская революция была сделана под знаменем ленинизма без поправок, или же она была сделана под знаменем троцкизма и его поправок к Ленину, ибо большевизм оказался негодным орудием для решения тех задач, которые встали перед ним с февраля по октябрь. Тут надо выбирать. Тут идейный стержень спора, тут Троцкий заставляет партию сказать: чем мы были и чему мы будем учить не только наш, но и международный пролетариат, который хочет знать и имеет право знать, кто же прав—партия, которая говорит: ленинизм не нуждается в поправках со стороны троцкизма для того, чтобы быть теорией пролетарской войны с буржуазией, или тов. Троцкий, который говорит: ленинизм надо было пересмотреть, чтобы итти на приступ капиталистических твердынь с открытыми глазами. Своего читателя Троцкий искусно подводит к этой своей основной мысли: идеологически Октябрь оказался не ленинизмом, а троцкизмом, теория по-

следнего оправдалась целиком; Октябрь шел, Октябрь об'ясним и Октябрь может быть охвачен только его теорией, а не теорией Ленина; теория перманентной революции должна быть реабилитирована и признана тем идейным оружием, которое дало нам Октябрьскую победу.

Вот после этого я и спрашиваю себя,—что же значит фраза: «Я шел к Ленину с боями»? Она обозначает: я, Троцкий, пришел к Ленину потому, что в основных вопросах о характере русской революции Ленин привел партию к троцкизму. Действительно, если теория Троцкого «целиком оправдалась» в Октябрьскую революцию, а Ленин должен был пересматривать большевизм и откидывать присущие ему «антиреволюционные черты», то надо сказать, что в идейной области Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот. Тут надо выбирать, тут происходит подмен тонкий и отменно лицемерный.

Можно заранее предсказать, что для того, чтобы дать облагодетельствованной им партии какое-либо удовлетворение, Троцкий охотно признает, что он в прошлом делал коекакие организационные ошибки. Что стоит признание в организационных ошибках прошлого, если этой ценой можно легализовать подмену ленинизма троцкизмом, если это признание должно прикрыть признание, что именно Троцкий снабдил партию большевиков остроотточенным оружием подлинно-революционной теории, стоящей на уровне мировых задач русского пролетариата, если под прикрытием этого признания можно безнаказанно от имени партии доказывать, что антиреволюционные черты искони присущи большевизму—ленинизму? Париж стоит мессы! Роль идейного вдохновителя и теоретика большевиков и Октябрьской революции стоит того, чтобы признать за собой в прошлом несколько даже крупных, даже очень крупных организационных промахов.

В своих «Уроках Октября» Троцкий и делает эту «уступку» партии. «Свои действительные и большие организационные ошибки я признал»,—пишет он для того, чтобы затем, прикрывшись этой фразой, целиком всю статью посвятить доказательству того, что зато в области **основных** не организационных, а принципиально-политических вопросов революции он оказался целиком прав против большевизма и против Ленина.

Но разве об организационных вопросах шел 15 лет спор между Лениным и большевиками, с одной стороны, и троцкиз-

мом—с другой стороны? Это—пустяки, отвод глаз. Спор был именно об основных вопросах революции, о соотношении классов в революции, ибо вопрос—«перманентная революция» или теория тов. Ленина—это вопрос о роли крестьянства в революции, вопрос о путях к социализму в аграрной стране, вопрос о способах и условиях осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. Это не спор об абстрактных формулах. Это спор о том, как, какими путями может пролетариат взять и **удержать** власть в крестьянской стране. Это спор не только о вчерашнем, но и о сегодняшнем и о завтрашнем дне. Теория и практика Ленина есть ответ на этот вопрос. «Теория перманентной революции», теория Троцкого, целиком построенная на недооценке роли крестьянства, отвечает лишь на один вопрос: как нельзя взять и нельзя удержать власть в этих условиях. Вот основа спора, и вот почему решительный протест должна вызвать попытка Троцкого подменить ленинизм троцкизмом.

Поскольку из-под кучи искажений, самовосхвалений и посторонних делу изучения Октября соображений, наполняющих «Уроки Октября», можно извлечь некий принципиальный стержень, некоторую принципиальную мысль Троцкого,—она вся целиком выражена в следующих его словах: «Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап», и дальше следует литературное описание, смысл которого: «лишь как этап» к формуле Троцкого. Вот полностью и целиком сказанное признание. Сама по себе формула Ленина, «**как показало все дальнейшее развитие**», могла иметь значение лишь как этап к Троцкому. И тов. Троцкий прекрасно знает, это он хотел сказать и сказал именно это! Вот если партия с этим согласится, тогда она должна сказать это прямо, тогда она должна перенести это на международную арену и сказать это Коминтерну. Учитесь-де у Ленина за первые 15 лет его деятельности, но помните, что это есть лишь этап к Троцкому, «**как показало все дальнейшее развитие**».

Это—идейная суть всей последней книги Троцкого. Этот подмен ленинизма троцкизмом проведен Троцким со всем умением, со всем тем литературным искусством, которым он обла-

дает. А искусство у него большое. Эта книга написана не для широких масс, не для всей партии, она написана для молодого, подрастающего поколения, для тех, кто будет в дальнейшем, завтра, через год—два определять судьбы партии. Взять реванш за те 12 лет, когда Ленин доказывал всю мизерность политики Троцкого, показать, что революция подтвердила его (Троцкого) теорию, и этим подменом большевизма троцкизмом отравить головы будущих руководителей партии, сидящих в коммунистических университетах, совпартшколах, рабфаках, вузах и т. д.,—вот цель последнего выступления Троцкого, цель его книги «1917». Мы этого позволить не можем. Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму, или нам нужно свернуть знамя и выставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции—Троцкого. Тут надо выбирать. Тут кокетничанием, умалчиванием, фразами, что «мартовская революция ликвидировала разногласия» и «я пришел к Ленину с боями», ничего не поделаешь.

В этой книге («1917») ругают Зиновьева, Каменева, Рыкова и других. Я буду об этом говорить и буду говорить о своих ошибках, но не думайте, что здесь ругают только их. **Здесь Каменевым, Зиновьевым бьют Ленина.** Ведь, вопрос о судьбах большевизма можно поставить так: у Ленина была правильная теория, но ученики Ленина не сумели ее применить, во-время не разобрались, не поняли обстоятельств времени и места; формула правильная, лозунг правильный, а такие-то большевики плохо ее осуществляли. Можно так поставить, а можно поставить и так: если из ленинской формулы сделать логически все выводы, тогда неизбежно попадешь в болото и трясину. Формула неправильная, а люди-то логически правильно применяли неправильную формулу. В первом случае это—оправдание большевистской теории и указания на ошибки отдельных большевиков. Во втором случае, когда говорится: ближайшие ученики Ленина взяли его формулу и, применяя ее буквально, попали в трясину,—после всего, что мы уже знаем от Троцкого относительно антиреволюционных черт ленинизма, после того, как мы знаем, что «подтвердилась целиком» теория Троцкого, а не Ленина,—во втором случае мы видим, что бьют не столько Каменева и Зиновьева, сколько Каменевым и Зиновьевым бьют основную формулу Ленина.

Вот, на чем построены эти «Уроки Октября». Они представляют. лишь продолжение, обоснование, развитие цитированных выше заявлений Троцкого 1908 г. и лишь в чуть-чуть замаскированном виде продолжают тогдашнюю полемику Троцкого с Лениным. «Уроки Октября» имеют более глубокую цель, чем это на поверхности кажется. На поверхности кажется, что это—разоблачение Зиновьева и Каменева. Там это есть, но там есть больше,—там есть то, что ошибками Каменева и Зиновьева дискредитируют основные ленинские формулы и рекламируют троцкизм.

Партия не может и не должна пройти мимо этого подмена ленинизма троцкизмом, совершаемого под флагом Ленина. Что-нибудь одно из двух. Или в ленинизме есть «антиреволюционные черты» и большевизм должен был отказаться от своего прошлого, чтобы сделать Октябрь,—и тогда это должно быть сказано, это должно быть внесено в те учебники ленинизма по которым партия воспитывает миллионы своих членов, об этом должно быть ясно и точно рассказано коммунистам Европы. Или это—ложь, идейная путаница. Тогда почему она имеет право жить, распространяться под флагом ленинизма? Под прикрытием восхвалений Ленина, восхвалений, которые приобретают в этих условиях очень «странный»—чтобы не сказать—лицемерный характер? Партия должна защитить основные формулы Ленина против подмены их троцкизмом. Каковы же эти основные формулы и как Ленин их проводил?

Ленин в апреле 1917 г.

Мы видели, каким образом тов. Троцкий изображает ту теорию, которой мы были вооружены, вступая в период Октябрьской революции. Мы видели, что его изображение заключается в том, что старая большевистская теория, основные черты которой Ленин создал на основе опыта массового движения пролетариата и крестьянства в 1905 г., на основе практики первых Советов Рабочих Депутатов 1905 г., что эта теория потерпела крах весной 1917 года, что большевизм должен был перевооружиться, чтобы оказаться способным решать новые задачи, что по существу дела он должен был откинуть старую большевистскую теорию и обратиться к Троцкому.

Так представляет дело тов. Троцкий, с этой мыслью он входил в партию и с ней оставался в ней.

Правда ли, что большевизму, чтобы решить проблемы революции, нужно было отказаться от своего прошлого? Правда ли, что теорию революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьянства нужно было отбросить, как явно обойденную жизнью. Как же было дело в действительности и как понимал его Ленин? Дело было так,—и так, и только так понимал его Ленин,—что большевистская идея «рев.-дем. диктатуры пролетариата и крестьянства» **осуществилась целиком** в русской революции и, **осуществившись**, начала перерастать, перерастала и переросла в большевистскую идею диктатуры пролетариата. Этот рост вполне соответствовал и шел **параллельно** изменению соотношения классов в ходе русской революции. Тот, кто этого не понимает, не понял ничего ни в ленинизме, ни в истории партии, ни в истории революции.

Для того, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, нужно обратиться к моменту, когда, по мнению Троцкого, Ленин совершал перевооружение, т.-е. к весне 17-го года, и тем к программе и тактике революции, которые тогда Ленин выдвинул. Я беру самое кардинальное произведение Ленина тех дней—«Письма о тактике», в которых он комментирует, об'ясняет, разжевывает партии свои знаменитые тезисы 4 апреля. Что же говорит Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства? Действительно ли он должен был признать, что эта теория оказалась неправильной?

Ленин пишет: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в русской революции»... Совет Р. и С. Деп.—вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». (Соб. соч. Ленина, том XIV, ч. 1-я, стр. 29). «Советы Депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства». «Мы еще в меньшинстве, мы сознаем необходимость завоевать большинство» (в этих органах диктатуры).

Значит, не в том дело, по мнению Ленина, что эта формула оказалась негодной для революции и несоответствующей

ходу классовой борьбы. Нет, первыми его словами было то, что наша теория осуществлена в ходе революции, в живых учреждениях, созданных движением подлинных масс пролетариата и крестьянства. Из того факта, что большевистская теория насчет революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществилась, Ленин делает единственный—и, конечно, правильный—вывод: раз наша теория осуществлена, нужно итти дальше. Каким же путем? Тем, чтобы на почве осуществленной уже диктатуры пролетариата и крестьянства об'единять и сплачивать пролетарские элементы города и деревни против элементов мелкобуржуазных. Не останавливайтесь на осуществленной уже в революции большевистской формуле, идите дальше,—говорил Ленин тем большевикам, которые запнулись об осуществленную уже стадию революции. Он не говорит, что большевистская формула диктатуры пролетариата и крестьянства оказалась негодной и несоответствующей классовым интересам пролетариата. Он говорит: вы не замечаете, что она осуществилась, осуществилась «своеобразно, как и всякая теория»,—добавляет Ленин,—«но осуществилась; а раз она осуществилась, двигайтесь дальше. А что значит двигаться дальше от формулы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Это значит, на почве этой диктатуры собирать и организовывать пролетарские элементы, чтобы от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства двигаться дальше—к диктатуре пролетариата, к чисто-социалистическому перевороту». Вот каково представление Ленина о том, соответствует—или нет ход русской революции старой большевистской формуле. Но Ленин, подлинный реальный политик, подлинный вождь масс, понимал, что переход от диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистическому перевороту—вещь очень сложная, к которой надо итти, но итти, все время оглядываясь на крестьянство, осуществляя диктатуру пролетариата так, чтобы на всех стадиях этого перехода она поддержалась крестьянством. Поэтому Ленин все время примеряет свою тактику к тому, как разворачивается массовое крестьянское движение, специально изучая то «своеобразие» осуществляемой диктатуры пролетариата и крестьянства, что последнее на данной стадии революции сохранило в виде «оборончества» доверие к буржуазному правительству. Излагая взгляды,

споривших с ним большевиков, мои в том числе, и жестоко нападая на нас, Ленин пишет:

«Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти—буржуазия. А масса крестьян разве не составляет тоже буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, чтот этот слой не может притти к власти, «завершая» буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно? Так рассуждают часто старые большевики. Отвечаю—это вполне возможно... Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть...» Когда крестьянство перестанет через эсеровско-меньшевистские советы поддерживать правительство, «когда,—продолжает Ленин,—крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее, тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет итти речь особо».

Это много сложнее, чем теория Троцкого, которая прямолинейна, как полет вороны. У Троцкого с его лозунгом: «Без царя, а правительство рабочее» все очень просто, потому что он игнорирует крестьянство и не понимает условий осуществления диктатуры пролетариата не в Англии, не в Америке, не в Германии, а в аграрной капиталистически отсталой стране.

В чем величие Ленина? Не в том только, что он поднял знамя диктатуры пролетариата, а в том, что он не только хотел говорить о рабочем правительстве, а хотел строить его. Величие Ленина в том, что он начал и провел осуществление диктатуры пролетариата в данных условиях данной аграрной страны, постоянно учитывая те реальные элементы, на которых эту диктатуру можно не только провозгласить, но и построить. Именно поэтому он еще в апреле 17 года вводил в свои расчеты и такую возможность, как «новый этап буржуазно-демократической революции» в результате разрыва крестьянства с временным правительством и эсерами.

«Неизвестно,—писал он,—может ли теперь быть еще в России особая «рев.-дем. диктатура пролетариата и крестьянства», оторванная от буржуазного правительства». И действительно, в апреле неизвестно было, будет ли в ходе русской революции такой момент, когда крестьянство, оставив эсеровские и меньшевистские советы, выступит, не доходя до

диктатуры пролетариата,—но уже против временного правительства. Ильич, как реальный политик и вождь масс, знавший, что мы осуществляем политику пролетариата в своеобразных условиях аграрной страны, строил тактику на оба случая: «и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии, «диктатуру пролетариата и крестьянства», и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т.-е. до социализма) колебаться между ней и нами». (Собр. сочин., т. XIV).

Вы видите, как подходит Ленин к классовым отношениям в революции, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, как он представлял себе переход от буржуазной революции, завершающейся диктатурой пролетариата и крестьянства, к социалистической революции. Для Ленина перерастание рев.-дем. диктатуры в диктатуру пролетариата совсем не представлялось таким простым и прямолинейным, как это представлялось и представляется до сих пор автору перманентной революции. Ленин не был бы Лениным, т.-е. не был бы практическим руководителем миллионных масс в ходе классовой борьбы, если бы он действительно перевооружился по Троцкому, ибо теория Троцкого вела неизбежно к крушению и пролетариат, и крестьянство. В своем чистом виде линия Троцкого—это игнорирование крестьянства, игнорирование переходов, в ходе которых крестьянство сначала доверяет правящей буржуазии, потом разочаровывается и выступает против нее, но еще в целом не присоединяется к пролетариату, и, наконец, последний этап—когда пролетариат на почве крестьянского восстания, ведя крестьянство за собой, осуществляет диктатуру, пробуя и меняя разные формы союза рабочих и крестьян.

Вся эта реальная политика рабочего класса, которая единственно могла привести к диктатуре пролетариата, для Троцкого—грамота за семью печатями, совершенно недоступная с точки зрения его теории, которую он теперь—задним числом—пытается навязать и партии, и революции.

Ленин очень хорошо знал, что отстать от хода революции —значит принести великий вред и революции, и партии. Но он очень хорошо знал также, что «недооценка крестьянства», лежащая в основе троцкизма, есть величайшая опасность для

революции и для партии. Поэтому-то, именно, категорически настаивая на том, что надо двигаться от рев.-дем. диктатуры **вперед**, он в то же время старательно предупреждал партию от того, чтобы она не попала при этом на рельсы троцкизма.

«Нужно итти вперед,—говорил Ленин весной 1917 года, когда он будто бы «перевооружал большевизм»,—но, идя вперед, начиная переход от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к диктатуре пролетариата, к социалистическому перевороту, не попадите на рельсы Троцкого, ибо троцкизм насквозь нежизненен, порожден недооценкой крестьянства, непониманием, как осуществляется диктатура пролетариата в крестьянской стране».

В этой же брошюре, где Ленин полемизирует со старыми большевиками, он пишет: «Но не грозит ли нам опасность впасть в суб'ективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную, не изжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал «без царя, а правительство рабочее», эта опасность мне бы грозила, но я сказал не это,—пишет и подчеркивает Ленин,—я сказал иное...»

«Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение от всякой игры в «захват власти» рабочим правительством»... И, продолжая, якобы, «перевооружаться», на петербургской конференции в те же дни Ленин не забывает предостеречь: «Троцкизм—без царя, а правительство рабочее. Это неверно. Мелкая буржуазия (т.-е. крестьянство. **Л. К.**) есть, ее выкинуть нельзя».

Разве это не есть буквальное повторение в разгар революции (в разгар «перевооружения» по Троцкому) того, от чего Ленин предупреждал партию задолго вперед? «Основная ошибка т. Троцкого...—отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой (буржуазной) революции к революции социалистической», писал Ленин в 1910 г.

Выяснить соотношение классов в предстоящей революции—главная задача революционной партии. Эту задачу неправильно решает Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала... Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства (писано в октябре 1916 года, в канун революции). И после этого у Троцкого хватает смелости сказать, что его теория «целиком оправдалась» в 1917 г. и в то же время называть себя ленинцем... Нет, тут надо выбирать.

Вот чего опасался Ленин: не отстать от хода развития революционного движения; и он жестоко полемизировал с теми (со мной в том числе), которые не видели, что революция уже перешла из одной фазы в другую. Но, идя вперед, он больше всего опасался, как бы не попасть на рельсы абстрактной теории Троцкого, которого он здесь в десятый раз упрекает в перепрыгивании через неизжившее себя крестьянское движение.

Таким образом, Ленину не было никакой необходимости перевооружаться. Старая ленинская теория, старое ленинское большевистское представление о характере русской революции и о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства целиком, по словам Ленина, оправдались. На почве этого оправдания надо было итти дальше. Но, идя дальше, надо было ни в коем случае не попасть на ложные рельсы Троцкого, который вел к гибели и диктатуру, и пролетариат, потому что не умел, как не умеет никогда Троцкий, строить диктатуру пролетариата, учитывая реальное соотношение сил между крестьянством и пролетариатом.

Ленин все в той же брошюре, все той же весной 1917 г., когда он, якобы, «перевооружался», напоминает, что еще за 12 лет, в июле 1905 года, выдвигая лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», он писал следующее (Ленин цитирует свою статью): «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее... Ее будущее —

борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм».

Зачем же Ленину и большевизму было перевооружаться и учиться у Троцкого, у «перманентной революции», если за 12 лет до 17 года Ленин предсказал, что, когда революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства будет осуществлена, надо будет итти вперед, к диктатуре пролетариата, но итти вперед, считаясь с крестьянством, создавая такие условия, при которых крестьянство шло бы за пролетариатом, а не перепрыгивая через крестьянство, как это предлагает Троцкий. Заимствовать оружие из арсенала Троцкого большевизму не было нужды.

Вот как было дело, как в действительности большевизм подходил к решению тех задач, которые были поставлены в 1917 году. Это было не «перевооружение», не отсекание «антиреволюционных черт», не залатывание расползавшегося большевизма троцкизмом, а предсказанное большевиками, лежавшее в основе большевизма **разворачивание** большевистского лозунга, разворачивание, сообразованное во времени и темпе с ходом революции и, в первую очередь, с ходом и со своеобразием этого хода под влиянием войны—крестьянского движения.

При этом некоторые большевики не так быстро, как того требовал ход революции, бешено ускоренный гигантским давлением войны, перешли со ступеньки на ступеньку. Тому, кто смотрит на историю большевизма, как на чужое ему дело, можно по поводу этого плясать и радоваться. Но из того факта, что некоторые большевики не так быстро шагали по начертанному большевизмом маршруту революции, никак не следует, что маршрут большевизма был неправилен, что он вел не к победе, а в трясину, что его надо было в ходе революции изменить. А, ведь, это именно пытается доказать Троцкий своими фразами об антиреволюционных чертах большевизма, о его перевооружениии, о том, что правильной оказалась не ленинская «рев.-дем. диктатура», а троцкистская «перманентная революция».

Ленин строил тактику, как я сказал, и на случай самостоятельного крестьянского движения, которое вырвется из под ига меньшевиков и эсеров, которые тащили его к буржуазии, и на случай если крестьянство окажется не в состоянии

вырваться из-под власти буржуазии. И кто не понимает того, что вся тактика большевиков и специально Ленина, от февраля до октября, все время считалась с этими двумя возможностями, что Ленин все время маневрировал так, чтобы крестьянство увлечь за пролетариатом и обосновать власть рабочего класса на союзе с крестьянством, тот ничего не поймет в истории большевизма за эти месяцы.

И Троцкий тут ничегошеньки не понял, потому что не понял основного зерна ленинской теории о соотношении рабочего класса и крестьянства в русской революции. Он не понял этого и после Октября, не понимал при каждом повороте, который делала наша партия, маневрируя так, чтобы осуществлять диктатуру пролетариата, не отрываясь от крестьянства. Ему мешала понять это та теория, которая, по его мнению, «целиком оправдалась». Если бы теория Троцкого оказалась правильной, то это обозначало бы, что никакой советской власти в России уже давно не существовало бы. Игнорируя крестьянство, не давая никакого подхода к решению вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, эта теория «пермаментной революции» ставит рабочее правительство в России в исключительную и полную зависимость от немедленной пролетарской революции на Западе. Согласно этой теории, «став у власти, пролетариат окажется перед глубочайшими противоречиями»; перед его властью будут стоять об'ективные социалистические задачи: «разрешение их столкнется с хозяйственной отсталостью страны; в рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет» [1]). При таких условиях задержка или затяжка мировой пролетарской революции обозначала бы немедленное крушение правительства рабочей диктатуры в России. Вот почему для «перманентщиков» неизбежны судорожные переходы от припадков отчаяния и глубокого пессимизма к попытке властною рукою—в порядке военного приказа—расправиться с экономической отсталостью страны.

Действительная большевистская политика, которую Ленин с февраля по октябрь проводил, не имеет ничего общего ни с этой политикой, ни с этой психологией. Тот, кто не понимает этого, лишает себя возможности понять смену лозунгов в истории большевистского движения от февраля до октября.

---

[1]) См. Л. Троцкий. 1905, стр. 286.

«Власть советов», когда в советах было большинство меньшевиков и эсеров, а мы в меньшинстве, снятие лозунга «Власть советов», как предлагал Ленин после июльских дней, предложение меньшевикам компромисса и мирного соревнования в советах в сентябре... Конечно, мы никогда не поймем этого, если не поймем, что политика ленинизма глубочайшим образом отличается от политики троцкизма.

А в момент Октября и непосредственно после Октября. Разве с точки зрения марксизма, с точки зрения анализа классовых сил революции принятие—по предложению Ленина—2-м с'ездом советов эсеровского декрета о земле, разве включение—по предложению Ленина—в состав советского правительства левых эсеров, разве наименование—по предложению Ленина—правительства, созданного Октябрьской революцией, «рабоче-крестьянским правительством», разве все это не было,—выражаясь термином, характеризующим в биологии перерастание одной формы в другую,—«переживанием» «диктатуры пролетариата и крестьянства» в системе, сущность которой уже состояла в «диктатуре пролетариата»? Можно перескочить через эти факты Октябрьской революции, но это не будет научным анализом ленинской политики. А переход от военного коммунизма к нэпу, от комитетов крестьянской бедноты к речи Ленина о «среднем крестьянине»? Как это увязывается с вполне «оправдавшейся» теорией перманентной революции? Никак не увязывается. Понять политику рабочего класса, стоящего у власти в России, можно только с учением ленинизма в руках. В нем—об'яснение всех различных методов и подходов и переходов, от одного метода борьбы к другому, начиная с февраля до октября и далее.

В 1916 году Ленин писал, что жизнь десять лет шла мимо прекрасной теории Троцкого, теперь мы можем прибавить к этим десяти годам еще ровно 8 лет. Дает ли то обстоятельство, что жизнь в течение 18 лет шла мимо теории Троцкого, право последнему претендовать на поправку ленинизма троцкизмом.

Так как жизнь шла мимо теории Троцкого, то Троцкий в своих книжках пытается подправить не только ленинизм, но и жизнь, чтобы всячески доказать, что она все-таки шла по Троцкому. Но жизнь шла по Троцкому только в моменты наибольших провалов революции, а в те моменты, когда она

вырывалась из этого подавленного состояния, когда разворачивалось подлинное классовое рабочее и массовое крестьянское движение, жизнь шла не по Троцкому, а по Ленину. Вот почему Троцкому понадобилось извращать факты; вот почему Троцкий обрек себя на то, чтобы во всей дальнейшей истории партии, на всяком более или менее крутом ее повороте, всякий раз, когда он хотел сказать «свое» слово, неизбежно попадать впросак.

Ленинизм целостно и полностью, без поправок, есть теория пролетарской революции. А фраза «я пришел к Ленину с боями» есть просто фраза, лицемерная дань ленинизму, маскирующая подлинную мысль Троцкого. Скитавшийся полтора десятилетия по меньшевистским литературным предприятиям политик, прибитый волнами народной революции к большевистским берегам, вошел в большевистскую партию с тайной мыслью, что прав то был и остался он, вошел не с тем, чтобы учиться у партии, а с тем, чтобы партию учить, не с тем, чтобы вложиться всеми своими силами в общую, коллективную, массовую работу годами и десятилетиями складывавшейся рабочей организации, а с тем, чтобы парадировать перед ней в роли провиденциального спасителя. Его снедала мысль «отроцкистить большевизм». Перед партией по отношению к Троцкому, как по отношению к каждому своему новому члену, стояла прямо противоположная задача—«обольшевичить Троцкого». Удалась ли она?

3. Троцкий в партии, наша ошибка, Октябрь по Троцкому

Рассмотрев «надежный» и «прочный» путь тов. Троцкого к большевикам, перехожу к пребыванию тов. Троцкого в партии. В этой его деятельности мы должны отличать две струи. Первая,—когда тов. Троцкий точно и строго выполнял директивы партии, когда он, на ряду с другими, опираясь на весь коллективный политический опыт партии, на всю партийную массовую организацию, выполнял те или иные задания и поручения партии. Тогда тов. Троцкий делал славные дела, тогда он, наряду с другими, вписывал в свою личную историю и в историю партии славные страницы. Но именно потому, что тов. Троцкий вошел в нашу партию, как индиви-

дуалист, который думал и думает, что в основных вопросах революции права не партия, а прав он, тов. Троцкий, что партия должна троцкизмом подправлять ленинизм,—рядом с этой первой струей идет у тов. Троцкого другая струя, та струя, которая доказывает, что тов. Троцкий не большевик.

Четыре попытки тов. Троцкого поправить партию

Партия помнит четыре момента, когда тов. Троцкий хотел научить партию, дать ее политике свой, троцкистский уклон. В первый раз это сказалось через несколько месяцев после того, как тов. Троцкий вступил в партию. Это было во время Брестского мира. Партия знает с достаточной степенью точности и ясности, чем на самом деле была подсказана тогда позиция тов. Троцкого. Это была недооценка роли крестьянства, прикрытая революционной фразой. Тов. Троцкий хотел поправить и направить партию, исходя из недооценки роли крестьянства. Это был путь поражения пролетариата и революции. Если вспомнить те аргументы, которые тов. Ленин выставил тогда против тов. Троцкого, то легко убедиться, что тов. Ленину не пришлось искать новых аргументов сверх тех, которыми он опровергал общую позицию тов. Троцкого в течение десятка предшествующих лет. Тов. Ленин упрекал его в двух политических грехах: непонимании соотношения между пролетариатом и крестьянством, и увлечении якобы левой, якобы революционной фразой. Эти два аргумента в устах тов. Ленина против тов. Троцкого не новы, но не новы они только потому, что недооценка крестьянства и увлечение революционной фразой в эпоху Бреста были не новыми грехами тов. Троцкого. Напрасно думать, что есть два Троцких: один до 1917 года, другой после 1917 года. Тогда тов. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным во имя общей идеологии партии отказаться от своей собственной идеологии в основных принципиальных вопросах русской революции. Именно поэтому тов. Троцкий в партии систематически повторяет **тип** своих ошибок того времени, когда он был вне партии.

Тов. Ленин на VII с'езде партии утверждал, что политика тов. Троцкого фактически под прикрытием эффектной фразы

ведет дело к поражению революции. Тов. Троцкий на самом же с'езде подал заявление о выходе из ЦК. Но тов. Ленин не дал тов. Троцкому «поправить» партию. Наступила гражданская война, эпоха военного коммунизма. Тов. Троцкий делал порученное ему дело. В направлении общей политики партии его участие было меньшим, чем когда-либо. Но вот революция подходит к новому повороту. В соотношении классов произошла передвижка. В форме дискуссии о профсоюзах партийная мысль предвосхищает вопрос, который через несколько недель был поставлен Кронштадтом, вопрос о переходе от военного коммунизма к эпохе новой экономической политики. Чего искал тогда тов. Ленин? Он искал новых форм союза пролетариата с крестьянством, новых форм руководства партией широких рабочих масс путем применения в более широком размере взамен методов принуждения методов убеждения. Именно на этом пути искала—и нашла—партия под руководством т. Ленина способы укрепить диктатуру пролетариата в новую эпоху. В чем видел тогда спасение тов. Троцкий? Он советовал потуже завинтить гайки военного коммунизма. Это была опять и опять недооценка крестьянства, увлечение внешними формами, методами «подтягивания» и «администрирования сверху». Лишенный возможности понять изменение соотношения между пролетариатом и крестьянством и значение этого изменения, т. Троцкий вновь рекомендовал партии такие пути и такие методы, усвоив которые, диктатура пролетариата неизбежно крахнула бы, запнувшись о деревню. Партия и тов. Ленин опять не дали тов. Троцкому себя «поправить». Ну, а дальнейшие—еще при жизни Владимира Ильича—попытки тов. Троцкого поставить вопрос о «плане»— в его своеобразном понимании, свойственном тов. Троцкому, его «формулы» о «диктатуре промышленности», разве это не были опять-таки попытки увязать мелкобуржуазную стихию сверху надетыми железными обручами, разве в этом опять-таки не сказывалось непонимание конкретных условий, при которых только и возможно осуществление диктатуры в аграрной стране с подорванной промышленностью в момент, когда международная революция затянулась? Не было ли и здесь попытки **обойти** реальные трудности осуществления диктатуры пролетариата в данных условиях при помощи эффектных формул, которые на самом деле реальных трудностей во взаимоотно-

шениях пролетариата и крестьянства не облегчали, а обостряли? И здесь под эффектными формулами тов. Троцкого нетрудно нащупать неизбежно связанные с его оригинальной теорией: с одной стороны,—отчаяние, пессимизм, неверие и, с другой стороны,—преувеличенные надежды на методы переадминистрирования (ленинское словечко!), властного преодолевания сверху реальных экономических трудностей.

Последняя дискуссия у всех еще в памяти. Она наглядно демонстрировала перед партией всю сумму ошибок тов. Троцкого, которые мы рассмотрели выше. Но она выявила с особой наглядностью—сверх уже ранее демонстрированных ошибок—еще одну черту троцкизма, тоже, впрочем, далеко не новую. Это—попытка подорвать и ослабить основной костяк диктатуры в виде партии. Сюда вело и дискредитирование «кадров», и возрожденное меньшевистское представление о партии, как о сумме «групп и течений», и ликвидаторской по сути дела подрыв авторитета руководящих учреждений («ведут страну к гибели!»). И разве под флагом тов. Троцкого не шло тогда представление о большей свободе внепартийных организаций от влияния партии? Разве все это в сумме не вело на деле к ослаблению диктатуры пролетариата, не основано было на недооценке тех условий, в которых мы—в крестьянской стране—должны осуществлять диктатуру, не демонстрировало мелкобуржуазный уклон?

У тов. Троцкого в тот момент, когда он входил в партию, осталось глубокое убеждение, что в основных вопросах революции и диктатуры пролетариата прав он, а не Ленин. Партия этого не думает. В этом разгадка внутрипартийной позиции т. Троцкого. Когда партия здорова, когда все идет хорошо, т. Троцкий выполняет спокойно ту работу, которая ему поручается, но как только партия натыкается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только т. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильный путь, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах остался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму. Именно поэтому и Ленину, и партии всякий раз приходилось давать решительный отпор попыткам т. Троцкого поправить партию. Партия знала и на опыте все более и более убеждалась, что

поступить по Троцкому, значит подменить большевизм троцкизмом, что во всяком его предложении более или менее широкого характера, касающемся основных вопросов пролетарской диктатуры, сказывается та основная фальшь, что он вошел в партию с убеждением, что прав-то оказался он, что «целиком оправдалась» его, а не ленинская, оценка основных сил революции, что он должен ленинскую партию «подправить».

Наша ошибка

У т. Троцкого есть еще один козырь в борьбе против большевизма. Этот козырь—ошибки некоторых большевиков (моя и Зиновьева в первую голову, затем Рыкова, Ногина) в октябре 1917 года. Конечно, ошибки большевиков всегда используются врагами нашей партии против большевизма. Тов. Троцкий не прибегал к этому козырю, который известен партии, и известен самому т. Троцкому—столько же лет, сколько мы живем после Октябрьской революции, но он не прибегал к нему, пока надеялся заставить партию пойти по своему, троцкистскому, пути путем обсуждения тех или других практических вопросов. Но когда четыре попытки—Брест, профсоюзы, дискуссия о плане и последняя дискуссия—показали ему, что большевистскую партию свернуть с ее пути путем открытого обсуждения очередных практических вопросов невозможно, когда на XIII с'езде он увидел партию, которая ему сказала, что мы, ленинцы, не нуждаемся в том, чтобы наша теория поправлялась в сторону троцкизма, он пустил в ход этот последний козырь. Не он первый, конечно. Эта ошибка была уже неоднократно использована нашими врагами: чем больше ошибка большевика, —а ошибка была громадной, хотя острые разногласия и продолжались только несколько дней,—и чем более ответственные большевики ее сделали,—а сделали ее очень ответственные большевики,—тем, конечно, соблазнительнее для каждого противника большевизма этими ошибками дискредитировать большевизм. Эту ошибку, как только она была сделана, использовали против большевизма наши тогдашние враги.

Но так же, как и сама ошибка, это использование было тогда просто похоронено в грохоте пролетарской революции. Ни сама ошибка, ни ее использование врагами не имели ника-

ких реальных последствий: движение пролетарских масс буквально в несколько дней «поправило» колебавшихся большевиков, сняло разногласия и смело со сцены наших врагов. Ее затем злостно «использовали» против большевизма все, кто уходил от коммунизма: Леви, Фроссар, Балабанова. Ни один из них, порывая с коммунизмом, не упустил этой возможности, надеясь ошибкой большевиков дискредитировать большевизм. Теперь, после Леви и Фроссара—тов. Троцкий.

Колебания были недопустимы. Против них Ленин ополчился со всей силой и страстью вождя, заметившего, что в решительный момент его сотрудники своими колебаниями способны внести смущение в ряды. Он обличал колебания беспощадно и в горячую, решающую минуту не останавливался ни перед одним самым «свирепым» словом и предложением. И он был прав, прав до конца и безоговорочно. Тов. Ленин не был бы Лениным, если бы в такой момент остановился на полдороге, если бы позволил каким бы то ни было соображениям удержать себя от предложения самых крайних, до конца идущих мер. А мы не были бы «ленинцами» и учениками тов. Ленина, если бы хоть на минуту усомнились, что эти меры тогда действительно вытекали из обстановки момента.

Но когда наступил момент для спокойного обсуждения и именно для того, чтобы предупредить повторение подобных ошибок в других коммунистических партиях, Ленин дал точную характеристику этой ошибки. Именно тогда, когда Серрати попытался этой ошибкой Каменева и Зиновьева прикрыть свой уход от коммунизма, тов. Ленин писал: «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены». Я прошу прислушаться к тому, как Ленин формулирует наши ошибки: «Они проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части «меньшевиков» и «социалистов - революционеров». Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело

дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель, самое большое через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты» [1]).

Вот точное, ясное, четкое, Лениным данное определение пределов наших колебаний и наших разногласий с ЦК.

Похоже ли это ленинское описание на злопыхательскую—и смешную по своему злопыхательству—попытку Троцкого создать из этого «правое», чуть ли не меньшевистское «крыло» в нашей большевистской партии. Троцкому обязательно надо, ради всей своей теории об «антиреволюционных чертах» ленинизма, для дискредитирования идей ленинизма—создать **внутри большевизма** «правое крыло» с чуть ли не меньшеви-

---

[1]) Ленин, собр. соч., т. XVII, стр. 373. Я не могу здесь останавливаться здесь на восстановлении действительной картины октябрьских и предоктябрьских дней и извращений моей роли, в них сделанных Троцким. Я вернусь к этому в подготовляемом к печати сборнике моих статей и речей за 1917 год. Пока ограничусь парой фактов: в апреле я открыто, согласно постановления ЦК, на страницах «Правды» дискутирую с Лениным, дискуссия продолжается на заседаниях петроградской и всероссийской апрельских конференций. Ленин в апреле же—после дискуссии—ставит, поддерживает и проводит мою кандидатуру в ЦК. После июльских дней Ленин письменно поручает мне, в случае какого либо несчастия с ним, отредактировать и издать незаконченную его рукопись: «Государство и Революция» (для чего вряд ли годится представитель правого крыла). 10-го октября ЦК решает вопрос о восстании. Несмотря на разногласия, и я и Зиновьев выбираемся—вместе с Лениным, Сталиным и др.—в созданное на этом заседании политическое бюро для руководства восстанием. 11-го мы с Зиновьевым пишем свое письмо. 16-го октября на заседании ЦК мы совместно обсуждаем вновь вопросы восстания. 24-го октября на заседании ЦК я докладываю ЦК о некоторых технических сторонах подготовки восстания. 25-го и 26-го октября я, по поручению ЦК, конечно, председательствую на II с‘езде Советов, об‘явившем Советскую власть. 2-го октября—опять-таки согласно постановления ЦК—избираюсь председателем ВЦИК. 2-го и 3-го ноября по поручению ЦК веду переговоры от имени ЦК с представителями других партий. 4-го ноября—в связи с разногласиями ЦК по поводу этих переговоров—я вместе с Зиновьевым, Рыковым, Ногиным и др. выходим из ЦК, 7-го ноября передаю председательствование в ВЦИК Я. М. Свердлову, а 18-го ноября получаю поручение от ЦК войти в состав брестской делегации для переговоров о мире с Германией. Таковы факты.

стским уклоном. Как бы это хорошо увязывалось с «перевооружением» большевизма! Как бы это хорошо доказывало необходимость лечить ленинизм и ленинцев—троцкизмом! Как бы это облегчало распространение дорогих для Троцкого идей о «перерождении кадров»! Как же ради этих «достойных» целей не использовать ошибок Каменева и Зиновьева? Правда, и тут Ленин, и его сочинения несколько мешают. Но такова уж судьба тов. Троцкого: для достижения своих целей он всякий раз должен «преодолевать» **Ленина, ленинизм и ленинцев.**

Троцкий еще раз о себе и о Ленине

Одни ли мы ошибались, на взгляд Троцкого, в момент Октябрьской революции? Нет, не одни мы. Был еще один большевик, который глубоко ошибался в момент Октября. Действительно ли задача этой книги т. Троцкого только в том, чтобы предостеречь от ошибок Каменева и Зиновьева? Увы, т. Троцкий целит дальше, или, чтобы придать наиболее выгодное для тов. Троцкого освещение: он попадает дальше. Как описывает Октябрь Троцкий?

В этой книжке очень много сенсаций. Но, пожалуй, самым сенсационным является в этой книжке фраза, которая касается именно Октябрьской революции. На стр. 50 своих «Уроков» Троцкий пишет: «Восстание 25-го октября имело только дополнительный характер». Тут много, вероятно, участников октябрьских событий, и я думаю, что все они с удивлением узнают через 8 лет после 25-го октября 1917 г., что восстание 25-го октября носило «только дополнительный характер». К чему? Оно, оказывается, носит «дополнительный» характер к событиям, которые разыгрались 9-го октября. Мы знаем основные даты революции. Но если я говорю: «события 9-го октября», то многие себя спросят, какое же такое событие было 9-го октября, по отношению к которому октябрьское восстание было только дополнением. 9-го октября—об этом напечатано в книге Троцкого—по предложению тов. Троцкого в Петроградском Совете, под председательством тов. Троцкого, была принята резолюция, которая кончалась такой фразой: «Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не может брать перед армией никакой ответствен-

ности за такого рода стратегию Временного Правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда».

Конечно, это важная резолюция; она связала гарнизон, не желавший итти на фронт, с Петроградским Советом. В том деле, которое Ленин, вслед за Марксом, называет «искусством восстания», установление связи между Советом и петроградским гарнизоном играло большую роль. Но послушайте, как этот момент 9-го октября описывает и оценивает Троцкий: «С этого момента (9-го октября) мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания... Исход восстания 25-го октября был уже на три четверти предопределен в тот момент... По существу дела мы имели здесь вооруженное восстание... Мы имели здесь **«тихое», почти «легальное»** вооруженное восстание, которое было на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом... Мы имели с этого момента в столице победоносное восстание». (Л. Троцкий, «Уроки Октября», 1917 г. стр. 59—60). Оказывается, 25 октября, действительно, является только небольшой дополнительной черточкой к тому, что произошло 9-го октября, когда «мы имели» не только предрешенный на три четверти исход, но и фактическое состояние вооруженного восстания, при чем восстания «тихого» и почти «легального», но зато—победоносного. Но тогда возникает вопрос: если 9-го октября на $^{9}/_{10}$ «победоносное» восстание было уже совершившимся фактом, то как оценить умственные способности тех, кто сидел в ЦК большевиков и 10-го октября в горячих спорах решал, итти ли на восстание или нет, и если итти, то когда? Что сказать о людях, которые собирались 16-го октября под именем ЦК с местными работниками, с работниками Военной Организации и еще, и еще судили о шансах восстания, о силах восстания, о сроках восстания. Да, ведь, оказывается, оно было устроено еще 9-го октября «тихо» и «легально». И настолько тихо, что ни партия, ни ЦК этого не узнали. Но это еще туда-сюда: что такое партия, ПК, ЦК, когда Троцкий умудрился написать историю Октябрьской революции, в которой вообще ни ЦК, ни ПК нет, как живых действительных сил, как коллективных организаторов массового движения. А уж о том, что было в Москве, что не только в Петрограде, но и в Москве, и в Иваново-Вознесенске был пролетариат, что он тут кое-что делал,—об этом никто ничего не узнает из «Уроков Октября».

Конечно, надо суметь так написать историю Октября, но Троцкий очень ловкий, блестящий публицист, он может и так написать. Оставим поэтому в стороне ЦК, ПК, Военную Организацию. Ну, а Ленин? О Ленине тов. Троцкий сообщает тут же, на этой же странице так: «Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем значении... Ленин не имел возможности из своего подполья оценить коренной перелом...» и т. д. (Л. Троцкий, 1917 г. «Уроки Октября», стр. 59—60). Видите, какие мы с вами невежды на счет Октябрьской революции. Мы до сих пор представляли себе, что именно Ленин вел Октябрьскую революцию, а организовали ее ЦК, ПК, Военная Организация партии... Оказывается, ни ЦК, ни ПК не играли тут никакой роли. Их нет на сцене. Может быть, Троцкий, проводя резолюцию 9-го октября, действовал по директивам руководящего центра, который подготавливал восстание? Такой центр был, но из «Уроков» Троцкого об этом узнать ничего нельзя. Есть на сцене Троцкий, который «легально» и «тихо» решает победоносное восстание 9-го числа, в то время, как состоящий, видимо, из не очень сообразительных людей ЦК обсуждает еще вопрос, нужно ли это восстание. Оказывается, вместе с тем, что Ленин сидел в подпольи, обстановки не учел, соотношения сил не знал... Но мало того: не учтя и не зная обстановки, Ленин,—сообщает Троцкий,—давал советы: советы начать революцию в Москве.

Чтобы вполне выяснить роль Ленина, Троцкий сообщает следующее: «если бы восстание началось (по совету Ленина, **Л. К.**) в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом, а неудача в Москве тяжело отразилась бы и на Петрограде». (Л. Троцкий, «Уроки Октября», стр. 60).

Пока Ленин подает подобного рода «советы», Троцкий, имея уже у себя в кармане «тихое», но «победоносное восстание», производит «широкий обволакивающий маневр»: «нам удалось,—пишет он с торжеством,—завлечь в ловушку советской легальности наших врагов...» «Наша «хитрость» удалась на сто процентов...». «Соглашатели оказались... целиком и полностью пойманы...» Троцким.

Правда, Ленин имел в виду именно это увлечение тов. Троцкого «широким обволакивающим маневром» и, рассчитывая гораздо больше на рабочих, матросов и солдат, чем на «хит-

рость» тов. Троцкого, писал тогда: «Медлить—преступление, ждать с'езда советов—ребяческая игра в формальность, предательство революции». Но Троцкий, заканчивая описание роли своей и Ленина в октябрьские дни, победоносно отражает эти слова Ленина: «Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией—это одно,—поучает Троцкий Ленина,—а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав с'езда советов—это совсем другое».

Вот расстановка фигур: Ленин сидит в подпольи, не оценивает обстановки, не учитывает того, что $^9/_{10}$ восстания уже сделано, дает совет начать восстание в Москве, явно обрекая революцию на неуспех, нервничает, ведет дело под явно нелепым простецким «голым лозунгом захвата власти партией» (в чем, впрочем, исстари обвиняли Ленина буквально все меньшевики и Троцкий),—а, с другой стороны, Троцкий уже 9-го октября устраивает «победоносное восстание», твердо, но выдержанно проводит «широкий обволакивающий маневр», «завлекает врагов в ловушку», «подготовляет и потом осуществляет» победу под широким массам понятным лозунгом «защиты прав с'езда советов». Кто же сделал восстание, кто им руководил, кто определил его ход, благодаря кому спасена Октябрьская революция?—Троцкий очень хороший литератор, но, как ни искусно перо тов. Троцкого, смысла его рассказа об Октябре нельзя не видеть. ЦК сидел в трясине, ПК не существовал на свете, тов. Троцкий в качестве председателя Совета своей политикой связывает гарнизон с Советом, умно маневрирует и оставляет 25-му Октября сделать лишь несколько дополнительных шагов, чтобы вручить пролетариату умно и тонко подготовленную победу. А Ленин в это время сидит в подпольи, не знает обстановки, дает советы устроить восстание в Москве, горячится и кипятится, что оттягивается уже совершенное собственно восстание, и сбивается в сторону голого «захвата власти партией».

О чем же говорят эти «Уроки Октября»? О том, что **весной** Ленин должен был перевооружится идейно, отбросить старую теорию и взять оружие из арсенала Троцкого, а в **октябре** неудачно пытался руководить восстанием, привести которое к победе суждено было тов. Троцкому.

Вот и надо выбирать, чему нужно учиться и учить: этой ли истории Октября, или же какой-то другой, истории ли Троцкого, или же той, которая имеется в сочинениях т. Ленина.

Я уже сказал вначале, что не могу разбирать отдельных ошибок Троцкого. Достаточно сказанного. Я не стану говорить об извращении событий в связи с апрельской конференцией, об извращении событий в связи с демократическим совещанием, но еще два места я укажу для того, чтобы показать, что—опытный политик и литератор—тов. Троцкий, действительно, попадает своими стрелами дальше... видимой цели.

Вот вопрос об Учредительном Собрании. Тов. Троцкий цитирует письмо мое и Зиновьева от 11 октября. Мы пишем так: «Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы— вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем».

Это мы писали 11-го октября. Троцкий комментирует так: «Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии правых, что теория «комбинированной» государственности, сочетающей Учредительное Собрание с Советами, была $1^1/_2$—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом». (Л. Троцкий, 1917 г. «Уроки Октября», стр. 37).

Ну что может быть убедительнее? Мы писали о «комбинированном типе Учредительного Собрания и Советов»,— а через полтора года Гильфердинг повторяет это,—и вот тов. Троцкий пользуется случаем сказать, что эти, мол, люди похожи на Гильфердинга и «также борются против захвата власти пролетариатом». Но прием, употребленный здесь автором, прямо позорен.

Мое и Зиновьева письмо было написано 11-го октября; я беру статью Ленина, написанную 6-го октября, т.-е. за 5 дней до нашего письма. Вот что пишет Ленин: «Возможны, при переходе от старого к новому, временные «комбинированные типы» (как справедливо указал «Рабочий Путь» на-днях), например, и Республика Советов и Учредительное Собрание». (Собр. соч. Ленина, т. XIV, стр. 167) [1]).

---

[1]) Статья, на которую сослался Ленин, написана тов. Зиновьевым.

Что же выходит? Выходит, что в данном случае и Ленин был похож на этого Гильфердинга. Или нас надо развести с Гильфердингом, или Ленина повенчать с Гильфердингом. Но Ленина повенчать на Гильфердинге—это не выйдет, а вот Каменева с Зиновьевым повенчать на Гильфердинге—авось найдутся дурачки, которые этому поверят. Но оставим Каменева и Зиновьева, а как быть с Лениным? Ведь, остается, что социал-предателя Гильфердинга Троцкий, чтобы побольнее ударить того, кого он хотел, но не умел ударить,—поместил где-то около Ленина. Троцкому не важна историческая правда. Изменение тактики в моменты, когда ситуация менялась изо дня в день, его не интересует—его интересует дискредитировать всеми средствами большевизм.

Последний пример, тоже в двух словах. Все в том же письме мы в октябре 1917 года говорили: «Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас, одни придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет». (Л. Троцкий, «1917 г.». «Уроки Октября», стр. 38). Пускай историк разберется, сколько тут было неправильной оценки. Но, что делает тов. Троцкий? «Мы видим здесь,—говорит он,—основные доводы в пользу подписания Брест-Литовского мира». Итак, при Брест-Литовском мире, подписанном партией по настоянию и под железным давлением Ленина и против Троцкого, оказывается, «основные доводы» были даны нами, «правыми» «гильфердинговцами». Так излагается история Брест-Литовского мира. Но это попадает не только в нас, но и в Ленина. Можно ли после этого удивляться, что наши враги, у которых на гнилье очень тонкий нюх, по поводу некоторых книжек о Ленине пишут, что трудно сказать, написаны ли они сотрудником или соперником Ленина.

Ленинизм против Троцкизма

Теперь можно подвести итоги. Какой общий смысл этого выступления тов. Троцкого? Оно есть, конечно, продолжение всех его предыдущих выступлений. Партия дала решительный отпор его попыткам повернуть партию с линии большевизма

на линию троцкизма, и Троцкий прибегнул к своему последнему отравленному оружию.

Мы—партия монопольная в стране. Мы в своих рядах собираем все, что есть в стране организованного, но мы не должны ни на минуту забывать, что мы окружены стихией нам классово чуждой, что эта стихия не будет падать, она будет расти, будет становиться политически осмысленнее. Формы легальной организации у нее нет. На почве развития промышленности, фабрик, заводов и торговли будет расти и мелкобуржуазная интеллигенция. Все эти мелкобуржуазные элементы, не находя себе открытого выражения в какой-либо общественной организации, неизбежно стремятся прорваться, проявить свои стремления через самое нашу партию. И, конечно, при этом нажиме мелкобуржуазной стихии на нашу партию, она ищет в ней самого слабого звена, а самое слабое звено, конечно, там, где люди, вошедшие в партию, не ассимилировались с ней, затаили как тайну, не дающую им покоя, мысль, что они более правы, чем партия, что партия только по своему узколобию, по своему консерватизму, по традициям, потому что во главе ее стоит тот или другой кружок,—не хочет учиться у настоящих спасителей партии, вроде Троцкого.

Я говорю это с горечью, и вся партия скажет это с горечью, но это надо сказать: тов. Троцкий стал тем каналом, по которому мелкобуржуазная стихия проявляет себя внутри нашей партии. Весь характер его выступлений, все его историческое прошлое показывают, что это так. В своей борьбе с партией он стал уже в стране символом для всего, что направлено против нашей партии. Это нужно понять прежде всего тов. Троцкому. Если он поймет это и сделает из этого необходимые выводы, все поправимо. Хочет он этого или не хочет (наверное **этого** он **не** хочет), но он для всех, кто видит в коммунизме своего главного врага, является символом высвобождения из-под ферулы коммунистической партии. Это печальный, но совершенно неизбежный вывод для того, кто привык рассматривать политические явления не с точки зрения сплетен, а с точки зрения действительного анализа классовых соотношений. Перед нами товарищ с историей 20-летней, не очень давно явившийся в партию, который вошел в партию, не отказавшись от своих заблуждений, который пытался внутри партии на каждом повороте провести свою точку зрения, который

создал в партии такое отношение к себе, которое заставляло партию неоднократно призывать его к порядку, и неизбежно, что для мелкобуржуазной стихии, желающей найти для себя какое-нибудь знамя, эта политическая фигура, постоянно находящаяся в оппозиции к партии, систематически подрывающая авторитет большевизма, авторитет его руководящих центров, авторитет Ленина,—становится мало-по-малу символом и надеждой.

Вот та идейная опасность, перед которой ставит нас тов. Троцкий, и мимо которой мы пройти не можем. Я знаю, что в Москве, в городе специальном в смысле особой падкости до всяких слухов, уже передаются «вполне достоверные» сведения, во-первых, о том, что книжка тов. Троцкого запрещена, что тов. Троцкий уже исключен из партии, что Троцкого собираются исключить из партии, и что Троцкого даже уже нет в Москве. Это, конечно, все сплетни. Никому в голову не приходило запрещать книжку тов. Троцкого, ни один из членов ЦК не поднимал и не подымает вопроса о каких-либо партийных репрессиях против тов. Троцкого. Репрессии, исключение и т. п. не помогли бы раз'яснению, а, наоборот, затруднили бы раз'яснение и в то же время дали бы возможность смутьянам, которые хотели бы внести раскол в партию, помешать выяснению истинных основ большевизма в отличие от троцкизма; а это именно сейчас основное. Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии, на которые оно рассчитывает, именно—нашу молодежь, тот будущий состав, который должен взять в руки судьбы партии. И поэтому усиление всяческого рода раз'яснений о неправильности позиции тов. Троцкого, о том, что надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом, что нельзя сочетать того и другого,—это должно быть очередной задачей нашей партии. Должно быть ясно для каждого сознательного члена партии, что есть троцкизм и есть ленинизм, что для нас, большевиков, и для международного пролетариата, идущего к своей победе, достаточно ленинизма, и нам не нужно ленинизм ни подменять, ни подправлять троцкизмом. (Бурные аплодисменты.)

Троцкизм или ленинизм?

(Речь тов. Сталина на пленуме фракции ВЦСПС 11 ноября 1924 года)

Товарищи! После обстоятельного доклада тов. Каменева, мне остается сказать немного. Я ограничусь поэтому разоблачением некоторых легенд, распространяемых тов. Троцким и его единомышленниками, об октябрьском восстании, о роли т. Троцкого в восстании, о партии и подготовке Октября и т. д. Тут же я коснусь троцкизма, как своеобразной идеологии, несовместимой с ленинизмом, и задач партии в связи с последними литературными выступлениями т. Троцкого.

Факты об Октябрьском восстании

Прежде всего об Октябрьском восстании. Среди членов партии усиленно распространяют слухи о том, что ЦК в целом был будто бы против восстания в октябре 1917 г. Рассказывают обычно, что 10 октября, когда ЦК принял решение об организации восстания, ЦК в своем большинстве высказался сначала против восстания, но в это время ворвался будто бы на заседание ЦК один рабочий и сказал: «Вы решаете вопрос против восстания, а я вам говорю, что восстание все-таки будет, несмотря ни на что». И вот после этих угроз ЦК, будто бы струсивши, вновь поставил вопрос о восстании и принял решение об организации восстания. Это не простой слух, товарищи. Об этом пишет известный Джон Рид в своей книге «Десять дней», который стоял далеко от нашей партии и, конечно, не мог знать истории нашего конспиративного собрания от 10 октября, попадая, в виду этого, на удочку сплетен, идущих от господ Сухановых. Этот рассказ передается и повторяется потом в ряде брошюр, принадлежащих перу троцкистов, между прочим, в одной из последних брошюр об Октябре, писанной тов. Сыркиным. Эти слухи усиленно поддерживаются послед-

ними литературными выступлениями т. Троцкого. Едва ли нужно доказывать, что все эти и подобные им арабские сказки не соответствуют действительности, что ничего подобного на самом деле не было на заседании ЦК, да и не могло быть. Мы могли бы в виду этого пройти мимо этих нелепых слухов: мало ли вообще слухов фабрикуется в кабинетах оппозиционеров или стоящих вдали от партии людей. Мы, действительно, так и поступали до сего времени, не обращая внимания, например, на ошибки Джона Рида и не заботясь об исправлении этих ошибок. Но после последних выступлений т. Троцкого пройти мимо таких легенд уже нельзя, ибо на таких легендах стараются теперь воспитывать молодежь и, к несчастью, кой-каких результатов уже добились в этом отношении. Я должен в виду этого противопоставить этим нелепым слухам действительные факты.

Я беру протоколы заседаний ЦК нашей партии от 10 (23) октября 17 г. Присутствуют: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов. Обсуждается вопрос о текущем моменте и восстании. После прений голосуется резолюция тов. Ленина о восстании. Резолюция принимается большинством 10 против 2. Кажется, ясно: ЦК большинством 10 против 2 постановил перейти к непосредственной практической работе по организации восстания. ЦК выбирает на этом же заседании **политический** центр по руководству восстанием под названием политического бюро в составе: Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Троцкого, Сокольникова и Бубнова.

Таковы факты.

Эти протоколы сразу разрушают несколько легенд. Они разрушают легенду о том, что ЦК в своем большинстве стоял будто бы против восстания. Они разрушают также легенду о том, что ЦК в вопросе о восстании стоял будто бы перед расколом. Из протоколов ясно, что противники немедленного восстания—тт. Каменев и Зиновьев—вошли в орган политического руководства восстанием наравне со сторонниками восстания. Ни о каком расколе не было и не могло быть речи.

Тов. Троцкий уверяет, что в лице тт. Каменева и Зиновьева мы имели в октябре правое крыло нашей партии, почти что социал-демократов. Непонятно только: как могло случиться, что партия обошлась в таком случае без раскола; как могло

случиться, что разногласия с тт. Каменевым и Зиновьевым продолжались всего несколько дней; как могло случиться, что эти товарищи, несмотря на разногласия, ставились партией на важнейшие посты, выбирались в политический центр восстания и пр.? В партии достаточно известна беспощадность Ленина в отношении социал-демократов; партия знает, что Ленин ни на одну минуту не согласился бы иметь в партии, да еще на важнейших постах, социал-демократически настроенных товарищей. Чем об'яснить, что партия обошлась без раскола? Об'ясняется это тем, что, несмотря на разногласия, мы имели в лице этих товарищей старых большевиков, стоящих на общей почве большевизма. В чем состояла эта общая почва? В единстве взглядов на основные вопросы: о характере русской революции, о движущих силах революции, о роли крестьянства, об основах партийного руководства и т. д. Без такой общей почвы раскол был бы неминуем. Раскола не было, а разногласия длились всего несколько дней потому и только потому, что мы имели в лице тт. Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков.

Перейдем теперь к легенде об особой роли т. Троцкого в Октябрьском восстании. Троцкисты усиленно распространяют слухи о том, что вдохновителем и единственным руководителем Октябрьского восстания являлся тов. Троцкий. Эти слухи особенно усиленно распространяются так называемым редактором сочинений т. Троцкого, т. Ленцнером. Сам тов. Троцкий, систематически обходя партию, ЦК партии и ленинградский комитет партии, замалчивая руководящую роль этих организаций в деле восстания и усиленно выдвигая себя, как центральную фигуру Октябрьского восстания,—вольно или невольно, способствует распространению слухов об особой роли тов. Троцкого в восстании. Я далек от того, чтобы отрицать несомненно важную роль тов. Троцкого в восстании. Но должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании тов. Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем петроградского совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом тов. Троцкого. Обывателям, вроде Суханова, все это может показаться странным, но факты, действительные факты, целиком и полностью подтверждают это мое утверждение.

Возьмем протоколы следующего заседания ЦК от 16 октября 1917 г. Присутствуют члены ЦК, плюс представители ленинградского комитета, плюс представители военной организации, фабзавкомов, профсоюзов, железнодорожников. В числе присутствующих, кроме членов ЦК, имеются Крыленко, Шотман, Калинин, Володарский, Шляпников, Лацис и др. Всего 25 человек. Обсуждается вопрос о восстании с чисто практически-организационной стороны. Принимается резолюция Ленина о восстании большинством 20 против 2, при 3 воздержавшихся. Избирается **практический** центр по организационному руководству восстанием. Кто же попадает в этот центр? В этот центр выбираются пятеро: Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Урицкий. Задачи практического центра: руководить всеми практическими органами восстания согласно директив ЦК. Таким образом, на этом заседании ЦК произошло, как видите, нечто «ужасное», т.-е. в состав практического центра, призванного руководить восстанием, «странным образом» не попал «вдохновитель», «главная фигура», «единственный руководитель» восстания, тов. Троцкий. Как примирить это с ходячим мнением об особой роли тов. Троцкого? Не правда ли, несколько «странно» все это, как сказал бы Суханов, или как сказали бы троцкисты. Между тем, тут нет, собственно говоря, ничего странного, ибо никакой **особой** роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть тов. Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября. Он, как и все ответственные работники, являлся лишь исполнителем воли ЦК и его органов. Кто знаком с механикой партийного руководства большевиков, тот поймет без особого труда, что иначе и не могло быть: стоило тов. Троцкому нарушить волю ЦК, чтобы лишиться влияния на ход дел. Разговоры об особой роли тов. Троцкого есть легенда, распространяемая услужливыми «партийными» кумушками.

Это не значит, конечно, что Октябрьское восстание не имело своего вдохновителя. Нет, у него был свой вдохновитель и руководитель. Но это был Ленин, а не кто-либо другой, тот самый Ленин, чьи резолюции принимались Центральным Комитетом при решении вопроса о восстании, тот самый Ленин, которому подполье не помешало быть действительным вдохновителем восстания, вопреки утверждению т. Троцкого. Глупо и смешно пытаться теперь болтовней о подпольи за-

мазать тот несомненный факт, что вдохновителем восстания был вождь партии В. И. Ленин.

Таковы факты.

Допустим, говорят нам, но нельзя отрицать того, что тов. Троцкий хорошо дрался в период Октября. Да, это верно, тов. Троцкий действительно хорошо дрался в Октябре. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий, недурно дрались даже такие люди, как левые эсеры, стоявшие тогда бок-о-бок с большевиками. Вообще я должен сказать, что в период победоносного восстания, когда враг изолирован, а восстание нарастает, нетрудно драться хорошо. В такие моменты даже отсталые становятся героями. Но борьба пролетариата не представляет сплошного наступления, сплошной цепи успехов. Борьба пролетариата имеет также свои испытания, свои поражения. Настоящим революционером является не тот, кто проявляет мужество в период победоносного восстания, но тот, кто, умея драться хорошо при победоносном наступлении революции, умеет вместе с тем проявить мужество в период отступления революции, в период поражения пролетариата, кто не теряет голову и не дрейфит при неудачах революции, при успехах врага, кто не ударяется в панику и не впадает в отчаяние в период отступления революции. Недурно дрались левые эсеры в период Октября, поддерживая большевиков. Но кому неизвестно, что эти «храбрые» бойцы ударились в панику в период Бреста, когда наступление германского империализма бросило их в отчаяние и в истерику. Крайне печально, но факт несомненный, что у т. Троцкого, хорошо дравшегося в период Октября, не хватило мужества в период Бреста, в период временных неудач революции, для того, чтобы проявить достаточную стойкость в эту трудную минуту и не пойти по стопам левых эсеров. Бесспорно, что момент был трудный, нужно было проявить особое мужество и железное спокойствие для того, чтобы не растеряться, во-время отступить, во-время принять мир, вывести пролетарскую армию из-под удара германского империализма, сохранить крестьянские резервы и, получив таким образом передышку, ударить потом на врага с новыми силами. Но такого мужества и такой революционной стойкости, к сожалению, не оказалось у тов. Троцкого в эту трудную минуту. По мнению т. Троцкого, основной урок пролетарской революции

состоит в том, чтобы «не сдрейфить» во время Октября. Это неверно, ибо это утверждение т. Троцкого содержит лишь **частицу** правды об уроках революции. **Вся** правда об уроках пролетарской революции состоит в том, чтобы «не сдрейфить» не только в дни наступления революции, но и в дни ее отступления, когда враг берет верх, а революция терпит неудачи. Революция не исчерпывается Октябрем. Октябрь есть лишь начало пролетарской революции. Плохо, если дрейфят при подымающемся восстании. Еще хуже если дрейфят при тяжелых испытаниях революции, после взятия власти. Удержание власти на другой день революции не менее важно, чем взятие власти. Если тов. Троцкий сдрейфил в период Бреста, в период тяжелых испытаний нашей революции, когда дело чуть было не дошло до сдачи власти, то он должен понять, что октябрьские ошибки Каменева и Зиновьева тут совершенно не при чем.

Так обстоит дело с легендами об Октябрьском восстании.

Партия и подготовка Октября.

Перейдем теперь к вопросу о подготовке Октября.

Послушав тов. Троцкого, можно подумать, что партия большевиков весь подготовительный период от марта до октября только и делала, что топталась на месте, раз'едалась внутренними противоречиями и всячески мешала Ленину, и если бы не тов. Троцкий, то неизвестно, чем кончилось бы дело Октябрьской революции. Несколько забавно слышать эти странные речи о партии от т. Троцкого, об'явившего в том же «предисловии» к III тому, что «основным инструментом пролетарского переворота служит партия», что «без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может», при чем сам аллах не поймет, как могла победить наша революция, если «основной ее инструмент» оказался негодным, а «в обход партии» нет, оказывается, никакой возможности победить. Но странностями угощает нас тов. Троцкий не впервые. Надо думать, что забавные речи о нашей партии относятся к числу обычных странностей тов. Троцкого.

Рассмотрим вкратце историю подготовки Октября по периодам.

1) **Период новой ориентировки партии (март—апрель).** Основные факты этого периода: а) свержение царизма, б) образование Временного Правительства (диктатура буржуазии), в) появление советов рабочих и солдатских депутатов (диктатура пролетариата и крестьянства), г) двоевластие, д) апрельская демонстрация, е) первый кризис власти.

Характерной чертой этого периода является тот факт, что существуют рядом, вместе, в одно и то же время и диктатура буржуазии, и диктатура пролетариата и крестьянства, при чем последняя доверчиво относится к первой, верит в ее мирные стремления, добровольно отдает власть буржуазии и превращает себя, таким образом, в ее придаток. Серьезных конфликтов между двумя диктатурами нет еще. Но есть зато «контактная комиссия».

Это был величайший перелом в истории России и небывалый поворот в истории нашей партии. Старая, дореволюционная платформа прямого свержения правительства была ясна и определенна, но она уже не подходила к новым условиям борьбы. Теперь уже нельзя было итти прямо на свержение правительства, ибо оно было связано с советами, находящимися под влиянием оборонцев, и партии пришлось бы вести непосильную войну и против правительства, и против советов. Но нельзя было также вести политику поддержки Временного Правительства, ибо оно являлось правительством империализма. Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы. Партия (ее большинство) шла к этой новой ориентировке ощупью. Она приняла политику давления советов на Временное Правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти советов. Эта половинчатая политика была расчитана на то, чтобы дать советам разглядеть на конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного Правительства и тем оторвать их от последнего. Но эта была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись

к тезисам Ленина[1]). Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых апрельских тезисах. Я не распространяюсь об этих тезисах, так как они известны всем и каждому. Были ли тогда у партии разногласия с Лениным? Да, были. Как долго длились эти разногласия? Не более двух недель. Общегородская конференция ленинградской организации (вторая половина апреля), принявшая тезисы Ленина, была поворотным пунктом в развитии нашей партии. Всероссийская апрельская конференция (конец апреля) лишь довершила в общероссийском масштабе дело ленинградской конференции, сплотив вокруг единой партийной позиции девять десятых партии.

Теперь, спустя семь лет, тов. Троцкий злорадствует по поводу былых разногласий у большевиков, изображая эти разногласия, как борьбу чуть ли не двух партий внутри большевизма. Но, во-первых, тов. Троцкий тут безбожно преувеличивает и раздувает дело, ибо партия большевиков пережила эти разногласия без малейшего потрясения. Во-вторых, наша партия была бы кастой, а не революционной партией, если бы она не допускала в своей среде оттенков мысли, при чем известно, что разногласия бывали у нас и в прошлом, например, в период третьей Думы, что, однако, не мешало единству нашей партии. В-третьих, не лишне будет спросить, какова была **тогда** позиция самого т. Троцкого, охотно злорадствующего **теперь** по поводу былых разногласий у большевиков? Так называемый редактор сочинений тов. Троцкого тов. Ленцнер уверяет, что американские письма тов. Троцкого (март) «целиком предвосхитили» ленинские «Письма издалека» (март), легшие в основу апрельских тезисов Ленина. Так и сказано: «целиком предвосхитили». Тов. Троцкий не возражает против такой аналогии, принимая ее, видимо, с благодарностью. Но, во-первых, письма тов. Троцкого «совсем не похожи» на письма Ленина ни по духу, ни по выводам, ибо они отражают целиком и полностью антибольшевистский лозунг тов. Троцкого: «без царя, а правительство рабочее», лозунг, означающий революцию **без** крестьянства. Стоит только просмотреть эти две группы писем,

[1]) Известно, что тов. Зиновьев, которого тов. Троцкий готов превратить в «гильфердинговца», целиком и полностью разделял точку зрения т. Ленина.

чтобы убедиться в этом. Во-вторых, чем об'яснить в таком случае, что Ленин счел нужным отмежеваться от тов. Троцкого на другой же день после своего приезда из-за границы? Кому неизвестны неоднократные заявления Ленина о том, что лозунг Троцкого: «**без царя, а правительство рабочее**», является попыткой «перепрыгнуть через неизжившее себя крестьянское движение», что этот лозунг означает «игру в захват власти рабочим правительством»? [1]) Что может быть общего между большевистскими тезисами Ленина и антибольшевистской схемой т. Троцкого с ее «игрой в захват власти»? И откуда только берется у людей эта страсть сравнивать хибарочку с Монбланом? Для чего понадобилось т. Ленцнеру это рискованное присоединение к куче старых легенд о нашей революции еще одной легенды о «предвосхищении» в американских письмах т. Троцкого известных «Писем издалека» Ленина? [2]) Недаром говорится, что услужливый медведь опаснее врага.

---

[1]) См. сочинения Ленина, т. XIV, стр. 31—32. См. также доклады на ленинградской общегородской конференции и на общероссийской конференции РКП (середина и конец апреля 17-го года).

[2]) К числу таких легенд нужно отнести очень распространенную версию о том, что т. Троцкий является будто бы «единственным» или «главным организатором» побед на фронтах гражданской войны. Я должен заявить, товарищи, в интересах истины, что эта версия совершенно не соответствует действительности. Я далек от того, чтобы отрицать важную роль т. Троцкого в гражданской войне. Но должен заявить со всею решительностью, что высокая честь организатора наших побед принадлежит не отдельным лицам, а великому коллективу передовых рабочих нашей страны—Российской Коммунистической Партии. Может быть, не лишне будет привести несколько примеров. Вы знаете, что основными врагами Советской республики считались Колчак и Деникин. Вы знаете, что наша страна вздохнула свободно лишь после победы над этими врагами. И вот, история говорит, что обоих этих врагов, т.-е. и Колчака, и Деникина, добили наши войска **вопреки** планам тов. Троцкого. Судите сами.

1) **О Колчаке.** Дело происходит летом 1919 г. Наши войска наступают на Колчака и орудуют под Уфой. Заседание ЦК. Тов Троцкий предлагает задержать наступление по линии реки Белая (под Уфой), оставив Урал в руках Колчака, снять часть войск с востфронта и перебросить их на южный фронт. Происходят жаркие прения. ЦК не соглашается с т. Троцким, находя, что нельзя оставлять на руках Колчака Урал с его заводами, с его железнодорожной сетью, где он легко может оправиться, собрать кулак и вновь очутиться у Волги,— нужно сначала прогнать Колчака за Уральский хребет, в сибирские

2) **Период революционной мобилизации масс (май — август).** Основные факты этого периода: а) апрельская демонстрация в Ленинграде и образование коалиционного правительства с участием «социалистов», б) первомайская демонстрация в основных центрах России с лозунгом «демократического мира», в) июньская демонстрация в Ленинграде с основным лозунгом «долой министров-капиталистов», г) июньское наступление на фронте и неудачи русской армии, д) июльская вооруженная демонстрация в Ленинграде, уход министров-кадетов из правительства, е) привод с фронта контрреволюционных войск, разгром редакции «Правды», борьба контрреволюции с советами и образование нового коалиционного правительства во главе с Керенским, ж) VI с'езд партии, давший лозунг подготовки вооруженного восстания, з) контрреволюционное Государственное Совещание и общая забастовка в Москве, и) неудачное наступление Корнилова на Ленинград, оживление советов, отставка кадетов и образование «Директории».

Характерной чертой этого периода нужно считать обострение кризиса и нарушение того неустойчивого равновесия между Советами и Временным Правительством, которое,— плохо ли, хорошо ли,—существовало в предыдущий период. Двоевластие стало нестерпимым для обеих сторон. Хрупкое здание «контактной комиссии» доживает последние дни. «Кризис власти» и «министерская чехарда» являлись тогда самыми модными словечками момента. Кризис на фронте и разруха

степи, и только после этого заняться переброской сил на юг. ЦК отклоняет план т. Троцкого. Последний подает в отставку. ЦК не принимает отставки. Главком Вацетис, сторонник плана т. Троцкого, уходит в отставку. Его место занимает новый главком тов. Каменев. С этого момента тов. Троцкий отходит от прямого участия в делах востфронта.

2) **О Деникине.** Дело происходит осенью 1919 г. Наступление на Деникина не удается. «Стальное кольцо» вокруг Мамонтова (рейд Мамонтова) явно проваливается. Деникин берет Курск. Деникин подходит к Орлу. Тов Троцкий вызывается с южного фронта на заседание ЦК. ЦК признает положение тревожным и постановляет направить на южфронт новых военных работников, отозвав тов. Троцкого. Новые военработники требуют «невмешательства» тов. Троцкого в дела южфронта. Тов. Троцкий отходит от прямого участия в делах южфронта. Операции на южфронте, вплоть до взятия нами Ростова на Дону и Одессы, проходят без тов. Троцкого.

Пусть попытаются опровергнуть эти факты.

в тылу делают свое дело, усиливая крайние фланги и сжимая с двух сторон соглашателей-оборонцев. Революция мобилизуется, вызывая мобилизацию контрреволюции. Контрреволюция в свою очередь подстегивает революцию, вызывая новые волны революционного прилива. Вопрос о переходе власти к новому классу становится очередным вопросом дня.

Были ли тогда разногласия в нашей партии? Да, были. Но они имели исключительно деловой характер, вопреки уверениям тов. Троцкого, пытающегося открыть «правое» и «левое» крыло партии. Т.-е., это были такие разногласия, без которых не бывает вообще живой партийной жизни и действительной партийной работы.

Неправ тов. Троцкий, уверяя, что апрельская демонстрация в Ленинграде вызвала разногласия внутри ЦК. ЦК был абсолютно един в этом вопросе, осуждая попытку группы товарищей арестовать Временное Правительство в момент, когда в советах и в армии большевики составляли меньшинство. Если бы тов. Троцкий писал «историю» Октября не по Суханову, а по действительным документам, он без труда убедился бы в ошибочности своего утверждения.

Абсолютно неправ тов. Троцкий, утверждая, что попытка, «по инициативе Ленина», устроить демонстрацию 9 июня встретила обвинение в «авантюризме» со стороны «правых» членов ЦК. Если бы тов. Троцкий писал не по Суханову, он знал бы наверняка, что демонстрация 9 июня была отложена в полном согласии с Лениным, при чем отложение защищал Ленин в большой речи на известном заседании Ленинградского Комитета (см. протоколы Ленинградского Комитета).

Совершенно неправ тов. Троцкий, говоря о «трагических» разногласиях внутри ЦК в связи с июльской вооруженной демонстрацией. Тов. Троцкий просто сочиняет, полагая, что некоторые члены руководящей группы ЦК «должны были видеть в июльском эпизоде вредную авантюру». Тов. Троцкий, не входивший еще тогда в состав нашего ЦК и являвшийся лишь нашим советским парламентарием, мог, конечно, и не знать, что ЦК рассматривал июльскую демонстрацию лишь как средство прощупывания противника, что ЦК (и Ленин) не хотели и не думали превратить демонстрацию в восстание в момент, когда столичные советы стояли еще за оборонцев. Вполне возможно, что кое-кто из большевиков, действительно,

хныкали в связи с июльским поражением. Мне известно, например, что кое-кто из арестованных тогда большевиков готовы были даже покинуть наши ряды. Но умозаключать отсюда против некоторых, будто бы «правых», будто бы членов ЦК,— значит безбожно искажать историю.

Неправ тов. Троцкий, заявляя, что в корниловские дни обнаружилась в части верхов партии тенденция к блоку с оборонцами, к поддержке Временного Правительства. Речь идет, конечно, о тех самых, будто бы «правых», которые не дают спать тов. Троцкому. Тов. Троцкий неправ, так как есть на свете такие документы, как тогдашний Ц. О. партии, опрокидывающий заявления тов. Троцкого. Тов. Троцкий ссылается на письмо Ленина в ЦК с предостережением против поддержки Керенского. Но тов. Троцкий не понимает писем Ленина, их значения, их назначения. Ленин в своих письмах иногда нарочно забегает вперед, выдвигая на первый план те **возможные** ошибки, которые могут быть допущены, и, критикуя их авансом с целью предупредить партию и застраховать ее от ошибок, или же иногда раздувает «мелочь» и делает «из мухи слона» с той же педагогической целью. Вождь партии, особенно, если он находится в подпольи, иначе и не может поступать, ибо он должен видеть дальше своих соратников и обязан бить тревогу по поводу каждой возможной ошибки, даже по поводу мелочей, но делать из таких писем Ленина (а таких писем у него не мало) вывод о «трагических» разногласиях и трубить по этому поводу,—значит не понимать писем Ленина, не знать Ленина. Этим, должно быть, и об'ясняется, что тов. Троцкий попадает иногда пальцем в небо. Короче: никаких, ровно никаких, разногласий не было в ЦК в дни корниловского выступления.

После июльского поражения между ЦК и Лениным действительно возникло разногласие по вопросу о судьбе советов. Известно, что Ленин, желая сосредоточить внимание партии на подготовке восстания вне советов, предостерегал от увлечения советами, считая, что советы, опоганенные оборонцами, превратились уже в пустое место. ЦК и VI с'езд партии взяли более осторожную линию, решив, что нет оснований считать исключенным оживление советов. Корниловское выступление показало, что решение было правильно. Впрочем, это разногласие не имело актуального значения для партии. Впослед-

ствии Ленин признал, что линия VI с'езда была правильна. Интересно, что тов. Троцкий не уцепился за это разногласие и не раздул его до «чудовищных» размеров.

Единая и сплоченная партия, стоящая в центре революционной мобилизации масс,—такова картина положения нашей партии в этот период.

3) **Период организации штурма (сентябрь—октябрь).** Основные факты этого периода: а) созыв Демократического Совещания и провал идеи блока с кадетами, б) переход московского и ленинградского советов на сторону большевиков, в) с'езд советов Северной области и решение ленинградского совета против вывода войск, г) решение ЦК партии о восстаниях и образование Военно-Революционного Комитета ленинградского совета, д) решение ленинградского гарнизона о вооруженной поддержке ленинградского совета и организация системы комиссаров Военно-Революционного Комитета, е) выступление большевистских вооруженных сил и арест членов Временного Правительства, ж) взятие власти Военно-Революционным Комитетом ленинградского совета и создание Совета Народных Комиссаров 2-м С'ездом Советов.

Характерной чертой этого периода нужно считать быстрое нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся элементов на сторону большевиков. Следует отметить одну оригинальную особенность тактики революции в этот период. Состоит она, эта особенность в том, что каждый, или почти каждый, шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Несомненно, что отказ от вывода войск был серьезным шагом наступления революции, тем не менее это наступление было проделано под лозунгом обороны Ленинграда от возможного наступления внешнего врага. Несомненно, что образование Военно-Революционного Комитета было еще более серьезным шагом наступления на Временное Правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа. Несомненно, что открытый переход гарнизона на сторону Военно-Революционного Комитета и организация сети советских комиссаров знаменовали собой начало восстания, тем не менее, эти шаги были проделаны революцией под лозунгом защиты ленинградского совета от

возможных выступлений контрреволюции. Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы. Этим, должно-быть, и об'ясняется внешне-оборонительный характер речей, статей и лозунгов этого периода, имеющих тем не менее глубоко-наступательный характер по своему внутреннему содержанию.

Были ли разногласия в этот период внутри ЦК? Да, были, и немаловажные. О разногласиях по вопросу о восстании я уже говорил. Они полностью отразились в протоколах ЦК от 10-го и 16-го октября. Я не стану поэтому повторять уже сказанное раньше. Необходимо теперь остановиться на трех вопросах: об участии в Предпарламенте, о роли советов в восстании и о сроке восстания. Это тем более необходимо, что тов. Троцкий, в своем рвении выдвинуть себя на видное место, «нечаянно» извратил позицию Ленина по двум последним вопросам.

Несомненно, что разногласия по вопросу о Предпарламенте имели серьезный характер. В чем состояла, так сказать, цель Предпарламента? В том, чтобы помочь буржуазии отодвинуть советы на задний план и заложить основы буржуазного парламентаризма. Мог ли Предпарламент выполнить такую задачу при сложившейся революционной обстановке,— это другой вопрос. События показали, что эта цель была неосуществима, а сам Предпарламент представлял выкидыш корниловщины. Но, несомненно, что именно такую цель преследовали меньшевики и эсеры, создавая Предпарламент. Что могло означать при этих условиях участие большевиков в Предпарламенте? Не что иное, как введение в заблуждение пролетарских масс насчет подлинного лица Предпарламента. Этим, главным образом, и об'ясняется та страстность, с которой бичует Ленин в своих письмах сторонников участия в Предпарламенте. Участие в Предпарламенте было, несомненно, серьезной ошибкой. Но было бы ошибочно думать, как это делает тов. Троцкий, что сторонники участия пошли в Предпарламент с целью органической работы, с целью «введения рабочего движения» «в русло социал-демократии». Это совершенно неверно. Это неправда. Если бы это было верно, партии не удалось бы «в два счета» ликвидировать эту ошибку путем демонстративного ухода из Предпарламента. Жизненность и революционная мощь нашей партии в том, между прочим,

и выразилась, что она мигом исправила эту ошибку. А затем, позвольте мне исправить маленькую неточность, вкравшуюся в сообщение «редактора» сочинений т. Троцкого тов. Ленцнера, о заседании большевистской фракции, решившем вопрос о Предпарламенте. Тов. Ленцнер сообщает, что докладчиков на этом заседании было двое—Каменев и Троцкий. Это неверно. На самом деле докладчиков было четверо: двое за бойкот Предпарламента (Троцкий и Сталин) и двое за участие (Каменев и Ногин).

Еще хуже обстоит дело с тов. Троцким, когда он касается позиции Ленина по вопросу о форме восстания. У тов. Троцкого выходит, что, по Ленину, в октябре партия должна была взять власть «независимо от совета и за спиной его». (См. «О Ленине», стр. 71). Критикуя потом эту чепуху, приписываемую Ленину, т. Троцкий «скачет и играет», разрешаясь в результате снисходительной фразой: «Это было бы ошибкой». Тов. Троцкий говорит тут неправду о Ленине, он искажает взгляд Ленина на роль советов в восстании. Можно было бы привести целую груду документов, говорящих о том, что Ленин предлагал взятие власти **через** советы, ленинградский или московский, а не **за спиной** советов. Для чего понадобилась тов. Троцкому эта более чем странная легенда о Ленине?

Не лучше обстоит дело с тов. Троцким, когда он «разбирает» позицию ЦК и Ленина по вопросу о сроке восстания. Сообщая о знаменитом заседании ЦК от 10 октября, тов. Троцкий утверждает, что на этом заседании «была вынесена резолюция в том смысле, что восстание должно произойти не позже 15 октября». (См. «О Ленине», стр. 72). Выходит, что ЦК назначил срок восстания на 15 октября и потом сам же нарушил это постановление, оттянув срок восстания на 25 октября. Верно ли это? Нет, неверно. ЦК вынес за этот период всего две резолюции о восстании—от 10 октября и от 16 октября. Зачтемте эти резолюции.

Резолюция ЦК от 10 октября:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России),—так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керен-

ского с К° сдать Питер немцам),—так и приобретение большинства пролетарской партией в советах, все это, в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и проч.),—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (с'езда советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)».

Резолюция совещания ЦК с ответственными работниками от 16 октября:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого центральным комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Вы видите, что тов. Троцкому изменила память насчет срока восстания и резолюции ЦК о восстании.

Совершенно неправ тов. Троцкий, утверждая, что Ленин недооценивал советскую легальность, что Ленин не понимал серьезного значения взятия власти Всероссийским С'ездом Советов 25 октября, что будто бы именно поэтому Ленин настаивал на взятии власти до 25 октября. Это неверно. Ленин предлагал взятие власти до 25 октября по двум причинам. Во-первых, потому, что контрреволюционеры могли в любой момент сдать Ленинград, что обескровило бы подымающееся восстание и в виду чего дорог был каждый день. Во-вторых, потому, что ошибка Ленинградского Совета, **открыто** назначившего и распубликовавшего день восстания (25 октября), не могла быть исправлена иначе, как фактическим восстанием **до** этого легального срока восстания. Дело в том, что Ленин смотрел на восстание, как на искусство, и он не мог не знать, что враг, осведомленный (благодаря неосторожности ленинградского совета) насчет дня восстания, обязательно поста-

рается подготовиться к этому дню, в виду чего необходимо было предупредить врага, т.-е. начать восстание обязательно **до** легального срока. Этим, главным образом, и об'ясняется та страстность, с которой бичевал Ленин в своих письмах фетишистов даты—25 октября. События показали, что Ленин был совершенно прав. Известно, что восстание было начато до Всероссийского С'езда Советов. Известно, что власть была взята фактически до открытия Всероссийского С'езда Советов, и была она взята не С'ездом Советов, а ленинградским советом, Военно-Революционным комитетом. С'езд Советов лишь **принял** власть из рук ленинградского совета. Вот почему длинные рассуждения тов. Троцкого о значении советской легальности являются совершенно излишними.

Живая и мощная партия, стоящая во главе революционных масс, штурмующих и свергающих буржуазную власть,—таково состояние нашей партии в этот период.

Так обстоит дело с легендами о подготовке Октября.

Троцкизм или ленинизм

Мы говорили выше о легендах против партии и о Ленине, распространяемых тов. Троцким и его единомышленниками в связи с Октябрем и его подготовкой. Мы разоблачали и опровергали эти легенды. Но вот вопрос: для чего понадобились тов. Троцкому все эти легенды об Октябре и подготовке Октября, о Ленине и партии Ленина? Для чего понадобились новые литературные выступления тов. Троцкого против партии? В чем смысл, задача, цель этих выступлений теперь, когда партия не хочет дискуссировать, когда партия завалена кучей неотложных задач, когда партия нуждается в сплоченной работе по восстановлению хозяйства, а не в новой борьбе по старым вопросам. Для чего понадобилось тов. Троцкому тащить партию назад, к новым дискуссиям?

Тов. Троцкий уверяет, что все это необходимо для «изучения» Октября. Но неужели нельзя изучать Октябрь без того, чтобы не лягнуть лишний раз партию и ее вождя Ленина? Что это за «история» Октября, которая начинается и кончается развенчиванием главного деятеля Октябрьского восстания, развенчиванием партии, организовавшей и проведшей это восстание? Нет, дело тут не в изучении Октября. **Так** Октябрь не

изучают. Так историю Октября не пишут. Очевидно, «умысел» другой тут есть. А «умысел» этот состоит, по всем данным, в том, что тов. Троцкий в своих литературных выступлениях делает еще одну (еще одну!) попытку подготовить условия для подмена ленинизма троцкизмом. Тов. Троцкому «дозарезу» нужно развенчать партию, ее кадры, проведшие восстание, для того, чтобы от развенчания партии перейти к развенчанию ленинизма. Развенчание же ленинизма необходимо для того, чтобы протащить троцкизм, как «единственную», «пролетарскую» (не шутите!) идеологию. Все это, конечно (о, конечно!), под флагом ленинизма, чтобы процедура протаскивания прошла «максимально безболезненно».

В этом суть последних литературных выступлений тов. Троцкого.

Поэтому эти литературные выступления тов. Троцкого ставят ребром вопрос о троцкизме.

Итак, что такое троцкизм?

Троцкизм представляет три особенности, ставящие его в непримиримое противоречие с ленинизмом. Что это за особенности?

Во-первых. Троцкизм есть теория перманентной (непрерывной) революции. А что такое перманентная революция в ее троцкистском понимании? Это есть революция без учета маломощного крестьянства, как революционной силы. Перманентная революция тов. Троцкого есть, как говорит Ленин, «перепрыгивание» через крестьянское движение, «игра в захват власти». В чем ее опасность? В том, что такая революция, если бы ее попытались осуществить, кончилась бы неминуемым крахом, ибо она оторвала бы от русского пролетариата его союзника, т.-е. маломощное крестьянство. Этим и об'ясняется та борьба, которую ведет ленинизм с троцкизмом еще с 1905 года. Как расценивает тов. Троцкий ленинизм с точки зрения этой борьбы? Он рассматривает его, как теорию, содержащую в себе «антиреволюционные черты» (см. «1905», стр. 285). На чем основан такой сердитый отзыв о ленинизме? На том, что ленинизм отстаивал и отстоял в свое время идею диктатуры пролетариата и **крестьянства** (см. там же). Но тов. Троцкий не ограничивается этим сердитым отзывом. Он идет дальше, утверждая, что:

«Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения» (см. письмо тов. Троцкого к Чхеидзе от 25 февраля 1913 года).

Как видите, перед нами две противоположные линии.

Во-вторых. Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности, к ее враждебности к оппортунистическим элементам. Троцкизм в организационной области есть теория сожительства революционеров и оппортунистов, их группировок и группировочек в недрах единой партии. Вам, должно быть, известна история с «Августовским блоком» тов. Троцкого, где благополучно сотрудничали между собой мартовцы и отзовисты, ликвидаторы и троцкисты, изображая из себя «настоящую» партию. Известно, что эта лоскутная «партия» преследовала цели разрушения большевистской партии. В чем состояли тогда «наши разногласия»? В том, что ленинизм видел залог развития пролетарской партии в разрушении «Августовского блока», тогда как троцкизм усматривал в этом блоке базу для создания «настоящей» партии.

Опять, как видите, две противоположные линии.

В-третьих. Троцкизм есть недоверие к лидерам большевизма, попытка к их дискредитированию, к их развенчиванию. Я не знаю ни одного течения в партии, которое могло бы сравниться с троцкизмом в деле дискредитирования лидеров ленинизма или центральных учреждений партии. Чего стоит, например, «любезный» отзыв тов. Троцкого о Ленине, характеризуемом им, как «профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении» (см. уже цитированное письмо к Чхеидзе). А ведь это далеко не самый «любезный» отзыв из всех существующих «любезных» отзывов тов. Троцкого.

Как могло случиться, что тов. Троцкий, имеющий за спиной такой неприятный груз, оказался все-таки в рядах большевиков во время октябрьского движения? А случилось это потому, что тов. Троцкий отказался тогда (фактически отказался) от своего груза, спрятал его в шкаф. Без этой «операции» серьезное сотрудничество с тов. Троцким было бы невозможно. Теория «Августовского блока», т.-е. теория единства с меньшевиками, была уже разбита и выброшена вон революцией, ибо о каком единстве могла быть речь при вооруженной борьбе

между большевиками и меньшевиками? Тов. Троцкому оставалось лишь признать факт негодности этой теории. С теорией перманентной революции «случилась» та же неприятная история, ибо никто из большевиков не помышлял о немедленном захвате власти на другой день после Февральской революции, при чем тов. Троцкий не мог не знать, что большевики не позволят ему, говоря словами Ленина, «играть в захват власти». Тов. Троцкому оставалось лишь признать политику большевиков о борьбе за влияние в советах, о борьбе за завоевание крестьянства. Что касается третьей особенности троцкизма (недоверие к большевистским лидерам), то она естественно должна была отойти на задний план в виду явного провала двух первых особенностей.

Мог ли т. Троцкий при таком положении дел не спрятать своего груза в шкаф и не пойти за большевиками, он, не имевший за собой сколько-нибудь серьезной группы и пришедший к большевикам, как лишенный армии, политический одиночка? Конечно, не мог.

Какой же из этого урок? Урок один: длительное сотрудничество ленинцев с тов. Троцким возможно лишь при полном отказе последнего от старого груза, при полном его присоединении к ленинизму. Тов. Троцкий пишет об уроках Октября, но он забывает, что, кроме всех прочих уроков, есть еще один урок Октября, только что рассказанный мной и имеющий для троцкизма первостепенное значение. Не мешало бы троцкизму учесть и этот урок Октября.

Но этот урок, как видно, не пошел впрок троцкизму. Дело в том, что старый груз троцкизма, спрятанный в шкаф в дни октябрьского движения, теперь вновь вытаскивают на свет в надежде на сбыт, благо, рынок у нас расширяется. Несомненно, что в новых литературных выступлениях тов. Троцкого мы имеем попытку вернуться к троцкизму, «преодолеть» ленинизм, протащить, насадить все особенности троцкизма. Новый троцкизм не есть простое повторение старого троцкизма, он довольно-таки общипан и потрепан, он несравненно мягче по духу и умереннее по форме, чем старый троцкизм, но он, несомненно, сохраняет, по сути дела, все особенности старого троцкизма. Новый троцкизм не решается выступать против ленинизма, как воинствующая сила, он предпочитает орудовать под общим флагом ленинизма, подвизаясь под ло-

зунгом истолкования, улучшения ленинизма. Это потому, что он слаб. Нельзя считать случайностью тот факт, что выступление нового троцкизма совпало с моментом ухода Ленина. При Ленине он не решился бы на этот рискованный шаг.

В чем состоят характерные черты нового троцкизма?

1) **По вопросу о перманентной революции.** Новый троцкизм не считает нужным открыто отстаивать теорию перманентной революции. Он «просто» устанавливает, что Октябрьская революция целиком подтвердила идею перманентной революции. Из этого он делает следующий вывод: важно и приемлемо в ленинизме то, что имело место после войны, в период Октябрьской революции и, наоборот, неправильно и неприемлемо в ленинизме то, что имело место до войны, до Октябрьской революции. Отсюда теория троцкистов о рассечении ленинизма на две части: на ленинизм довоенный, ленинизм «старый», «негодный», с его идеей диктатуры пролетариата и крестьянства, и ленинизм новый, послевоенный, октябрьский, который рассчитывают они приспособить к требованиям троцкизма. Эта теория рассечения ленинизма нужна троцкизму, как первый, более или менее «приемлемый» шаг, необходимый для того, чтобы облегчить ему следующие шаги по борьбе с ленинизмом. Но ленинизм не есть эклектическая теория, склеенная из разнообразных элементов и допускающая возможность своего рассечения. Ленинизм есть цельная теория, возникшая в 1903 г., прошедшая испытания трех революций и шествующая теперь вперед, как боевое знамя всемирного пролетариата. «Большевизм, — говорит Ленин, — существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года. Только история большевизма **за весь период** его существования может удовлетворительно об'яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата». (См. «Детскую болезнь»). Большевизм и ленинизм — едино суть. Это два наименования одного и того же предмета. Поэтому теория рассечения ленинизма на две части есть теория разрушения ленинизма, теория подмены ленинизма троцкизмом.

Нечего и говорить, что партия не может примириться с этой странной теорией.

2) **По вопросу о партийности.** Старый троцкизм подрывал большевистскую партийность при помощи теории (и практики) единства с меньшевиками. Но эта теория до того оскандалилась, что о ней теперь не хотят даже и вспоминать. Для подрыва партийности современный троцкизм придумал новую, менее скандальную и почти «демократическую» теорию противопоставления старых кадров партийному молодняку. Для троцкизма не существует единой и цельной истории нашей партии. Троцкизм делит историю нашей партии на две неравноценные части, на до-октябрьскую и по-октябрьскую. Дооктябрьская часть истории нашей партии есть, собственно, не история, а «предистория», неважный, или, во всяком случае, не очень важный подготовительный период нашей партии. По-октябрьская же часть истории нашей партии есть настоящая, подлинная история. Там—«старые», «предисторические», неважные кадры нашей партии. Здесь—новая, настоящая, «историческая» партия. Едва ли нужно доказывать, что эта оригинальная схема истории партии есть схема подрыва единства между старыми и новыми кадрами нашей партии, схема разрушения большевистской партийности.

Нечего и говорить, что партия не может примириться с этой странной схемой.

3) **По вопросу о лидерах большевизма.** Старый троцкизм старался развенчать Ленина более или менее открыто, не боясь последствий. Новый троцкизм поступает более осторожно. Он старается сделать дело старого троцкизма под видом восхваления Ленина, под видом его возвеличения. Я думаю, что стоит привести несколько примеров.

Партия знает Ленина, как беспощадного революционера. Но она знает также, что Ленин был осторожен, не любил зарывающихся и нередко пресекал твердой рукой увлекающихся террором, в том числе и самого тов. Троцкого. Тов. Троцкий касается этой темы в своей книге «О Ленине». Но из его характеристики выходит, что Ленин только и делал, что «вколачивал при каждом подходящем случае мысль о неизбежности террора» (см. стр. 104). Получается впечатление, что Ленин был самым кровожадным из всех кровожадных большевиков. Для чего понадобилось тов. Троцкому это ненужное и ничем не оправдываемое сгущение красок?

Партия знает Ленина, как примерного партийца, не любящего решать вопросы единолично, без руководящей коллегии, наскоком, без тщательного прощупывания и проверки. Тов. Троцкий касается в своей книге и этой стороны дела. Но у него получается не Ленин, а какой-то китайский мандарин, решающий важнейшие вопросы в тиши кабинета, по наитию.

Вы хотите знать, как был решен нашей партией вопрос о разгоне Учредительного Собрания? Послушайте тов. Троцкого:

«Надо, конечно, разогнать Учредительное Собрание,— говорил Ленин,—но вот, как насчет левых эсеров?

Нас, однако, очень утешил старик Натансон. Он зашел к нам «посоветоваться» и с первых же слов сказал:

— А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное Собрание силой.

— Браво!—воскликнул Ленин,—что верно, то верно. А пойдут ли на это ваши?

— У нас некоторые колеблются, но я думаю, что, в конце концов, согласятся,—ответил Натансон». (См. стр. 92).

Так пишется история.

Вы хотите знать, как был решен партией вопрос о Высшем Военном Совете? Послушайте тов. Троцкого:

«Без серьезных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться,—говорил я Владимиру Ильичу каждый раз после посещений штаба.

— Это, повидимому, верно. Да как бы не предали...

— Приставим к каждому комиссара.

— А то еще лучше двух,—воскликнул Ленин,—да рукастых. Не может же быть, чтобы у нас не было рукастых коммунистов.

Так возникла конструкция Высшего Военного Совета». (См. стр. 106).

Так пишет т. Троцкий историю.

Для чего понадобились тов. Троцкому эти компрометирующие Ленина арабские сказки? Неужели для возвеличения вождя партии В. И. Ленина? Непохоже что-то.

Партия знает Ленина, как величайшего марксиста нашего времени, глубокого теоретика и опытнейшего революционера, чуждого тени бланкизма. Тов. Троцкий касается в своей книге

и этой стороны дела. Но из его характеристики получается не великан-Ленин, а какой-то карлик-бланкист, советующий партии в октябрьские дни «взять власть собственной рукой, независимо от Совета и за его спиной». Я уже говорил, что эта характеристика не соответствует действительности ни на иоту.

Для чего понадобилась тов. Троцкому эта вопиющая... неточность? Не есть ли тут попытка «маленечко» развенчать Ленина?

Таковы характерные черты нового троцкизма.

В чем состоит опасность нового троцкизма? В том, что троцкизм по всему своему внутреннему содержанию имеет все шансы стать центром и сборным пунктом непролетарских элементов, стремящихся к ослаблению, к разложению диктатуры пролетариата.

Что же дальше, спросите вы. Каковы очередные задачи партии в связи с новыми литературными выступлениями т. Троцкого?

Троцкизм выступает теперь для того, чтобы развенчать большевизм и подорвать его основы. Задача партии состоит в том, чтобы **похоронить троцкизм, как идейное течение.**

Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развернутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма.

Мы не хотели и не добивались этой литературной дискуссии. Троцкизм навязывает ее нам своими антиленинскими выступлениями. Что-ж, мы готовы, товарищи.

Г. САФАРОВ

Троцкизм или ленинизм?

1. О мелкобуржуазной маскировке

Наша страна находится в **переходном** состоянии. Старые господствовавшие классы, помещики и буржуазия, бесповоротно выброшены за борт жизни. Существуют только два класса, неразрывно связанные друг с другом общностью интересов, — это рабочий класс и крестьянство. Однако, **между ними** вклинивается еще **отросток новой буржуазии, вокруг них**—враждебное капиталистическое окружение иностранных государств.

В нашей республике—пролетарская диктатура. Но в то же время фундамент социалистической экономики нами еще только закладывается.

В наших руках все командные высоты хозяйства, а наряду с этим главной опорой всей нашей хозяйственной постройки является раздробленный крестьянский рынок.

Из этого своеобразного сочетания, соединения и переплетения старого и нового вытекает очень многое и, прежде всего, то, что **общественно-классовые противоречия** у нас не могут выявляться в обычной форме, не могут развиваться **обычным путем**. При господствующем положении рабочего класса в экономике и в политике, при подавляющей силе рабочей и крестьянской **массы** в стране, методом скопления враждебных нам сил может быть только **маскировка**, методом их борьбы против нас—только **подкоп.**

Легко заметить, что чем больше мы укрепляемся и растем, тем меньше у нас разговоров о непосредственной политической опасности со стороны, от иностранной интервенции или меньшевистско-эсэровских ничтожеств, тем больше наше вни-

мание приковывается борьбой с «примазавшимися», всякого рода «чистками» и «уклонами».

Так же, как в животном царстве мы наблюдаем мимикрию, окраску, применительно к среде, в нашей советской общественности мы сталкиваемся со стремлениями всех и вся переодеться в советские, коммунистические и пролетарские цвета.—Даже в балете «умирающие силы прошлого танцуют крестообразно» (?!), как довелось нам узнать из программы одного торжественного заседания.

«Уши выше лба не растут» и, потеряв всякую надежду **перерасти** пролетарскую диктатуру, **мелкобуржуазная** среда,—самая податливая к подражанию,—стремится **привить** свои привычки, вкусы и желания победившему пролетариату.

Чем **незаметнее** ей удается это делать, тем это безнаказаннее проходит. Вот почему нужно помнить, что «казенное благополучие» и заверения в том, что у нас никаких трудностей нет, зачастую служат выражением мелкобуржуазной, обывательско-спецовской лести. С другой же стороны, таким же проявлением мелкобуржуазной панике служат вопли и крики о неисчислимых кризисах, подстерегающих нас на каждом шагу. Чем больше неподдельной «искренности» в этих криках, чем больше в них «боли и досады за Советскую власть», тем... подозрительнее они.

Таким образом, приходится признать, что, в силу самих об'ективных условий, классовые противоречия, прикрывающие сознательную, полусознательную или бессознательную тягу к «здоровому кипитализму», у нас **проявляются** в виде всякого рода «нехваток», «промахов» и **уклонов**. Они **обязательно** проходят через ряд **передаточных** звеньев и потому на свет являются в ослабленном, причесанном и напомаженном виде.

Эта социальная маскировка отнюдь не покоится на корыстном расчете. Для мелкобуржуазной массы, именно по причине ее межеумочной общественной позиции, это приспособление к Советской власти, к РКП и к рабочим кажется «естественным движением души».

Если бы большевизм не имел у себя за плечами 25 лет борьбы с эсэровским и меньшевистским подкрашиванием под социализм, под революцию, под пролетариат, он должен был бы погибнуть... от одних поцелуев.

XIII с'езд вполне правильно оценил оппозицию в РКП, как «мелкобуржуазный уклон».

Есть члены партии, которые при напоминании об этом морщатся, как будто бы дело идет о соблюдении семейного этикета, не позволяющего вспоминать об «увлечениях молодости» кого-нибудь из членов семьи. В этом много обывательского «благородства», но нет ни на грош пролетарского понимания.

XIII с'езд партии сказал, что под влиянием социальной маскировки, окружающей пролетарскую диктатуру мелкобуржуазной среды, в партии обнаружился **уклон, представляющий собой тактическую маскировку мелкобуржуазных колебаний.**

Под шумихой разговоров о «демократии» и «аппаратчиках», о «хозяйственном плане» и «ошибках ЦК» скрывалось явное колебание неустойчивых элементов партии от коммунизма к мелкобуржуазности.

Думать по этому поводу, что «сошел снежок и нет его», это значит—забывать грамоту марксизма.

Самая возможность таких уклонов указывает, что какие-то подземные ходы идут из мещанского подполья в пролетарский авангард.

Почему во время дискуссии вся партия с такою страстностью ставила вопрос о фракционности? Потому что именно здесь завязывался узел вопроса о мелкобуржуазном (а значит, и буржуазном) влиянии на пролетариат.

Кто говорит: «свобода фракций», тот оголяет фронт партии перед мелкобуржуазностью.

Вся партия сошлась на том, что для изживания подобных опасностей необходимо **последовательное и углубленное усвоение всей массой членов партии основ ленинизма.**

Как во время дискуссии [1]), так и **после** нее [2]) выплыли на поверхность **первые попытки ревизии ленинизма**,—само собою разумеется под покровом самого крайнего «доброжелательства», под щитом самой неподдельной «убежденности».

Партия почти без оглядки прошла мимо них, приписав этот идеологический уклон боевой горячке дискуссии.

---

[1]) См. Л. Троцкий. «Новый курс».

[2]) «Радек о роли Ильича».

Выступление общепризнанного вождя прошлогодней оппозиции, тов. Троцкого, с **дальнейшим** обоснованием принципиального отхода от ленинской позиции, заставляет всю партию чутко насторожиться, чтобы избежать нового припадка дискуссионной лихорадки.

2. Логика фракционных ошибок

Партия дискуссии не хочет. **Десятки тысяч пролетариев**, проходящие в этом году нашу ленинскую учобу, показывают, что партия отдает все свои силы, чтобы лучше овладеть драгоценным оружием ленинизма. На всей работе нашей мы видим плоды ленинской учобы.

Как раз по этой причине мы не можем безучастно пройти мимо попытки идеологической подделки ленинизма. Только безнадежный мещанин способен жертвовать принципами ради персон. Большевик, пролетарский революционер, здесь не может быть примиренцем.

Мы не можем пускать в массу ленинизм в ста различных изданиях. Мы не можем согласиться со **свободой** «истолкования» ленинизма так же, как не могли согласится в свое время со **свободой** «истолкования» марксизма Эдуардом Бернштейном.

Вся партия помнит, что в дискуссии 1921 года о профсоюзах, когда тов. Троцкий разошелся с большинством партии, у нас не было и речи о меньшевистском прошлом товарища Троцкого.

Вся партия знает, что в дискуссии 1923 года указание на повторение Троцким его старой ошибки в организационном вопросе было сделано только тогда, когда в партии начали открытую проповедь такого организационного оппортунизма, перед которым уклон меньшевиков 1903 года может показаться детской игрушкой.

Что же у нас есть налицо теперь?

У нас есть не один случайный «вывих» вправо, а есть целый ряд согласованных между собою ответов на все основные вопросы пролетарской революции. Есть **свой** отличный от партии ответ на вопрос об организационном строении партии, есть ревизия Ленина в организационном вопросе, воскрешающая новоискровство 1904 года и ликвидаторство «Нашей Зари».

Есть **свой**, отличный от партии ответ на **коренной** вопрос российской революции—о роли рабочего класса и крестьянства в революции.

—Тов. Ленин **сотни раз** доказывал, что «теория непрерывной социалистической революции» есть улучшенное издание меньшевизма. Теперь ее преподносят, как перл большевистской истины.

Есть **свой**, отличный от партии, ответ о борьбе течений в российском рабочем движении, ответ, вполне «отвечающий» меньшевистским колебаниям тов. Троцкого до 1917 года.

Есть **свой**, отличный от партии ответ о роли партии в Октябрьскую революцию— и в период Бреста.

Есть **свой**, отличный от партии, ответ на вопрос о взаимоотношении партии и советского аппарата.

Есть **свой**, отличный от партии, ответ о способах социалистического руководства хозяйством.

Есть **свой**, отличный от партии, ответ на задачи нашей международной борьбы.

Есть ли это ревизия, пересмотр, извращение идейной линии РКП?

Если нет, то что же тогда называется большевизмом и какое право у такого «большевизма» претендовать на четвертьвековую историю нашей борьбы со всеми видами идейной маскировки?

Во время войны Владимир Ильич сущность ревизионизма определял так: «Струвизм [1]) есть не только русское, а, как показывают особенно последния события, международное стремление теоретиков буржуазии **убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством об'ятий, путем якобы признания «всех» «истинно-научных» сторон и элементов марксизма, кроме «агитаторской», «демагогической», «бланкистски-утопической» стороны его** [2])».

Смешно и дико думать о «теоретиках буржуазии» в рядах нашей партии, несмотря на чудовищные уклоны отдельных товарищей.

Однако, **ревизующие ленинизм дают известные авансы нашим врагам**, мелкой буржуазии, в первую очередь, незави-

---

[1]) Струвэ взял из марксизма только доказательство неизбежности развития капитализма, отбросив пролетарскую борьбу за социализм.

[2]) Ленин. «Крах 2-го Интернационала».

симо от своих намерений. Из чуждой мещанской среды психологически **передается** в партию извращение ее основных взглядов.

Очень плохо, если **бессознательно** эта «сапа» снизу получает поддержку **сверху**. Есть **логика положения**, беспощадная даже к весьма талантливым личностям.

Ленинизм есть принципиальное обобщение революционного опыта.

Он насквозь практичен. Он представляет собой чудесный трансформатор массовой революционной энергии, превращающий неорганизованные усилия рабочих и крестьян в сознательную стройку пролетарской диктатуры и коммунизма.

Спор о ленинизме есть спор об **основах** нашего партийного бытия.

Не случайно и на этот раз, с предостережением, одной из первых выступила наша **молодежь**.

Так же, как мы в **другой** обстановке классовой борьбы воспитывались на борьбе с меньшевиками и эсэрами, наша молодежь в новых условиях приобретает большевистскую закалку **в борьбе с мелкобуржуазными уклонами**.

Удивлятся тут печему: ведь раньше капитализм в нашей стране был господствующей силой. Он был представлен самыми разнообразными партиями. А теперь он... **только «уклон» в нашей экономике.** Политически же ему приходится довольствоваться лишь тем, что он облизывается, наблюдая мелкобуржуазные уклоны в пролетарской партии.

Однако, мы не хотим доставлять ему даже и такого удовольствия. Ленинская партия всегда несла ему лишь горе и поражения.

3. Об одной «перманентной» теории

Самым недопустимым и недостойным большевистской партии при обсуждении теории «перманентной революции» является то, что стараются избегать Ленина.

Как будто бы тов. Ленин никогда не был знаком с этой малопочтенной «теорией», как будто бы он с нею не боролся.

В этом вопросе Ленина кое-кто хочет считать мертвым.

Пора, наконец, высказать это открыто и без оговорок.

Дело идет не только о долге теоретической, марксистской совести.

Дело идет о крупнейшем **политическом** вопросе, приобретающем огромную практическую важность особенно тогда, когда партия поставила своей главной задачей **курс на деревню.**

Хорошо будет выглядеть этот «курс», если мы будем теоретически обосновывать... **нереальность существования мужика в российской революции.** В теории перманентной революции крестьянское движение играет роль неприятной эпизодической подробности.

Из последнего произведения тов. Троцкого мы прямо узнаем, что если бы российская революция произошла в 1914 году, то мы совершенно могли обойтись бы без крестьянской поддержки.

Такая неумеренная лесть пролетарскому «честолюбию» вряд-ли встретит благодарность у сознательных пролетариев.

По крайней мере, тов. Ленин учил нашу партию кое-чему другому, если не прямо противоположному.

Превращение, перерастание, преобразование крестьянской революции в революцию пролетарскую—вот гвоздь ленинизма.

Нельзя представлять себе положение таким образом, что здесь, в этом вопросе, идет спор только о прошлом.

Ничего подобного. Разве весь процесс Октябрьской революции, вся ее история не является **таким** перерастанием и превращением крестьянской революции в пролетарскую? Победу Октября,—пролетарской диктатуры,—решил переход на сторону пролетариата крестьянской массы под лозунгами земли и мира. В гражданской войне между буржуазно-помещичьей белогвардейщиной и пролетариатом шла борьба именно за военно-политическое **руководство** крестьянской массой. В настоящее время наше социалистическое строительство промышленности развертывается **на основе** под'ема производительных сил сельского хозяйства, на базисе крестьянского рынка, при помощи развития кооперации. Что же это такое, как не хозяйственное перерастание мелкого товарного производства, освобожденного от гнета помещиков и капитала,—в социализм?

Тов. Троцкий не может говорить спокойно о «традициях» большевизма.

Из всей истории большевизма он запомнил только, что Ильич нередко ругал старых большевиков, когда они обнаруживали недостаточную поворотливость и, **тем самым**, помогали меньшевикам.

Тем не менее, о «традициях» приходится вспоминать.

Тов. Троцкий в первую российскую революцию 1905—1907 годов преподносил теорию «перманентной» или «непрерывной» революции, как теорию, возвышающуюся **над** фракционными разногласиями большевиков и меньшевиков.—Стоять над «мелкой суетой» борьбы с оппортунизмом было всегда излюбленной позицией... или, вернее, позой тов. Троцкого.

В 1905—1907 г.г. большевики во главе с Лениным теорию Троцкого считали меньшевизмом.

В период борьбы за партию, когда тов. Троцкий был **против** партии, эта теория в **наших** рядах не имела большего успеха.

Во время войны ее распространение не выходило дальше пределов редакционной комнаты газеты «Наше Слово», на международных же конференциях в Циммервальде и в Кинтале тов. Троцкий выступил **против** Циммервальдской левой, за пацифистский центр.

Спрашивается: почему теория, признававшаяся большевиками в течение почти двух десятков лет подкрашенным меньшевизмом, сегодня должна стать самым модным коммунистическим откровением?!

Может быть, ход революции оправдал ее?

Даже тов. Троцкий **не слишком уверен** в этом, так как в своих ныне печально-знаменитых «Уроках Октября» он утверждает только следующее: «Именно незрелость революции, при совершенно своеобразных условиях, созданных войною, вручала мелкобуржуазным революционерам руководство или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. Но это **вовсе не значит, что русская революция могла итти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 года. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война.** Благодаря войне крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде, чем пролетариат успел организоваться под своим знаменем, чтобы

повести за собою массы деревни, мелкобуржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войною крестьянской армии» [1]).

Отсюда мы, следовательно, узнаем, что революция, в силу «временных условий», **не пошла** по пути «перманентной» теории Троцкого, что это об'ясняется вмешательством посторонних «временных условий, какие создала война».

Самое «утешительное», что мы узнаем, это—то, что революция имела бы возможность **перескочить** через голову крестьянства, через борьбу с его мелкобуржуазными предрассудками, **если бы** (!) не было войны.

«Временное» появление империалистической войны на историческом поле сражения классов настолько стоит в противоречии с азбукой революционного марксизма, что невольно вызывает в памяти сожаления оппортунистов всего мира по поводу «перерыва нормального развития, благодаря войне».

Однако, неужели война **замедлила** развитие, расширение и **обострение** классовых противоречий? Неужели, благодаря войне, в соотношении сил различных классов произошла передвижка, оборвавшая «нормальный» рост пролетарской революции?

Войну породил **империализм** совершенно естественно и неизбежно. Каким же образом можно говорить о «временных условиях войны», выросших **помимо** классовых отношений?

Тов. Троцкий обнаруживает странную охоту **перескочить через борьбу с мелкобуржуазным оппортунизмом**, и теория «перманентной революции» должна помочь ему в этом.

С 1905 года до 1917 года она служила ему «внефракционным» аттестатом в борьбе большевизма и меньшевизма.

Не пора ли сдать в архив хотя бы эту ее специфическую «функцию»?

Если сова Минервы вылетает ночью, то и «теория перманентной революции» пускается в оборот тов. Троцким в моменты самых наибольших его колебаний между большевизмом и оппортунизмом.

Так было до сих пор.

А теперь как?

---

[1]) Л. Троцкий. Собр. соч. Т. III, «1917». Вместо введения, стр. XIX.

4. «Внефракционная» критика ленинизма

«Так как социальные условия России не созрели для социалистического переворота, то политическая власть была бы для пролетариата величайшим несчастием». Так говорят меньшевики. Это было бы верно, отвечает Ленин, если бы пролетариат не сознавал, что дело идет только о демократической революции. Другими словами, выход из противоречия между классовыми интересами пролетариата и об'ективными условиями **Ленин** видит **в политическом самоограничении пролетариата**, при чем это самоограничение должно явиться в результате теоретического сознания, что переворот, в котором рабочий класс играет руководящую роль, есть переворот буржуазный. **Об'ективное противоречие Ленин переносит в сознание пролетариата и разрешает путем классового аскетизма, имеющего своим корнем не религиозную веру, а «научную» схему. Достаточно лишь ясно представить себе эту конструкцию, чтобы понять ее безнадежно-идеалистический характер** [1]).

Ах, зачем вы говорите «фост», когда вы так замечательно произносите «хвизика»?

Зачем тов. Троцкий доказывает в «Уроках Октября», — что если у большевиков когда-нибудь и был Центральный Комитет, то только такой, **против** которого боролся Ленин, когда много раньше он уже «доказал», что и сам Ленин был завзятым оппортунистом, принявшим от буржуазии обет самоограничения?!

«1905 год» переиздан в 1922 году в назидание «малым сим» только с маленьким примечанием. «**Антиреволюционные черты большевизма**» [2]) не оправдали «внефракционных» надежд тов. Троцкого, так как «под руководством тов. Ленина, большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое **идейное перевооружение** в этом важнейшем вопросе весной 1917 года, т.-е. до завоевания власти» [3]).

«Идейное перевооружение» упомянуто для красного словца, которое всегда увертливо. Говоря попросту и без затей, по мнению тов. Троцкого, большевизм в 1917 году догадался усвоить...

---

[1]) Л. Троцкий. «1905». Стр. 283—284.

[2]) Буквальное выражение Троцкого. См. «1905». Стр. 285.

[3]) Примечание к стр. 285—«1905».

«теорию» перманентной революции, **отказавшись от своего «антиреволюционного» прошлого.**

Посмотрите, какая получается картина!

—Российская революция перешла от крестьянского этапа к пролетарскому вовсе не потому, что к требованию земли присоединилось рабочее и крестьянское **требование мира.** Наоборот, дело, пожалуй, обошлось бы без крестьянства, если бы не было войны.

Впрочем, не существенно и участие крестьянства в революции: все равно—без «идейного перевооружения» большевики **не посмели бы** взять у буржуазии власти.

В книге «1905 г.» Троцкий повторил все свои старые взгляды, а свое вхождение в РКП обусловил—в примечании!—«идейным перевооружением» большевизма.

Грешные люди, мы склонны удивляться не резкости нападок на нашего критика, а как раз обратному,—«истинно-христианскому», аскетическому (вот куда это слово то пригодилось) смирению большевистской партии перед явной ревизией ее идейных основ.

Не столь смиренный, тов. Ленин в 1915 году писал: «Выяснить соотношение классов в предстоящей революции—главная задача революционной партии. От этой задачи уклоняется Орг. Ком. [1]), который в России остается верным союзником «Нашего Дела» [2]) и за границей бросает ничего незначащие «левые» фразы. Эту задачу неправильно решает в «Нашем Слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года и **не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.** Оригинальная теория Троцкого берет у **большевиков** призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, **а у меньшевиков «отрицание» роли крестьянства** [3]).

У всякого человека, даже не умудренного большим политическим опытом, невольно должен возникнуть вопрос—почему за почти двадцатилетнее свое существование теория тов. Троцкого не нашла сколько-нибудь значительной поддержки в

[1]) «Организационный Комитет» меньшевиков.

[2]) Журнал социал-патриотов Потресова и К°.

[3]) Ленин. «О двух линиях революции». Том XIII. Стр. 213.

рабочем движении, если не считать... прошлогодней лихорадки в московских вузах.

За ленинизм—мы это хорошо знаем—**четверть века** шла **ожесточеннейшая борьба.** Теория же «перманентной» революции перманентно оставалась окруженной пустотой.

Только с высоты идеалистического высокомерия и интеллигентского индивидуализма можно пренебрегать массами в таком вопросе.

Почему же эти массы остались «ни холодны, ни жарки»?

Раньше, чем ответить на этот любопытный вопрос, необходимо оправдать себя от обвинения в «аскетизме» в 1905 году.

Аскетизм—вещь плохая.

Во всем мире сейчас вы не найдете ни одного буржуа или меньшевика, который бы обвинил ленинцев в «аскетической» защите буржуазных прав на власть.

Это—поистине—оригинальное обвинение.

—Разберемся в нем.

5. Большевистский „аскетизм или то, чего не было“

«И анархисты, и мелкобуржуазные демократы (т.-е. меньшевики и эс-эры, как русские представители этого международного социального типа), говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно-демократической революции к социалистической (т.-е. пролетарской). Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета опыта прежних революций подтвердилась за 4 года полностью. Мы довели буржуазно - демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необ'ятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой» [1]).

—Так писал тов. Ленин в статье, посвященной четырехлетию Советской власти.

---

[1]) Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, ч. I. Стр. 363—364.

Он не допускал ни малейшей неясности в этом вопросе, бичуя словестные увертки, как прямую помощь меньшевизму.

Он подчеркивал: «Все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонге, Макдональды, Турати и прочие герои «$2^1/_2$-нного» марксизма не сумели понять такого соотношения между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, **насколько** удается второй перерасти первую» [1]).

Таким образом, для нас становится очевидным, что у тов. Троцкого совсем не было оснований придумывать «идейное перевооружение» большевизма. В 1921 году Владимир Ильич стоял **на той же** точке зрения, что и в первую революцию.

А в первую революцию, например, в предисловии к изданию писем К. Маркса к Кугельману, тов. Ленин восторгался четкостью марксовой постановки о буржуазно-демократической революции: «Ни тени **иллюзий** насчет того, что ближайшая революция **устранит буржуазию и капитализм**. Самое ясное и отчетливое констатирование того, что она устранит лишь прусскую и австрийскую монархию. И какая вера в эту буржуазную революцию? **Какая революционная страстность пролетарского борца, понимающего громадную роль буржуазной революции для социалистического движения вперед»** [2]).

— В высшей степени неблагодарная задача доказывать в стране Советов, что революция 1905 года была лишь первым приступом крестьянской революции, что вследствие этого она—в общем и целом—сохраняла **буржуазно-демократический** характер.

В Советской России даже частные купцы готовы клясться... в преданности коммунизму.

Даже нэпач может принять это за «оскорбительный намек».

С другой стороны, **обывательское** представление о буржуазно-демократическом этапе революции совсем другое, чем **ленинское.**

---

[1]) Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, ч. I Стр. 366.

[2]) К. Маркс. Письма к Кугельману. Пер. М. Ильиной, 1920 г. стр. VI.

В цитированной нами статье Ильич доказывает, что именно пролетарская власть довела **до конца** буржуазно-демократическую революцию.

Такое утверждение любого Гоца или Либердана способно привести в истерику,—Как? Помилуйте!—Разогнали учредилку, провели не только политическое и экономическое обесправление буржуазии, но и красный террор против нее, и еще говорят о выполнении «буржуазно-демократических» задач.

Истерика соглашательского обывателя понятна. В революции он не видит настоящего существа, не усваивает ее **классового** содержания. Можно ли требовать от него понимания того, что существом буржуазно-демократической революции является **уничтожение помещичьего землевладения и помещичьих учреждений и порядков,** а вовсе не смена Столыпина Милюковым или Керенским?

Можно ли требовать от обывателя и понимания того, что крестьянская революция сама по себе есть революция буржуазно-демократическая?

Перед обывателем пролетарский большевизм скомпрометирован во всех статьях.

Однако, мы не обязывались поддакивать обывателю ни в 1905 г., ни в 1917 г., ни в 1923 г., ни в 1924 г.

Поэтому попытаемся вникнуть в существо вопроса.

Чем определяется **характер** революции с точки зрения марксизма?

Надо полагать,—группировкой и соотношением классовых сил, а не добрыми пожеланиями.

Буржуазный характер революции 1905 г. до товарища Троцкого и после него (после 1905 г.) отрицали **народники, эсэры, максималисты.** Виктор Чернов $1^1/_2$ десятка лет щеголял тем, что он «левее» германской социал-демократии, когда германская социал-демократия была еще партией рабочего класса.

Уже из этой простой справки вытекает, что **многие революционеры фразы пытались нас обгонять на пути истории.**

За социалистической рекламой большевизм никогда не гнался и, потому, его нередко могли упрекнуть в «аскетизме», в «политическом самоограничении».

Ильич учил, что **только** подняв многомиллионную крестьянскую массу под пролетарским руководством, мы можем **свергнуть** царизм и помещиков.

Говорить о социалистической революции без свержения царизма и помещиков было болтовней, и болтовней тем более вредной, что она отвлекала рабочий класс от его главнейшей задачи: революционного раскачивания крестьянства.

Без крестьянского движения революция в России была **вообще невозможна.**

Но для того, чтобы она победила под **пролетарским** руководством, необходимо было полностью и до конца выяснить пролетариату грандиозность, **обширность, сложность и трудность его задачи.**

Нужно было, отбросив интеллигентские посулы, приковать все силы к достижению первых побед.

Нельзя было говорить рабочим: Товарищи! Один шаг против царя,—и вы перескочите к социализму.

Нужно было не обольщать и не обольщаться легкостью перехода от крестьянской борьбы за свержение помещиков к пролетарской борьбе за свержение буржуазии.

Ильич говорил пролетарской массе: Без крестьянина нам не свалить помещика. Нужно постараться так поднять крестьянство, чтобы оно не только свалило помещика, но и отняло у него всякую возможность подняться. Это будет более реальный шаг к пролетарской диктатуре, чем обещания социализма через голову крестьян.

Грубо выражаясь, в 1905 году рабочий-революционер должен был выбирать **между кадетом и эсэром, как «союзниками».** Меньшевики, поддерживая кадетов, давали лазейку помещикам, помогали сделке помещиков и буржуазии. Большевики, разоблачая колебания эсэров в сторону кадетов, помогали созданию рабоче-крестьянского блока против помещичьей контрреволюции и предательской буржуазии. Блок, боевое сотрудничество с народническими партиями крестьянской **буржуазии** указывали на буржуазно-демократическую ограниченность первоначального размаха революционной борьбы.

С кем же был тов. Троцкий?

Пусть даст ответ на это тов. Ленин.—Тов. Ленин писал: «Троцкий извращает большевизм, ибо **Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов**

на роль пролетариата в русской буржуазной революции»... [1]).

«Он был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшивизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательные соглашения **с кадетами** (т.-е. фактически был опять с меньшевиками), а весной 1907 года на лондонском с'езде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений» [2]). Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра—другой, и поэтому об'являет себя стоящим выше обеих фракций [3]).

Нам не хотелось бы напоминать об этой особенности политической эволюции тов. Троцкого в прошлом, если бы сам тов. Троцкий не поставил вопроса о большевизме до 1917 года, как о... доисторическом хламе.

В первую революцию гвоздем всего, **завязкой всех революционных возможностей** был крестьянский вопрос, вопрос о земле.

Для действительно-революционного решения его и, вместе с тем, для подготовки перехода от этого очередного звена **к следующему** звену, необходимо было сосредоточить всю энергию пролетарского авангарда на высвобождении крестьянского движения от кадетского, крупно-буржуазного влияния.

Перспектива «непрерывной социалистической революции» выражала индивидуальные шатания, не более.

Определяя революцию 1905—1907 гг., как буржуазную революцию обычного типа, меньшевики отвергали всякое пролетарское руководство крестьянской революции, как движением мелкобуржуазных масс. Их «чисто классовое» высо-

---

[1]) Ленин. «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России». Собр. соч. Том XI, ч. II. Стр. 298.

[2]) Это не мешает ему теперь заявлять, что «наиболее глубокое и талантливое выражение этот подход (выжидательный, фаталистический подход к основным задачам революции) нашел еще у Розы Люксембург» (Л. Троцкий. Вопросы гражданской войны.—Речь па заседании правления Военно-Научного общества, 29 июля 1924 г.).

[3]) Ленин. Там же. Стр. 307—308.

комерие на практике сводилось к курсу на кадетов, **не желавших** полного краха царизма и, в особенности, помещиков.

Тов. Троцкий вместе с меньшевиками отвергал союз рабочего класса с крестьянством, но—в отличие от меньшевиков—не мог принять проповеди полного бездействия пролетариата в хвосте у кадетов. Отсюда—«скачек из царства необходимости в царство свободы», теория перманентной революции.

Напрасно обвинять в аскетизме ленинизм. Аскетом был тов. Троцкий, уступая попеременно то большевикам, то меньшевикам и избегая всякого практического применения своей теории.

6. «Соглашательство» большевиков в 1905 году

Однако, признавая буржуазный характер русской революции 1905 г., большевики все же проповедывали «демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства», допускали вхождение своих представителей во Временное Правительство?

Разве не прав был тов. Троцкий, когда он в свое время писал: «вся беда в том, что большевики классовую борьбу пролетариата доводят только до момента победы революции: после этого она временно растворяется в «демократическом сотрудничестве?» [1]).

Как будто выходит, что так.

Выражаясь своим изысканным стилем, тов. Троцкий позицию большевиков в вопросе о Временном Правительстве формулировал так:

«Политическое самоограничение пролетариата предлагают дополнить об'ективной «антисоциалистической» гарантией, в виде сотрудника-мужика» [2]).

В переводе на русский язык это значило: союз рабочего класса и крестьянства для полного уничтожения помещичьего режима большевики выдвинули **во избежание** перехода к социализму.

---

[1]) Л. Троцкий. «1905 г.». Стр. 285.

[2]) Там же, стр. 281.

Предоставим слово самому главному «обвиняемому», тов. Ленину:

«Не в том вопрос, захотят ли те или иные социал-демократические группы раствориться в буржуазной демократии, сознают ли они, что они растворяются,—об этом нет и речи. Подобного желания мы ни у кого из социал-демократов не подозреваем, и не в желании тут вовсе дело. Не в том также вопрос, сохранят ли те или иные с.-дем. группы свою **формальную** самостоятельность, особность, независимость от буржуазной демократии на протяжении всей революции. Они могут не только заявить об этой «самостоятельности», но и сохранить ее формально, и, тем не менее, **дело** может выйти так, что у них **окажутся связанными руки** в борьбе с непоследовательностью буржуазии. Окончательный политический итог революции может оказаться тот, что, **несмотря на формальную «самостоятельность», несмотря на полную организационную, партийную особность социал-демократии, она на деле окажется несамостоятельной, окажется не в силах наложить на ход событий печать своей пролетарской самостоятельности, окажется настолько слабой, что, в общем и целом, в последнем счете, в окончательном итоге, «растворение» ее в буржуазной демократии** все же будет историческим фактом»[1]).

— Мы видим, товарищ-читатель, что вы с помощью Владимира Ильича начинаете вылезать из той путаницы, которую плодит вокруг ленинизма «прямолинейная» теория перманентной революции.

Оказывается, что **для сохранения своей политической самостоятельности и независимости от буржуазии российскому пролетариату нужно было непрестанно бороться за свою гегемонию, за свое руководство в революционном движении.**

Но гегемонию на пустом месте, без крестьянства,—не создашь.

Гегемония пролетариата означает пролетарское руководство полупролетарскими и крестьянскими массами.

Оказывается, что наше старое прискорбное расхождение с тов. Троцким именно **то самое**, которое разделило нас с меньшевиками.

---

[1]) Ленин. «Две тактики». Собр. соч., том VI, стр. 333—334.

Нам становится понятным, почему тов. Троцкий так решительно «колебнулся» в сторону ликвидаторов, когда в 1910—1912 гг. вопрос о нелегальной партии встал в прямой связи с вопросом о судьбе пролетарской гегемонии в революционной борьбе.

Но продолжим дальше доводы тов. Ленина против меньшевизма, отвергавшего пролетарскую гегемонию:

«Преобразование экономического и политического строя России в буржуазно-демократическом направлении неизбежно и неустранимо. Нет такой силы на земле, которая могла бы помешать такому преобразованию. Но из сочетания действия наличных сил, творящих это преобразование, может получиться **двоякий** результат или двоякая форма этого преобразования. **Одно из двух:** 1) или дело кончится «**решительной победой** революции над царизмом» или 2) для решительной победы сил не хватит, и дело кончится **сделкой царизма** с наиболее «непоследовательными» и наиболее «своекорыстными» элементами буржуазии...

«Решительная победа революции над царизмом» есть **революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.** От этого вывода, давно указанного «Вперед», никуда не уйдут наши новоискровцы [1]). **Больше некому одержать победу над царизмом.**

И такая победа будет именно диктатурой, ТО-ЕСТЬ она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные «легальным», «мирным путем» созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаяннное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный

---

[1]) «Вперед»—орган б-ков. «Новоискровцы»—меньшевики.

демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня; наконец,—перенести революционный пожар в Европу.

Такая победа нисколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но, тем не менее, значение такой победы будет гигантское для будущего развития в России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократить так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции»[1]).

Это было написано гениальным Ильичем до начала революционного вихря второй половины 1905 года и, конечно, до... появления в свет «оригинальной» теории Троцкого.

Меньшевикам втолковывал Ильич, что «Временное Правительство» будет лишь **органом победоносного восстания**, но отнюдь не обычным орудием буржуазного господства. Для проведения восстания выдвигали его большевики.

В «Уроках Октября» тов. Троцкий много бранится против людей, не умеющих переходить от вопросов мирной тактики к боевым задачам революционной стратегии.

А между тем именно этот «перманентный» социал-демократический грех и породил **отрицание Троцким в 1905 г. большевистской стратегии победоносного восстания.**

7. О вреде неловких скачков

Излагая свою теорию в период первой революции, т. Троцкий в то же время приходил к выводу о неизбежном оставлении пролетариата всеми его союзниками после захвата власти.—«Если отсутствие сложившихся буржуазно-индивидуалистических традиций и антипролетарских предрассудков у крестьянства и интеллигенции[2]) и поможет пролетариату

---

[1]) Ленин. Там же. Стр. 335—336.

[2]) 1917 г. показал кулака и буржуазного интеллигента совсем в ином освещении.

встать у власти, то, с другой стороны, нужно принять во внимание, что это отсутствие предрассудков опирается не на политическое сознание, а на политическое варварство, на социальную неоформленность, примитивность, бесхарактерность. А все это такие свойства и черты, которые никоим образом не могут создать надежного базиса для последовательной активной политики пролетариата» [1]).

Где же выход? Где план пролетарской борьбы за власть?

Этого плана у тов. Троцкого в революцию 1905—1907 гг. **не было.**

«Доказав» невозможность, хотя бы и временной, пролетарской диктатуры в **крестьянской** революции, тов. Троцкий не показывал **другого** революционного выхода. Наоборот, он писал: «**Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты**» [2]).

Но ведь в 1905 году социалистических государств в Европе не было?

Не было.

Значит? — Значит, «план» перманентной социалистической революции был **всем, чем угодно, только не планом борьбы.**

Без крестьянства рабочий класс не мог рассчитывать ни на какую победу.

Захват власти им в перспективе несуществовавшей «непрерывной» «социалистической» революции мог быть только скачком в пустоту, только интеллигентской авантюрой.

Не поняв перехода от крестьянской революции к пролетарской, Троцкий попытался подпереть свой «план» агитационной фразой о международном характере пролетарской революции.

Людям свойственно ошибаться, и не было бы большого греха, если бы тов. Троцкий признал свою ошибку.

Ничего подобного на деле нет. Напротив того, в предисловии к книге «1905 год», **в 1922 году** Троцкий «победоносно»

---

[1]) Троцкий. «Наша революция». 1906 г. Изд. Глаголева. Стр. 254—5.

[2]) Троцкий. Там же. Стр. 278.

декретирует: «Взорвав, в силу исторической необходимости, ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т.-е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой.— **Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком**»[1]).

Тов. Троцкий старается трескучими словесными «взрывами» сбить с толку молодых партийцев и помешать им понять, что революционное развитие состоит не в акробатических скачках, а в реальном ходе классовой борьбы и в длительной подготовке революционных взрывов не на словах, а на деле.

Ленин выдвигал пролетариат на путь гегемонии в крестьянской революции, чтобы этим подготовить международную пролетарскую революцию.

Заодно с меньшевиками Троцкий боролся против Ленина в этом вопросе.

А теперь оказывается, что теория Троцкого «оправдалась»!

Вот что значит уметь скакать. . . через 12-летнюю историю борьбы большевизма и меньшевизма.

Тов. Троцкий и до сих пор не потерял этой способности. Из «Уроков Октября» мы открываем, что «Советы Рабочих Депутатов 1914 года—если бы дело дошло до Советов—были бы, по всей вероятности, уже на первых порах большевистскими. Пробуждение деревни пошло бы под прямым и косвенным руководством городских Советов, руководимых большевиками»[2]).

Эта догадка тов. Троцкого—один из замечательных скачков «перманентной» фантазии.

Вопреки самоочевидному влиянию войны на революционное пробуждение рабочего класса и, особенно, крестьянства, тов. Троцкий приписывает 1914 году больший размах классовой борьбы, чем 1917 г.

По обыкновению своему, он перескакивает через крестьянство, через необходимый промежуточный этап его расслоения и изживания им соглашательско-буржуазных иллюзий.

---

[1]) Л. Троцкий «1905 г.». Стр. 4—5.
[2]) Л. Троцкий. «1917 г.». Стр. XIX.

Но разницу положений 1914 и 1917 годов можно легко схватить даже с точки зрения суб'ективной социологии: в 1914 году тов. Троцкий состоял в ликвидаторско-меньшевистском блоке, а в 1917—он, после некоторых колебаний, вошел в нашу организацию.

Нам приходится с такой подробностью фиксировать все эти обстоятельства потому, что в своих «Уроках Октября», сочиняя миф о «внефракционном» зачатии пролетарской революции, тов. Троцкий делает широкий жест в пространство: «У известных кругов нашей партии ударение в ленинской формуле ставилось не на диктатуре пролетариата и крестьянства, а на ее демократическом характере, который противопоставлялся социалистическому характеру»[1]).

Тов. Троцкий устраивает против Ленина и ленинизма своеобразный «бунт на коленях». Выступая против ленинских взглядов и извращая их, он выставляет виновниками ленинского «оппортунизма» тех, кого ему заблагорассудится.

Однако, кто же настаивал в революции 1917 года на безусловном решении буржуазно-демократических задач?

А вот кто: тов. **Ленин!**

— «... Не грозит ли нам опасность впасть в суб'ективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную—не изжившую еще крестьянского движения—революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

Если бы я сказал: «Без царя, а правительство рабочее» [2]),—**эта опасность мне бы грозила.** Но я сказал не это. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) не может быть, помимо Советов рабочих, батрацких, солдатских и крестьянских депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова только к этим Советам, а в них как раз преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает **мелкая буржуазия**, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику» [3]).

---

[1]) Л. Троцкий. «1917 г.». Стр. XVII.

[2]) Формула «перманентной» революции.

[3]) Ленин. «Письма о тактике». Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 32.

Может быть, довольно?

Все данные до сих пор убеждали нас, что теория «непрерывной революции» роковым образом влечет тов. Троцкого на путь непрерывной фальсификации ленинизма.

В этой «оригинальной» теории «оригинально» лишь меньшевистское отрицание организаторской роли пролетариата по отношению к крестьянской массе.

8. Новейшие „исторические“ открытия т. Троцкого

Тов. Троцкий печалится, что «Октябрьской революции не повезло в нашей печати»[1]).

Мы предпочитаем **пока** оставить этот вопрос в тени, но зато попытаемся выяснить, насколько подготовке Октября «повезло» у тов. Троцкого.

Тов. Троцкий производит чрезвычайные открытия в этой области, и притом такие, которые очень смахивают на. . . изобретения.

Открытие № 1. — «Полемика между Лениным и сторонниками «завершения демократической революции» началась с первого же дня. **Предметом острого столкновения** явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг: «Долой Временное Правительство». Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинять Ленина в бланкизме: низвержение Временного Правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся.

Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу **в ленинской апрельской политике** не было и тени бланкизма. Весь вопрос состоял для него как раз в том, в какой мере Советы продолжают отражать действительное настроение масс, и не обманывается ли партия, ориентируясь по советскому большинству. Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством...

---

[1]) Л. Троцкий. «1917 г.» Стр. XI.

Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного Правительства, но снял его на недели или на месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей. **Оппозиция же считала самый этот лозунг ошибкой [1]).**

Мы спрашиваем товарищей, спрашиваем партию—зачем **понадобилась клевета на тов. Ленина**?

Разве вся партия, за исключением «двухнедельных молодцов», не знает, что с самого начала Ильич был против лозунга свержения, что часть ЦК попросту против, воли ЦК и Ленина, устроила демонстрацию под этим лозунгом, что Ильич называл этот поступок товарищей Багдатьева и др. революционной авантюрой?

У Троцкого выходит так, что Ленин хотел прощупать положение, а когда авантюра сорвалась, он отказался от своего лозунга, обрушившись на других.

Как может тов. Троцкий доходить до подобных утверждений, набрасывающих тень на Ильича, когда существуют фиксированные на бумаге выступления Владимира Ильича по этому поводу?

Выступление происходило 21 апреля. **9 апреля** в статье «О двоевластии» тов. Ленин, разобравши **особенность** тогдашней обстановки, об'яснял:

«Отсюда должно уже быть ясно, почему так много ошибок делают и наши товарищи, ставя «просто» вопрос: **надо ли тотчас свергнуть Временное Правительство**?

Отвечаю: 1) его надо свергнуть—ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его **нельзя сейчас свергнуть**, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с Советами Рабочих Депутатов и главным Советом, Питерским, прежде всего; 3) **его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом**, ибо оно опирается на «поддержку» буржуазии вторым правительством, Советом Рабочих Депутатов, а это есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян... Чтобы стать властью, сознательные рабочие

---

[1]) Л. Троцкий. «1917 г». Стр. XVII—XVIII.

должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия, нет иного пути к власти» [1]).

22 апреля в «Правде» Ильич протестовал против **клеветы капиталистов** о «разжигании» большевиками гражданской войны.

Наконец, есть протоколы Петербургской и Всероссийской конференции в апреле 1917 года.

Еще и еще раз: зачем понадобилась **клевета на партию?**

Может быть, с точки зрения скачков, играющих такую сверх'естественную роль в теории перманентной революции,— и было бы «полезно», чтобы 21 апреля большевики действительно пошли на авантюру. Но при чем тут история Октября?

Зачем переделывать историю партии по соображениям мелкой склоки?

Перейдем ко второму открытию.

Открытие № 2. Оно лучше всего выяснится из сравнения двух произведений:

Л. Троцкий—в «Уроках Октября»: «Решения апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло вместе с ходом событий принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции,— в дни Октября. Попытка, по инициативе Ленина, устроить демонстрацию 10 июня **подверглась обвинениям в авантюризме со стороны тех же товарищей, которые были недовольны характером (!) апрельского выступления»** [2]).

В книжке меньшевика Суханова «Записки о революции»: «Тот густой дым, который еще долго клубился у нас после 10 июня, пошел от небольшого огонька, светившего вокруг Ленина в конспиративной комнате большевистского ЦК. Положение формулировалось так. Группа Ленина не шла прямо на захват власти в свои руки, но она **была готова взять власть при благоприятной обстановке, для создания которой она принимала** меры» [3]).

---

[1]) Ленин. Собр. соч. Том XIV, часть I. Стр. 25—26.

[2]) Л. Троцкий. «1917 г.». Стр. XXXI.

[3]) Н. Суханов. «Записки о революции». Кн. 4-ая. Стр. 318.

У Троцкого в «Уроках Октября»: «Ленин позже говорил: «В июле мы наделали достаточно глупостей». **Но по существу дело и на этот раз свелось к новой более широкой разведке на более высоком этапе движения»** [1]).

У меньшевика Суханова: «Вопрос о том, куда вести движение... вопрос не конкретного факта, а партийной позиции. А она уже определилась — **месяц назад.** Мы помним, к чему она сводилась: **движение начинается, как мирная манифестация, и, при достаточном развитии, при благоприятной кон'юнктуре переходит в захват власти большевистским Центральным Комитетом** [2]).

Как видите, и по поводу завязки событий 10 июня, и по поводу июльских событий у Троцкого полное и абсолютное совпадение с меньшевиком Сухановым.

Меньшевистскую сплетню тов. Троцкий преподносит, как плод своих «исследований».

Гнилой плод!

Неумная сплетня!

Наша партия и до 1917 года доказывала, что когда она **решала** восстание, она шла на него с **открытым** забралом, с **развернутыми** знаменами.

Меньшевики всегда обвиняли нас в «заговорщицких» привычках и методах. Но есть ли это основание для того, чтобы тов. Троцкий пускал в нашу партию стрелы, заимствованные из меньшевистского колчана?!

Ни 21 апреля, ни 10 июня, ни 3—5 июля тов. Троцкий ни членом Центрального Комитета нашей партии, ни членом партии вообще не состоял, поскольку находился в рядах **колебавшейся** «Межрайонки».

Уже одно это обстоятельство должно было бы ему подсказать **более осторожное обращение с фактами**, по крайней мере, за тот период, когда он ещ **еще не был в РКП.**

Меньшевики сочиняли выдумку «о подготовке Лениным захвата власти» в апреле, в июне и в июле 1917 года, чтобы оправдать буржуазную репрессию против большевиков.

Такие стопроцентные мещане, как «левый» меньшевик Суханов, поддерживали эту клевету из трусости и глупости.

---

[1]) Л. Троцкий. «1917 г.», Стр. XXXII.

[2]) Ник. Суханов. Там же. Стр. 410.

Тов. Троцкий оживляет меньшевистскую выдумку, чтобы изобразить дело таким образом, что наша партия к Октябрю приближалась не как ленинская «когорта революции», а как пьяная старушка.

Нужна выдумка о попытках тов. Ленина захватить власть **с помощью авантюры** для того, чтобы противопоставить ему воображаемый «правый» ЦК и «правое крыло» партии вообще.

Не пора ли партии заявить о своем неот'емлемом праве на первое условие рабочей демократии,—на то, чтобы все члены партии **в равной мере** подчинялись партийной дисциплине?

Решения XIII с'езда остались для тов. Троцкого пустым звуком.

Это—прискорбный факт, но это упрямый **факт.**

9. Суб'ективная школа в марксистской социологии

Суб'ективной школой в социологии именовалась народническая теория, делившая весь мир на героев и толпу и вручавшая руководство человеческим прогрессом «внеклассовой» интеллигенции.

Суб'ективная школа в **марксистской** социологии впервые открыто заявила о себе в период последней дискуссии, когда тов. Троцкий выдвинул—в качестве барометра партии и наиболее чуткого выразителя антибюрократических стремлений—**вузовскую молодежь.**

Мы тогда же указали на плагиат из народнической «социологии»: с одной стороны, пролетарская «чернь непросвещенна», коснеющая в подчинении «аппаратчикам»,—с другой стороны, вузовская молодежь, поднимающаяся, как самостоятельная сила над всеми социальными прослойками партии и по шпаргалкам тт. Троцкого, Сапронова, Осинского и Преображенского, направляющая курс нашего партийного развития [1]).

В «Уроках Октября» и в книжке «О Ленине» мы знакомимся с новым применением суб'ективного метода—уже к Октябрю.

За отсутствием вузовской интеллигенции в период Октября тов. Троцкий вынужден сосредоточить свое исследование на выяснении роли хороших и плохих личностей в истории.

---

[1]) См. наши «Основы ленинизма». Стр. 380 старого издания.

Даже не обучавшемуся в духовной семинарии известно, что суб'ективная школа даже в марксистской социологии не может обойтись без путешествия в глубины чужой **психологии.**

Тов. Троцкий поучает: «Опыт европейских, прежде всего германских боев последних лет, взятый в свете нашего собственного опыта, говорит нам, что двоякого типа вожди бывают склонны тянуть партию назад в тот именно момент, когда ей необходимо совершить величайший прыжок вперед. Одни вообще склонны видеть на путях революции преимущественно затруднения, препятствия, помехи и оценивать каждую обстановку с предвзятым, хотя и не всегда сознательным намерением уклониться от действия [1]). Марксизм превратился у них в метод обоснования невозможности революционного действия. Наиболее чистую культуру этого типа представляли русские меньшевики [2]). Но сам по себе тип этот шире меньшевизма и в самый критический момент обнаруживается **вдруг на ответственном посту в наиболее революционной партии** [3]). Представители другой разновидности отличаются **поверхностно-агитаторским (!!!) характером.** Эти вовсе не видят препятствий и затруднений, пока не стукнутся в них сразмаху лбом. Способность **обходить реальные препятствия при помощи словесных оборотов,** проявлять во всех вопросах величайший оптимизм («море по колено»), неизбежно переходит в свою противоположность, когда наступает час решающего действия [4]). Для первого типа, для крохоборчески настроенного революционера трудности захвата власти представляются лишь нагромождением и возведением в степень всех тех трудностей, какие он только и привык видеть на своем пути. Для второго типа, для поверхностного оптимиста, трудности революционного действия возникают всегда внезапно. В подготовительный период поведение того и другого различно: один представляется скептиком, на которого в революционном смысле нельзя слишком полагаться; зато другой, наоборот,

---

[1]) Вполне суб'ективно-психологическая, а не об'ективно-классовая характеристика меньшевизма.

[2]) Отнюдь не только русские!

[3]) Суб'ективный метод—что дышло: куда повернешь, туда и вышло в том числе и против большевистского ЦК!

[4]) Пример для школьных упражнений: теория «перманентной социалистической революции» в блоке с меньшевиками почти в течение полных 12 лет.

может казаться неистовым революционером. Но в решающий момент и тот и другой идут рука об руку,—восстают против восстания» [1]).

Эта «психологическая» оценка плохих личностей, мешающих делу революции, очень сильно смахивает на ту характеристику зла, которую давал в свое время пресловутый Евгений Дюринг и которая привела его к тому выводу, что «Das Böse ist die Katze» (зло это—кошка).

Об этом можно найти исчерпывающую справку у старого Энгельса в «Анти-Дюринге».

Однако, психологическое обоснование исторических событий имеет то несомненное **суб'ективное** удобство, что оно ни к чему не обязывает **политически.** Плохие и хорошие выдающиеся личности творят историю, а партии, классы, народные массы играют незавидную роль хора в греческих трагедиях. Хорошо, если они поддакивают хорошим личностям, и плохо, если они поддакивают плохим.

Сам отец русской суб'ективной школы, Николай Константинович Михайловский, не смог бы «лучше» об'яснить пролетарского Октября.

История революции, таким образом, сводится к рефлексологии выдающихся личностей.

Товарищи вузовцы! Бросьте зубрить «Истмат». История человечества есть история царей, полководцев, министров, а также личностей, находящихся «на ответственном посту в наиболее революционной партии».

Только и не больше!

Из выдающейся роли выдающихся личностей, конечно, вытекает и выдающаяся роль **выдающихся дат** в жизни выдающихся личностей: **«вся** подготовительная работа имеет ценность лишь постольку, поскольку она делает партию и, прежде всего, ее руководящие органы способными **определить момент восстания и руководить им»** [2]).

Это определение вполне в стиле романтических заговорщиков-демократов XIX века, ждавших революции, как внезапного стечения обстоятельств.

Организация и воспитание революционных масс, подготовка рабочего класса и его авангарда к решению задач социа-

---

[1]) Л. Троцкий. «1917 г.». Стр. LXIV.
[2]) Л. Троцкий. «1917 г.». Стр. LXIV.

листической революции, и т. д., и т. п.,—все это теряется в тени «великих личностей».

Для чего понадобилось такое вопиющее извращение не только ленинизма, но и марксизма в целом?

— Только для того, чтобы сверхестественно раздуть кратковременную ошибку двух руководящих товарищей, т. т. Каменева и Зиновьева — в Октябрьские дни, ошибку, признанную товарищами и **моментально**, в несколько дней, исправленную **партией.**

— Для того, чтобы путем раздувания этой ошибки **дать амнистию целой серии отнюдь не кратковременных и коренных своих ошибок.**

Если бы дело шло о серьезной политической оценке, а не о мелкой склоке, **история Октября не ставилась бы вверх ногами:** личности не заменяли бы партию и рабочий класс, ошибки лиц не валились бы на голову большевизма, Октябрь не превращался бы в восстание не только против буржуазии, но и против всей предыдущей, пятнадцатилетней истории большевизма.

Тов. Троцкий сделал бы лучше, если бы вместо изысканий в области «вождеведения» побольше призадумался над идейными корнями ленинизма.

10. Октябрь и Брест

«Революция произвела политические сдвиги в двух направлениях: правые становятся кадетами, кадеты становятся республиканцами поневоле—формальный сдвиг влево; эсэры и меньшевики становятся правящей буржуазной партией—сдвиг вправо. Такими путями буржуазное общество пытается создать себе новый хребет власти, устойчивости и порядка. Но в то время, как меньшевики с формально-социалистической позиции переходят на вульгарно-демократическую, **правое крыло большевиков сдвигается на формально-социалистическую, т.-е. вчерашнюю меньшевистскую позицию»** [1]).

— Сомнений быть не может: через всю подготовку Октября и через самый Октябрь наша партия пронесла правое, **меньшевистское крыло** в своих рядах!

---

[1]) Л. Троцкий. «1917 г.». Стр. XXX.

У нас есть в партии обыватели, которые к решению политических задач пролетариата подходят с той «точки зрения», как бы «не обидеть тов. Троцкого».

Их совсем не обижает возводимая тов. Троцким **хула на партию.**—Обыватель ведь потому и состоит в обывателях, что он не может судить о вещах, «не взирая на лиц»!

Однако, попробуем проверить утверждение тов. Троцкого.

Какой об'ективный способ проверки существует для марксизма?

Проверка тех или иных положений на основе реального хода классовой борьбы.

Три больших партии претендовали в России на руководство трудящимися массами,—**большевики, меньшевики и эсэры.**

При непрерывно идущем вверх развитии классовой борьбы в 1917 году победа могла достаться только той партии, которая сплачивалась и выростала, а не сплющивалась и не хирела под влиянием роста классовых противоречий, вследствие откола рабочих и крестьян от буржуазии.

Эсэры еще до Октября, даже до корниловщины, развились фактически на **три** почти совершенно обособленных друг от друга партийных группировки: на правых, об'единенных газетой «Воля Народа» (Аргунов, Лебедев, Авксентьев и Савинков), на «центр» («воздерживающийся» Чернов и его группа) и на «левых» (Камков, М. Спиридонова и др.).

Уже из одного этого явствует, что обострение борьбы рабочих и крестьян против помещиков разбило их партию. Поэтому-то так жалко и ничтожно было их сопротивление Октябрю.

У меньшевиков вместо единой партии, об'единенной их старым организационным комитетом, получилось целых **пять** групп: группа Плеханова «единство», группа правых меньшевиков во главе с Потресовым, «правый центр», представленный Даном и Церетелли, «левый центр» Мартова, и, наконец, группа левых меньшевиков-интернационалистов вместе с «Межрайонкой» или отдельно от нее перешедших ко времени нашего VI с'езда в партию.

Революция больше всякого иного периода классовой борьбы содействует фракционным делениям и расколам.

Было ли у нас что-либо подобное?

Проверять это нужно не по карманным записным книжкам, а **по партийным решениям**.

На нашей апрельской конференции все резолюции принимались единогласно, за исключением 7—8 воздержавшихся.

Резолюции VI с'езда были также приняты единогласно.— И это несмотря на июльский погром, несмотря на отсутствие Ильича на с'езде!

Разногласия об отношении к Предпарламенту не потребовали созыва даже простой партийной конференции. Что же касается заявления двух руководящих товарищей перед Октябрем, то непреклонная воля **всей** партии была столь ясна, что по такому важнейшему вопросу можно было вполне обойтись без чрезвычайного партийного с'езда.

Наконец, из всего построения тов. Троцкого с совершенной неизбежностью получается вывод об оторванности **нашей партии от рабочего класса**.

В самом деле, Троцкий убеждает партию в **1924** г., что в период от Февраля до Октября 1917 года она обнаруживала тем больше колебаний, чем ближе подходила к решительной развязке.—Если при этом он кивает только на «правое крыло», то нам от этого не легче: хороша партия, у которой в Октябре было целое **крыло меньшевиков**!

Однако, ведь с Февраля по Октябрь рабочий класс поднимался **вверх** по пути революции. Он не становился более меньшевистским, но напротив—все более и более революционизировался, «большевичел».

Таким образом, тогда как партия—авангард рабочего класса —в возрастающей мере обнаруживала свойства размагниченного интеллигента, рабочий класс креп и рос в революционном смысле.

Партия шла назад, а рабочий класс шел вперед!

Тут можно уже с полнейшим правом сказать тов. Троцкому: **« в новизне твоей старина нам слышится» .**

В отличие от Троцкого мы «психологией» и вскрытием «внутренних побуждений» вождей не занимаемся, а только констатируем факты.

Вот эти факты:

С победой контрреволюции, в 1908—1911 годах, при поддержке Мартова и ликвидаторов вообще, Троцкий об'яснял существование большевизма и меньшевизма незрелостью рос-

сийского пролетариата. «Пролетариат растет, фракции гибнут», —проповедывал он, направляя свои стопы в «августовский блок» меньшевиков.

Во время войны по тем же мотивам он поддерживал «левый» пацифизм против Циммервальдской левой.

В дискуссии 1923-1924 гг. тов. Троцкий громил нашу партию за «аппаратность», то-есть опять-таки за отрыв от рабочего класса.

А теперь он «открывает», что и при взятии власти наша партия только... в качестве «наименьшего зла» была выдвинута во главе масс.

Это значит, что мелкая склока, связанная с личной полемикой, выходит **за пределы партийности.**

У тов. Троцкого мы узнаем, что «правое крыло», по образу и подобию немецких меньшевиков, хотело **поженить Советы и учредилку.**

Тов. Троцкий это сугубо оттеняет и подчеркивает.—«Чрезвычайно любопытно, **для характеристики всей линии правых**»,— пишет он,—«что теория «комбинированной» государственности, сочетающей учредительное собрание с Советами, была $1^1/_2$—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, **также** (!) боровшимся против захвата власти пролетариатом. Австро-германский оппортунист не знал, что совершает плагиат[1]).

Зато мы знаем, что Троцкий совершает **плагиат у европейских меньшевиков**, уподобляя **прощупывание** революционного пути нашей партией (в чрезвычайно своеобразных условиях **первой** пролетарской революции, начатой в крестьянской стране), **предательской** игре мерзавцев второго и $2^1/_2$-го Интернационалов.

Ведь в период существования $2^1/_2$-го Интернационала, да и после его бесславного конца, излюбленнейшим доводом, например, германских социал-демократов в пользу раболепной поддержки **Версальского** мира было указание на заключение Брестского мира большевиками. Точно также для оправдания своей поддержки капитала меньшевики всего мира ссылаются на наш НЭП.

Осторожнее, тов. Троцкий!

---

[1]) Л. Троцкий. «1917 г.». Стр. XXXVII.

Тов. Троцкому небезызвестно ленинское «письмо к товарищам» **от 16 и 17 Октября 1917** г. Оно как раз было написано в **опровержение** заявления о несвоевременности восстания.

Ильич писал:

«Неужели трудно понять, что при власти в руках Советов Учр. Собр. обеспечено и его успех обеспечен? Это тысячи раз говорили большевики. Никто не разу не пытался опровергнуть этого. **Такой «комбинированный тип» все признавали,** но протащить теперь под словечком «комбинированный тип» отказ от передачи власти Советам, протащить тайком, боясь отречься от нашего лозунга открыто,—что это такое?» [1]).

Что же, тов. Троцкий, может быть, **у тов. Ленина** устроил свой плагиат г-н Гильфердинг?

Троцкий знает, что мы созывали Учредилку, чтобы разоблачить буржуазный обман, а Гильфердинги разгоняли Советы чтобы этот обман обеспечить.

Он знает это, и все же внушает прямо-противоположное тому, что было.

В «Уроках Октября» и в книжке «О Ленине» вся история Октябрьского восстания сводится к шатаниям партии, к колебаниям ЦК, ошибкам Ленина и спасительным шагам Троцкого.

Эта «психологическая» историография нас, пожалуй, уже больше не интересует.

Можно ли требовать от тов. Троцкого, хотя бы минимальной доли об'ективности, когда его суб'ективизм не пощадил ни рабочего класса, ни революции, ни партии, ни тов. Ленина?

Мимо всего этого, чтобы не унижать партию.

Тов. Троцкий настолько влюблен в героическую «роль личности в истории», что ставит себе в заслугу не только свои успехи, но также и **свои ошибки.**

Он прямо декретирует, грозя обозвать «дьячками» и прочими нехорошими эпитетами всякого, кто посмеет заподозрить «жену Цезаря»:

«Быть против Октября и за Брест значило в обоих случаях быть по существу выразителем одних и тех же капитулянтских настроений». [2]).

Тов. Троцкий в «Уроках Октября» учит воздержанию от того, чтобы «обходить реальные препятствия при помощи

---

[1]) Ленин. Собр. соч. Том XIV. Часть 2-я. Стр. 277-278.

[2]) Троцкий. «О Ленине» Стр. 90.

словесных оборотов», и, в то же время, подает весьма скверный пример в этом отношении.

Что уклон «левых коммунистов» был ошибкой, это давным-давно признала вся партия и все «левые коммунисты»[1]), за исключением тов. Троцкого.

Несмотря на это, тов. Троцкий **хвастает своей ошибкой.**

В своей же книжке «О Ленине» он рассказывает, какое огромное значение придавал Ильич решению вопроса о Бресте:

«... Сейчас дело идет о судьбе революции. Равновесие в партии мы восстановим. Но прежде всего, нужно спасти революцию, а спасти ее может только подписание мира. **Лучше раскол, чем опасность военного разгрома революции.** Левые побалуют, а затем—если даже доведут дело до раскола, что неизбежно—возвратятся в партию. Если же немцы нас разгромят, то уж нас никто не возвратит...»[2]).

— Таково было глубочайшее убеждение великого Ильича.

Зачем же Троцкий в 1924 году «балует» ошибками эпохи Бреста?

Много ли партийного смысла в этом размахивании шпагой против «капитулянтских настроений»?

Капитуляция была бы налицо, если бы победили «левые».

Зачем, для чего сбивать с толку партийную массу извращением партийной истории?

Не славные Уроки Октября, а скверные «уроки» своего меньшевистского прошлого преподает тов. Троцкий в своем последнем и самом худшем выступлении против партии.

— Выступление тов. Троцкго об «Уроках Октября» должно быть поставлено в связь с его прошлогодней борьбой против руководящей линии партии. **Тов. Троцкий, а никто другой,** эту прямую связь установил.

В «Новом курсе», приглашая вузовскую молодежь «брать места (!?!) с бою», тов. Троцкий в следующих выражениях характеризовал общее положение в партии:

---

[1]) Находясь в свое время в группе «левых коммунистов», мы еще летом 1919 года открыто признали свою ошибку. Отмечаем это во избежание «чтения в сердцах» со стороны «психологов».

[2]) Л. Троцкий. «О Ленине». Стр. 82.

«Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может **сохранить старую гвардию, как революционный фактор.** Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма.

Перерождение «старой гвардии» наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: **вожди и партии 2-го Интернационала.** Мы ведь знаем, что Вельгельм Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Каутский, Брентшейн, Лафарг, Гед и многие другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем, однако, что все эти вожди—одни отчасти, другие целиком—переродились в сторону оппортунизма в обстановке парламентских реформ и самодовлеющего роста партийного и профессионального аппарата. Мы видим, особенно ярко накануне империалистской войны, как могущественный социал-демократический аппарат, прикрытый авторитетами старшего поколения, стал величайшим тормазом революционного развития. И мы должны сказать—именно мы, **«старики»**,—что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, **не заключает в себе, однако, никакой самодовлеющей гарантии против незаметного ослабления пролетарского и революционного духа,—если допустить, что партия претерпела бы дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики**, превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитания и поселяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между стариками и молодыми»[1]).

В «Новом курсе» Троцкий делал весьма тяжеловесный «намек» на перерождение старой гвардии в буржуазно-оппортунистическом духе, в стиле 2-го Интернационала.

Теперь **в «Уроках Октября» он доказывает, что, по существу, никакой старой гвардии в Октябрьской Революции не было, а если—формально—она, то тем хуже для нее; ее как-будто бы не было, ибо «спасал положение» один тов. Троцкий, пришедший к нам из «внефракционных» миров.**

Несмотря на осуждение XIII с'езда, тов. Троцкий продолжает свою атаку против партии.

---

[1]) «Новый курс». Стр. 80.

11. От оппортунистического извращения ленинизма к отрицанию партийности.

У тов. Троцкого теория перманентной или непрерывной революции является **пережитком** старых социал-демократических взглядов. О ней не было бы сейчас и речи, если бы тов. Троцкий не пытался восстановить этот меньшевистский пережиток во всех его правах в рядах коммунистической партии. Тов. Троцкий выказывает чрезмерную суетливость в поисках меньшевистской правой в нашей среде: он ищет ее, где угодно, только не там, где она начинает свивать себе гнездо.

Отрицание организаторско-руководящей роли пролетариата по отношению к полупролетарской и непролетарской массе трудящихся [1]) присуще не одному русскому меньшевизму. Этот взгляд пропитал весь 2-й Интернационал еще до войны. Он сложился **на почве вынужденной изоляции** пролетариата в условиях мирного и безмятежного роста капитализма. Пролетарская масса не могла ясно осознать своей руководящей роли в революции в ту эпоху, когда политическое руководство буржуазии было для всех непреложным фактом. При полной устойчивости капитализма широкая трудящаяся масса поневоле, бессознательно, в силу экономической необходимости стоит на почве буржуазного способа производства и распределения и **сторонится** пролетарского авангарда, стремящегося поколебать эти буржуазные условия существования. Германская социал-демократия «из беды сделала добродетель», временную невозможность заполучить стихийную поддержку рабочему движению, превратила в «принцип», в принципиальный отказ от пользования всякими другими средствами борьбы, кроме давления **организованных** масс в «дисциплинированно-парламентской» форме.

Отрицание всяких революционных возможностей у марксистского «центра», возглавлявшегося Каутским, выразилось в отрицании классовой борьбы вне организованного рабочего движения.

---

[1]) Готовность командовать этой массой, или «считаться» с нею в ведомственных расчетах не означает пролетарского руководства.

—**Только** пролетариат, **исключительно** с помощью своей организации устроит в неопределенный, но достаточно отдаленный срок социалистическую революцию [1]).

Тов. Троцкий до 1917 года был самым выдающимся **представителем русского «центризма»**, того среднего примиренческого направления, которое видело свою жизненную задачу в об'единении правого меньшевизма с революционным крылом рабочего движения.

Под трескучим названием «теории непрерывной революции» тов. Троцкий перенял у европейской социал-демократии фаталистическую веру в безнадежность «смешанной», «социально-нечистой», неорганизованной революции.

Во избежание сомнений в старой склонности тов. Троцкого к проповеди центристских, «двухсполовинных» взглядов, мы приведем собственное мнение тов. Троцкого по этому поводу:

«Действительное единство может существовать лишь в том случае, если у партии, помимо двух крыльев, имеется **становой хребет, марксистский центр, который идейно преодолел центробежные тенденции правого и левого фланга.** Никогда германская социал-демократия не могла бы сохранить своего единства, если бы оппортунистическое крыло ее (Бернштейн, Давид и др.) стояло лицом к лицу с ультра-радикальным крылом (Р. Люксембург и др.); оплотом единства и дисциплины в партии немецкого пролетариата является марксистский центр Бебеля и Каутского, сплачивающий вокруг себя не менее $^2/_3$ партии» [2]).

А про нас, грешных, говорилось так:

«Оба крайние фланги движения—правдистской и ликвидаторской—стремятся построить две непримиримые идейно-тактические линии. Эти постройки выдвигаются ими, разумеется, не из фантазии, а из действительных потребностей рабочего движения; но наши фракции направляют все усилия на то, чтобы **раз'единить эти потребности, тактически противопоставить их друг другу, теоретически придать им абсолютно-непримиримое выражение. Марксистская тактика химически соединила реформистские и революционные тенденции про-**

---

[1]) См. наши «Основы ленинизма», глава III.—«Формы борьбы и организация рабочего класса в эпоху II Интернационала».

[2]) Журнал «Борьба». № 7—8. 6 июля 1914 г.

летарской борьбы. Ликвидаторство и правдизм в борьбе за влияние на рабочее движение разлагают марксизм, выделяя на одном полюсе рабочий (!?) реформизм, на другом—вульгарный упрощенный революционизм» [1]).

Следовательно, потребность парить в вышине **над** партиями, фракциями и рабочим движением у тов. Троцкого, можно сказать, застарелая. Тов. Троцкий не в мере скромен, заявляя, что у него с Лениным были лишь разногласия по организационному вопросу. Ведь центризм от поддержки ликвидаторства в 1909—1914 г.г. привел тов. Троцкого к борьбе **против пораженчества, против лозунга гражданской войны, против решительного разрыва с пацифистским «центром» в период 1914—1917 г.г.**

Из социал-демократического, оппортунистического понимания условий пролетарской революции следовало и **оппортунистическое понимание роли партии в рабочем движении, в классовой борьбе.** Так как пролетариат обособляется от мелкой буржуазии и промежуточных слоев трудящихся **самой постановкой** своих революционных задач, он, естественно, может не беспокоиться за оппортунистическое, идейное и социальное загрязнение своей партии, он может положиться на руководство выдающихся личностей, умеющих разбавлять революционность оппортунизмом и укреплять оппортунизм словесной революционностью.

Взгляд на партию, как пролетарский авангард, осуществляющий централизованное руководство всеми отраслями рабочего движения, всеми формами организации и классовой борьбы, неразрывно связан с задачей осуществления пролетарской гегемонии в революции [2]). Кто отрицает революционно-организаторскую роль пролетариата в этом смысле, тот неизбежно приходит и к отрицанию централизованного руководства авангарда всеми формами движения, тот на место этого руководства подставляет соединение в одно целое «различных потребностей рабочего движения, обслуживаемых различными фракциями».

Раньше большевистское централизованное руководство рабочим движением и движением масс вообще тов. Троцкий называл «ленинским сектантством» и «кружковщиной».

---

[1]) «Борьба». № 7—8. 1914 г.

[2]) **А следовательно, и пролетарской диктатуры!**

В прошлогодней дискуссии «**бюрократизмом**» он наименовал партийное руководство всеми отраслями советской работы и хозяйственной, в первую очередь.

Есть ли тут связь между старым и новым?

Она самоочевидна. В «Новом курсе» тов. Троцкий повторял свою старую «теорию потребностей», обусловливающих «**законность**» **фракционных группировок.** Он писал: «Партия может нередко разрешать одну и ту же задачу разными путями. **И разногласия возникают насчет того, какой из этих путей будет лучше, короче, экономнее.** Такого рода разногласия могут, в зависимости от характера вопроса, захватить широкие круги партии, но **это вовсе не будет означать, что тут идет борьба двух классовых тенденций.** Можно не сомневаться, что у нас это еще случится не раз, а десятки раз впереди, ибо путь перед нами трудный, и не только политические задачи, но и, скажем, организационно-хозяйственные вопросы социалистического строительства будут создавать разногласия и **временные группировки мнений.** Политическая проверка всех оттенков марксистским анализом[1]) является для нашей партии всегда необходимейшей предохранительной мерой. Но конкретная марксистская проверка, а не косный шаблон, как орудие самообороны бюрократизма» [2]).

Не понимая классового содержания нашей революции, тов. Троцкий **и в старое время не понимал классового содержания фракционных делений.**

Его примиренческая теория состояла в старом меньшевистском изображении рабочей партии, как «интеллигентской надстройки над рабочим движением».

С полным правом обрушивался тов. Ленин на эту теорию, как на извращение действительности. Когда Мартов и Троцкий отправились искать поддержки ликвидаторам партии на страницы научного органа немецкой социал-демократии «Нейе Цейт», Ленин сразу же разоблачил их попытку: «Теория, видящая в борьбе большевизма и меньшевизма борьбу за влияние на **незрелый** пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 года (если не с 1903 г.) в бесчисленных книгах, брошюрах статьях **либеральной** печати. Мартов и Троцкий преподносят

---

[1]) Не таким ли, как в 1914 году?!

[2]) Л. Троцкий. «Новый курс». Стр. 29—30.

немецким товарищам **марксистски подкрашенные либеральные взгляды.**

Конечно, русский пролетариат гораздо менее зрел политически, чем западно-европейский. Но из всех классов русского общества именно пролетариат обнаружил в 1905—1907 годы **наибольшую** политическую зрелость. Русская либеральная буржуазия, которая вела себя у нас так же подло, трусливо, глупо и предательски, как немецкая в 1848 году, **именно потому** ненавидит русский пролетариат, что он оказался в 1905 году **достаточно зрел политически**, чтобы вырвать у этой буржуазии **руководство** движением, чтобы беспощадно разоблачать предательство либералов.

«Иллюзия» думать,—заявляет Троцкий,—будто меньшевизм и большевизм «пустили глубокие корни в глубинах пролетариата». Это—образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в «глубинах пролетариата, а в **экономическом содержании** русской революции лежат корни расхождения меньшевиков с большевиками» [1]).

Одна черточка, характеризующая **весь** троцкизм: «непрерывная социалистическая революция» уже в 1905 году и... «незрелый пролетариат» даже после «генеральной репетиции» Октября 1917-го—в 1905—1907 годах!

В дискуссии 1923—1924 г.г. тов. Троцкий со всей рьяностью обстреливал «аппаратский бюрократизм», видя в нем источник всех зол и бед наших.

«Если бюрократизм грозит, как говорила резолюция ЦК, отрывом партии от масс, а следовательно, и ослаблением классового характера партии, то уже отсюда вытекает, что борьба против бюрократизма ни в каком случае не может быть заранее [2]) отожествлена с какими-либо **непролетарскими** влияниями» [3]).

Опираясь на это, тов. Троцкий сейчас же принимался за мобилизацию непролетарских элементов, наиболее невыдержанных и некрепких,—против ЦК РКП (б).

— «По своему составу и связям **учащаяся молодежь отражает все социальные прослойки**, входящие в нашу партию,

---

[1]) Ленин. «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России». Собр. соч. Т. XI, ч. 2, стр. 293.

[2]) Во-время ввернутое словечко!

[3]) Л. Троцкий. «Новый курс». Стр. 29.

и впитывает в себя их настроения. По молодости и отзывчивости она склонна этим настроениям немедленно же придавать активную форму. Как учащаяся молодежь, она стремится об'яснять и обобщать» [1]).

И далее: «фабрично-заводские ячейки по классовому составу своему являются, разумеется, коренными. Но тот факт, что они составляют одну шестую часть партии и что наиболее активные элементы партии из'емлются из них и вводятся в партийный или государственный аппарат, **не позволяет партии** пока еще, к несчастью, **опираться** только или **даже преимущественно на производственные ячейки.** Рост этих последних будет надежнейшим измерителем успехов партии в области промышленности и вообще хозяйства и, вместе с тем, лучшей гарантией сохранения ее пролетарского характера. Но вряд ли можно надеяться на их быстрый рост уже в ближайшее время [2]). **Партии придется, следовательно, в ближайший период обеспечивать свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки разного состава»** [3]).

Опять—in primo loco!—«незрелый пролетариат», опекаемый тов. Троцким с помощью вузовой молодежи!

Тов. Троцкий всегда ставил «любовь к дальнему» выше «любви к ближнему». По теории «перманентной» революции выходило всегда так, что настоящую социалистическую революцию—без всякой посторонней помощи—сделает только и исключительно идеально-зрелый пролетариат. Но зато в каждый конкретный момент борьбы этот пролетариат... оказывался «незрелым» и его за эту провинность отдавали в обучение либо «августовскому блоку», либо «марксистскому центру», либо «межрайонке», либо... «учащейся молодежи» и товарищам Преображенскому, Сапронову и Осинскому!

Ведь и в прошлогодней дискуссии коммунистическую часть пролетариата тов. Троцкий изображал как безвольную и расслабленную жертву «аппаратского бюрократизма»!

Во время дискуссии о профсоюзах в 1921 году тов. Троцкий также пришел к **практическому** отрицанию связи авангарда с рабочей массой, и тогда также **теоретически** он доказывал «оторванность профсоюзов от масс».

---

[1]) Л. Троцкий. «Новый курс» Стр. 18.

[2]) «Перманентное» предвидение ленинского призыва!

[3]) Л. Троцкий. «Новый курс». Стр. 36.

—У тов. Троцкого всегда была потребность отрывать партию от пролетарской массы под «принципиальным» предлогом ее, якобы слишком большой «оторванности от масс».

Тов. Троцкий **не захотел** понять и принять уроков прошлой дискуссии, зафиксированных XIII-й всесоюзной партийной конференцией и XIII-м с‘ездом РКП.

Он и до сих пор не желает вместе с партией признать **мелкобуржуазный уклон** своей фракционности. Напротив того, он продолжает атаку на мозг и становой хребет большевизма.

В прошлой дискуссии у него **чрезвычайно искренне** вырвалось восклицание: «Партия не может жить только [1]) капиталом прошлого. **Достаточно** того, что прошлое подготовило настоящее» [2]).

Своей фальсификацией Октября Троцкий стремится внушить, что старая гвардия не только воплощает **мертвую** «традицию», но что она при этом еще всегда была и оставалась «**оторванной**» от пролетарской революции.

Все зло бюрократизма для тов. Троцкого, согласно «Новому курсу», сконцентрировалось **на партийном руководстве государственным аппаратом.**

Это было признано **единогласными** решениями партии.

«Величайшим источником бюрократизма является государственный аппарат»,—заявлял тов. Троцкий.—«С одной стороны, он поглощает и впитывает в себя огромное количество наиболее активных элементов партии и приучает наиболее ответственных из них к методам администрирования людьми и вещами, вместо политического руководства массами [3]). С другой стороны, он требует львиной доли внимания к себе со стороны партаппарата, воздействуя на этот последний своими методами администрирования. Отсюда уже в значительной

---

[1]) «Внефракционная» увертка!

[2]) Л. Троцкий. «Новый курс». Стр. 14.

[3]) Опять тут «нашим же добром нам бьют челом». В разгар дискуссии о профсоюзах Вл. Ильич писал против Троцкого: «Есть ценный военный опыт: героизм, исполнительность и проч. Есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого, вопреки его сознанию и воли, оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте». (Собр. соч. Т. XVIII, ч. I. стр. 23).

Тогда же Ильич указывал, что во взглядах Троцкого «красной нитью проходит. . . **подход администратора** к «кризису» в профорганизации». (Там же, стр. 63).

степени вытекает **бюрократизация партаппарата**, грозящая отрывом партии от масс. Именно **эта опасность** является сейчас **наиболее оформившейся, непосредственной, явной»** [1]).

Своей постановкой вопроса о бюрократизме тов. Троцкий показал, что: 1) он не видит опасности мелкобуржуазно-чиновничьих, нэповских и интеллигентских стремлений **к отрыву** государственной машины от партийного руководства; 2) что, независимо от своей воли, он **поощряет** эти стремления своим **отрицанием партийности по отношению к государственному аппарату**; 3) что он продолжает «перманентно» не понимать, что бюрократизм у нас, в первую голову, есть «надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя» [2]), что именно «**курсом на деревню**» нужно его побеждать и устранять.

Отрицание партийности в пользу мелкобуржуазности,— отрицание централизованного партийно-пролетарского руководства государственным аппаратом и отрицание партийной централизации и дисциплины в коммунистическом авангарде— вот, что вышло из всего похода Троцкого «против бюрократизма».

Отрицание курса на крестьянство, неверие в пролетарскую «зрелость», курс на городские мелкобуржуазные элементы—все это старые песни по старым социал-демократическим нотам.

— «Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» [3])

12. Уроки октября 1923 года

Принимая—в «Уроках Октября»—строгую позу для назидательного нравоучения, тов. Троцкий не ограничивается атакой против РКП, но наступает **и на Коммунистический Интернационал.**

— «Мы имели в прошлом году два жестоких поражения в Болгарии: сперва партия, по соображениям доктринерски-

---

[1]) Л. Троцкий. «Новый курс». Стр. 37.

[2]) Ленин. О продналоге. Собрание соч. Т. XVIII, ч. 1. Стр. 223.

[3]) Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Собр. соч. Т. XVII. Стр. 136.

фаталистического характера, **упустила** исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июньского переворота Цанкова), затем, стремясь исправить ошибку, партия **бросилась** в сентябрьское восстание, **не подготовив** для него ни политических, ни организационных предпосылок. Болгарская революция должна (?) была явиться вступлением к немецкой революции. К несчастью, дурное болгарское вступление нашло еще худшее развитие в самой Германии. Мы наблюдали там во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно **упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения.** Опять-таки, **ни болгарский, ни даже германский опыты прошлого года до сих пор не нашли достаточно полной и конкретной оценки.** Автор этих строк дал общую схему развития немецких событий в прошлом году (см. книжку «Восток и Запад» в главах «На повороте» и «Через какой этап мы проходим»). **Все, что произошло с того времени, целиком и полностью подтвердило эту схему. Никакого другого об'яснения, никто другой не пытался представить»**[1]).

Тов. Троцкого нельзя упрекнуть в «национальной ограниченности»: он столь же бесцеремонен с фактами международного рабочего движения, как и с событиями нашей Октябрьской революции.

Но сначала устраним очередное «недоразумение» насчет болгарских событий.

Это старая штука: когда происходит нехватка в об'яснении, через пустоту делают словесные прыжки!

Что же было в Болгарии? Болгарская партия не встала во главе крестьянского восстания, вызванного свержением болгарского Керенского болгарским Корниловым.

Она обрекла себя сначала на бездействие, а потом на поражение потому, что ей казалось, что тут идет только «фракционная», семейная борьба между крупной и мелкой буржуазией, не имеющая никакого революционного значения. Вместо того, чтобы—наподобие большевиков в корниловские дни 1917 года—воспользоваться стихийным отпором масс реакции и завоевать **гегемонию** пролетарскому авангарду в этой

---

[1]) Л. Троцкий. «1917». Стр. XII.

борьбе, болгарские коммунисты «сказались в нетях». Ошибка их состояла... в «недооценке» крестьянства, в практическом отрицании пролетарского руководства по отношению к крестьянским массам, в... прыжке через крестьянство. С точки зрения теории «перманентной» революции, **с точки зрения троцкизма, а не ленинизма**, против болгарской ошибки нет никаких доводов.

Поэтому, приходится прятаться за словечко о «соображениях доктринерски-фаталистического характера».

Однако, развивая свое наступление, тов. Троцкий не останавливается на этом и обвиняет болгарских товарищей, что они позже попытались исправить или, по крайней мере, сгладить свою ошибку сентябрьским восстанием. Этот упрек звучит совершенно по-меньшевистски.

Весь Коммунистический Интернационал признал **героизм** этой попытки болгарских коммунистов, а тов. Троцкий на этом пытается наживать фракционный «капиталец» против Исполкома Коминтерна.

Но это ведь лишь «цветочки», «ягодки» же будут впереди.

Троцкий заявляет, что никто, кроме него, не дал никакого мало-мальски удовлетворительного об'яснения по поводу немецкого октября 1923 года.

Это поистине чудовищно.

V конгресс Коминтерна не только дал совсем другое об'яснение, но и осудил, как оппортунизм, взгляды Троцкого.

На V конгрессе от тов. Троцкого добивались об'яснений по поводу поддержки им международного оппортунизма. Он **не пожелал разговаривать с международным авангардом рабочего класса и свои жалобы на международный коммунизм перенес в другую инстанцию... на с'езд ветеринарных врачей!**

В этом же направлении он продолжает действовать и дальше.

Он **игнорирует V конгресс Коминтерна**, и находятся еще люди, которые печалятся, что кто-то хочет «обидеть тов. Троцкого».

Кто тов. Троцкого обидит, если он умудрился обидеть даже и Коминтерн.

Какова же, по существу, была позиция тов. Троцкого в немецком вопросе?

В настоящее время тов. Троцкий усиленно рекомендует одиннадцатую заповедь—«не зевай!» и надеется таким путем выйти из затруднительного положения.

Он сводит все к недостаточному учету обстановки с **военной** точки зрения и красноречиво молчит о **политических** причинах поражения. Революция для него **только военный план**, который проводят **полководцы**. Полководцы же, как и все прочие вещи и лица на этой грешной земле, бывают плохие и хорошие.

Мы видим, что суб'ективная школа в марксистской социологии находит свое применение не только на русской почве. «Налево кругом, марш!»—командуют генералы, и революция готова. Вся хитрость в том, чтобы найти генерала, который бы во-время подал команду.—Здесь от Маркса и Ленина мы прямо «поднимаемся» до откровений незабвенного Иловайского!

Только тов. Троцкий может так «гармонически» соединять боевую поступь с оппортунистическим вихлянием. Вот послушайте:

«Сейчас лишь **условное** значение может иметь вопрос о том, справилось ли бы с задачей **левое** крыло, если бы оно было у власти в прошлом году? Откровенно говоря, мы думаем, что нет»[1]).

Нам чрезвычайно лестно узнать откровенное мнение тов. Троцкого, подносимое с такой простотой. Тем не менее, в тезисах Радека, выражавших не только его собственную точку зрения, но и точку зрения Троцкого и Пятакова[2]), мы читали (в январе 1924 года) следующее: «Исполком решительнейшим образом отвергает попытку вождей берлинской организации противопоставить себя партии[3]), как призванных критиков, придерживающихся тактики, которая, будучи принята партией, обеспечила бы ей победу. Если бы партия преследовала тактику, которую предлагали ей вожди берлинской организации еще с 1921 г., то она бы не понесла поражения в октябре по

---

[1]) Л. Троцкий. «Пять лет Коминтерна». Предисловие. Стр. IX.

[2]) См. К. Радек, «Пять лет Коминтерна» Часть II. Стр. 409— примечание.

[3]) Партия отожествляется с правой фракцией Брандлера.

той простой причине, что она была бы сектой, которая и вообще не могла бы поставить себе задачу завоевания власти»[1]).

Почему же сейчас тов. Троцкий так жеманится? Ведь он, вместе с Радеком и Пятаковым, **поддерживал немецкую правую.**

Была ли в октябре 1923 г. стратегическая ошибка?

Несомненно, была. «План войны» был рассчитан **на соглашение** с «левыми» социал-демократами; развитие наступательной инициативы германский Центральный Комитет связал с колебаниями «левых» меньшевиков; единый рабочий фронт с.-д. и коммунистов в правительствах Саксонии и Тюрингии был принят за базу для чисто-парламенстского «завоевания власти». Судьба восстания, **благодаря этому**, была фактически вручена «левым» социал-предателям. Немецкая правая, возглавлявшая ЦК, **оппортунистически извратила** правильную линию Коминтерна, рассчитанную на **переход** от тактики единого фронта к тактике прямого ниспровержения врага.

Вместо разоблачения ошибок немецкой правой, Троцкий **прикрывал и прикрывает** ее **политические** ошибки и уклоны «военными соображениями».

Говорить о «прозеванной» революции можно только с точки зрения «перманентной» революции, обходящей классовые препятствия с помощью скачков.

Гамбургское восстание было «прозевано» тов. Троцким и он упустил возможность понять, что октябрь 1923 года в Германии был лишь первым грозовым **предвестником** новой революционной эпохи.

В интересах международного оппортунизма, вместе с Брандлером и другими представителями немецкой правой, Троцкий стал **раздувать поражение** германского пролетариата в прошлом году.

Так, 21 июня 1924 г., ветеринарные врачи узнали от него, что «в конце 1923 г. **мы потерпели поражение, никак не меньшее, чем наше поражение в 1905 г.»** [2]).

«После поражения 1905 года нам понадобилось семь лет, чтобы движение, под влиянием Ленского толчка, снова быстро пошло в гору, понадобилось двенадцать лет, чтобы вторая революция дала победу пролетариату. Германский пролета-

[1]) К. Радек. «Пять лет Коминтерна». Часть I. Стр. 423—424.

[2]) Л. Троцкий. «Запад и Восток». Стр. 128.

риат потерпел в прошлом году величайшее поражение. Ему нужен известный и притом **значительный промежуток времени**, чтобы переварить это поражение, усвоить его урок и **оправиться от него**, заново собрать свои силы, при чем обеспечить ему победу коммунистическая партия сможет лишь в том случае, если полностью и целиком сама усвоит уроки прошлого года. Сколько времени понадобится на эти процессы? **Пять лет? Двенадцать лет? Никакого точного ответа на этот вопрос дать нельзя...»** [1])

Переход от безмерного оптимизма к безмерному пессимизму тов. Троцкий совершал и после 1905 года. И тогда и теперь это влекло его на подводные камни оппортунизма.

В этой игре настроений логики искать трудно.—В самом деле, с одной стороны, тов. Троцкий грозит смертными бедами за недостаточно быстрое усвоение уроков германского поражения, а с другой,—наводит **панику** преувеличением размеров поражения, поддерживает ту правую группу, которая провалила революционное руководство в октябре 1923 года, всячески обескураживает и охаивает «левую», взявшую на себя исправление оппортунистических ошибок Брандлера, Тальгеймера, Радека и др.

Мало этого. Раздувая поражение германских пролетариев, он одновременно ухитрялся «об'ективно» предугадать **длительность «пацифистско-демократической» эры.**—«Этот основной факт надо понять твердо: хозяином положения являются Соединенные Штаты, потому что они неизмеримо богаче Европы и всего мира. **Экономическое могущество заатлантической республики еще только должно в ближайший период в полном об'еме сказаться не только на международной обстановке, но и на внутренних отношениях в Европе.** С остановками и поворотами вспять политика Соединенных Штатов направлена на **«умиротворение» Европы путем полного подчинения ее гегемонии американского капитала.** Европейская социал-демократия стремится ныне к этому, как к высшему идеалу... Ход **соглашательской главы** в развитии Европы будет в огромной степени зависеть от того, с каким успехом—и с успехом ли вообще—пойдет превращение капиталистической Европы в американский доминион особого типа» [2]).

---

[1]) Там же. Стр. 134.

[2]) Л. Троцкий. «Запад и Восток». Предисловие. Стр. I—II.

Не придерживаясь «психологического» метода, мы не будем обвинять тов. Троцкого в заимствовании своего «предвидения событий» у Рудольфа Гильфердинга. Но, на основании его уверений во всемогуществе «миротворческого» воздействия американского капитала на Европу[1]) позволим себе его упрекнуть в том, что вместе с Гильфердингом он отдал **дань оппортунистическим иллюзиям о длительности макдональдовщины на базисе американского ростовщичества.**

Тов. Троцкий произвольно сбросил со счетов соперничество империалистических держав в самой Европе, представив капиталистическую Европу как единое целое по отношению к Америке. Тем самым он оставил в стороне тот факт, что вмешательство американского империализма не ослабляет, а **усиливает антагонизмы и противоречия внутри европейского капитализма,** ближе подводит нас ко второй империалистической войне. Тем самым он авансом признал известный успех плана Дауэса. Тем самым он подвел под макдональдовщину базу, не соответствующую по своему весу этому соглашательскому эпизоду. Наиболее острые проявления классовой борьбы—восстания и революционные выступления рабочих и крестьянских масс, с одной стороны, фашизм правящих классов, с другой—в этой перспективе Троцкого оказались за бортом **ближайших** возможностей.

Вряд ли нужно доказывать теперь «просчет» тов. Троцкого в международной политике. Болдуин, Кулидж, вся нынешняя обстановка буржуазного курса направо после 9 месяцев макдональдовщины говорят за себя.

Здесь была обнаружена такая же «дальнозоркость», как и в нашем «домашнем» вопросе о «ножницах»: осенью прошлого года во имя «ножниц» нам подсовывали «план», откладывавший денежную реформу... до под'ема промышленности!

Троцкий в 1923—24 году выступил **вождем всей правой Коминтерна.**

Именно поражение октября 1923 года в Германии и прошлогодняя дискуссионная лихорадка в РКП вызвали **наступление правых элементов в международном коммунистическом авангарде.**

---

[1]) Предисловие от 15 июля 1924 г.

В «Уроках Октября» Троцкий старается найти внешне-«об'ективное» об'яснение этому наступлению, ныне отбитому и осужденному V Конгрессом Коминтерна.

«Основным инструментом пролетарского переворота служит партия. На основании нашего опыта, взятого хотя бы только на протяжении года (от февраля 1917 г. до февраля 1918г.), и на основании дополнительного опыта в Финляндии, Венгрии, Италии, Болгарии, Германии **можно установить, почти-что в качестве непреложного закона, неизбежность партийного кризиса при переходе от подготовительной революционной работы к непосредственной борьбе за власть.** Кризисы внутри партии, вообще говоря, возникают на каждом серьезном повороте партийного пути, **как предверие поворота или как его последствие.** Об'ясняется это тем, что **каждый период в развитии партии имеет свои особые черты и пред'являет спрос на определенные навыки и методы работы... Если поворот слишком крут или слишком внезапен, а предшествующий период накопил слишком много элементом инерции и консерватизма в руководящих органах партии, партия оказывается неспособной осуществить свое руководство в наиболее ответственный момент, к которому она готовилась в течение годов или десятилетий. Партия раз'едается кризисом, а движение идет мимо нее—к поражению»** [1]).

— Мы протираем глаза: как будто перед нами венская «Правда» [2]) или ликвидаторская «Наша Заря»!

Мы имеем повторение в девственной чистоте той самой примиренческой «теории потребностей», с помощью которой тов. Троцкий тащил рабочих в союз с ликвидаторами, с фракцией Чхеидзе в 1910—1916 годах.

Кризисы в партиях об'ясняются не развитием классовых противоречий вокруг них, а несогласованностью различных психологических навыков, соответствующих различным потребностям. — В 1910 — 1914 годах Троцкий «об'единял» нас с ликвидаторами, опираясь на то, что большевизм представляет «революционный инстинкт» и потому особо годен для подполья, ликвидаторство же представляет «опыт европейской социал-демократии» и потому без него нельзя обойтись

---

[1]) Л. Троцкий. «Уроки Октября». Стр. XIV—XV.

[2]) Примиренческо—меньшевистская, а не наша питерская.

в работе легальных профсоюзов, просветительных обществ и т. д.

Теперь тов. Троцкий прививает эти взгляды Коминтерну, добиваясь поощрения **правых** элементов.

Как тогда, так и теперь это «внефракционное» примиренчество было не чем иным, как проявлением беспринципности.

Ссылка Троцкого на «закон внутрипартийных кризисов» есть **оправдание оппортунизма в Коминтерне ложной ссылкой на то, что этим «была больна» в Октябре и ленинская партия.**

Троцкий особо выделяет психологический тип **военного** руководителя революции и превозносит его перед **«поверхностно-агитаторскими»** темпераментами.

И это «глубокомыслие» **заменяет** Троцкому марксистский анализ течений в рабочем движении.

Достаточно указать на это пальцем, чтобы все могли убедиться, как далеко зашел тов. Троцкий в полемике совсем... непринципиального характера!

Идейное, духовное сродство уклона Троцкого с рецидивами социал-демократических колебаний в Коминтерне—самоочевидно.

В Германии, во Франции, в Чехо-Словакии, в Скандинавских странах, всюду **правое крыло компартий** поддерживало русскую оппозицию и делало ошибку—применительно к своим «национальным» условиям—в том же самом вопросе, что и тов. Троцкий со своими единомышленниками, в **вопросе о взаимоотношениях авангарда и массы, в вопросе о проведении пролетарской гегемонии в революционном смысле.**

Хеглунд в Швеции докатился до полного отрицания международной партийной дисциплины и централизации в пользу Брантинга.

Суварин во Франции настолько «переоценил» макдональдовщину, что сделал почти незаметным ее отличие от коммунизма.

Крейбиг в Чехо-Словакии договорился до «честной коалиции всех рабочих партий», как парламентского этапа к «безболезненному» завоеванию пролетарской диктатуры. Он же наиболее ярко выразил отрицание пролетарской гегемонии в национальном вопросе, поддавшись чешскому мелкобуржуаз-

ному уклону, отвергающему национальную свободу для угнетенных чехами национальностей.

В Германии правое крыло отказалось от коммунистического революционного первородства, подчинившись мелкобуржуазным колебаниям «левых» социал-демократов.

Во всемирно-историческом масштабе в нашу эпоху идет **борьба** между двумя линиями развития рабочего класса, между двумя типами его классовой организации: **между макдональдовской «Рабочей Партией»**, партией-арьергардом, партией-филиалом империализма и прибежищем мелкобуржуазной бесхарактерности, **и ленинской партией-авангардом революции.**

Мимолетная победа макдональдовщины при поражении массового пролетарского под'ема в Германии вызвала колебания в среде наиболее неустойчивых элементов мировой коммунистической партии. Вся «оппозиция» в Коминтерне свелась к колебанию кучки не особенно удачных вождей— **от коммунизма—к макдональдовщине** (ибо макдональдовщина есть единственная **современная** форма меньшевизма).

V конгресс Коминтерна, приняв **курс на большевизацию партий**, на окончательную перестройку их на идейных и организационных [1]) принципах большевизма, вынес свой приговор: **против троцкизма и за ленинизм.**

13. Троцкизм или ленинизм?

Мы поставили этот вопрос потому, что разногласия тов. Троцкого с партией и Коммунистическим Интернационалом вошли **именно в эту фазу.**

Партия не может жить под Дамокловым мечом непрерывных дискуссий.

Партия не может предоставить произволу отдельных личностей нормальное течение своей жизни.

Партия не может, не подрывая своих основ, демонстрировать **бессилие** своих единогласных решений перед кем бы то ни было.

Партия не может допустить партийно-легализованной, партийно-узаконенной ревизии ленинизма.

---

[1]) На базисе **фабрично-заводских ячеек.**

1923—1924 годы были периодом чудовищного скопления фракционных ошибок тов. Троцкого.

Тов. Троцкий ошибся в вопросе о взаимоотношении рабочего класса и партии, в вопросе о росте партии и о внутрипартийном курсе на социально-разношерстные прослойки.

Тов. Троцкий ошибся в своей борьбе за фракционность против партии.

Тов. Троцкий ошибся в своем «планировании» сверху, в разрез с насущными интересами союза рабочих и крестьян.

Тов. Троцкий ошибся в своей переоценке устойчивости западного капитализма и в недооценке наших внутренних советских возможностей.

Тов. Троцкий ошибся в поощрении и поддержке худших оппортунистических элементов в Коминтерне.

Тов. Троцкий ошибся в октябре 1923 года и продолжает сбивать с толку и дальше.

Тов. Троцкий ошибся в своей попытке найти пролетарское сочувствие ревизии ленинизма и продолжает эту ревизию, связывая ее с мелочной личной драчливостью.

Когда же кончит ошибаться тов. Троцкий?

Мы знаем, как враждебные нам силы постоянно бьются во все наши щели, чтобы обессилить пролетарскую революцию, пролетарскую диктатуру.

Подкоп под идейные основы ленинизма под видом «Уроков Октября» гораздо более опасен и более вреден, чем подкоп под организационные устои ленинизма в форме защиты фракционности.

Тов. Троцкий пытается под флагом партии защищать свои старые небольшевистские и некоммунистические взгляды.

Партия—авангард международной пролетарской революции—не может уподобляться страусу и, пряча голову под крыло, **сквозь пальцы смотреть на оппортунистический ревизионизм.**

За партию!

За ленинизм!

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Большевизм или троцкизм?

Куда ведет теперь линия троцкизма.

1. Октябрьские разногласия и моя тогдашняя ошибка. Кое-что о Бресте и о первом с'езде партии после Октября.

Подменить ленинизм троцкизмом—такова задача, которую поставил себе т. Троцкий. К этому он начал «подговариваться» уже в конце 1922 г. в его предисловии к «1905» году (см. об этом подробнее в докладе т. Каменева). Пока т. Ленин держал перо в руках, тов. Троцкий не решался на прямое нападение. Теперь тов. Троцкий, повидимому, решил, что «настал момент». Раньше, чем нанести «решающий удар» по всем правилам стратегии, необходимо произвести артиллерийскую подготовку. Роль дымовой завесы должно сыграть нападение на так называемое «правое крыло» большевизма, в частности на октябрьскую ошибку пишущего эти строки.

Мне, действительно, довелось совершить в начале ноября 1917 г. громадную ошибку. Ошибка эта, правда, была признана и исправлена мною в течение нескольких дней. Но так как дни-то эти были не обычные, а решающие, так как острота момента была исключительная, то и ошибка была крайне опасной.

Не мне, во всяком случае, преуменьшать размер этой ошибки.

Именно необычайной остротой момента об'ясняется и тот суровый отпор, который дал тогда нашей ошибке Владимир Ильич. Все самые драконовские меры взыскания, какие он предлагал тогда против нас, все самые страстные бичевания, которыми он обрушился, были, разумеется, вполне справедливы. Через самое короткое время (через несколько недель, а к началу споров о Брестском мире и подавно) после этих событий В. И., как знают все ЦК и вся руководящая часть партии, сам уже считал эти разногласия вполне ликвидированными.

В своем докладе: «Троцкизм и ленинизм» т. Сталин очень хорошо заметил, что в период сентября—октября, в силу ряда обстоятельств, революция каждый свой шаг наступления старалась проделать под видом обороны. После всех перипетий, связанных с корниловщиной, это было понятно. Я, сидевший тогда в подпольи, в своей ошибке стал в известной мере жертвой именно этой особенности тогдашней фазы.

Как именно об'ясняется моя тогдашняя ошибка и каковы ее пределы—на этом мы остановимся подробнее в другом месте. (В ближайшие недели я надеюсь выпустить мои тогдашние статьи с подробным введением и с приложением всех доступных нам документов). Здесь же достаточно будет сказать следующее.

Возвращаясь к нашей ошибке через три года после совершения ее, тов. Ленин писал следующее:

«Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделал ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены. Они проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части «меньшевиков» и «социалистов-революционеров». Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной, и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель, самое большее несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты». (Ленин, собр. соч., т. XVII, стр. 373).

О «правом крыле» у тов. Ленина нет и речи.

Я сам (не дожидаясь напоминаний тов. Троцкого, который **меньше** других призван говорить о нашей ошибке) пытался осветить свою ошибку не раз и перед нашей партией, и перед всем Коминтерном. Я говорил о ней, например, при открытии IV всемирного конгресса Коминтерна, совпавшего с днем пятой годовщины Октября, в следующих словах:

«Позвольте теперь мне два слова личного отступления. Мне кажется, что я особенно обязан это сказать теперь, к пятой годовщине революции. Вы знаете, товарищи, что пять лет тому назад мне довелось, вместе с некоторыми другими товарищами, сделать большую ошибку, которая составляет, как я считаю, до сих пор, самую большую ошибку, какую мне пришлось сделать в жизни. Мне в то время не удалось полностью оценить всю контрреволюционность меньшевиков. К этому сводилась суть нашей ошибки перед Октябрем 1917 г. В течение десятка с лишним лет боровшись с меньшевиками, я все-таки, как многие товарищи, тогда, в решающую минуту, не мог отделаться от мысли, что меньшевики и эсеры являются хотя и правой фракцией, правым флангом, но все же частью рабочего класса. На деле же они являлись и являются «левым», весьма ловким, бойким и потому особенно опасным флангом международной буржуазии. И мне кажется, поэтому, товарищи, что мы обязаны напомнить всем нашим товарищам и т. д.) [1].

Я говорил о нашей ошибке в самой распространенной из моих книжек—в «Истории РКП» и в ряде более ранних своих выступлений.

Относить автора этих строк к «правому крылу» большевизма—просто-напросто смешно. Всей партии большевиков известно, что, работая рука-об-руку с т. Лениным в продолжение почти 20 лет, я ни разу не имел с ним сколько-нибудь острых расхождений, кроме указанного случая. Эпоха 1914—1917 г.г., от начала империалистической войны до начала пролетарской революции в нашей стране, была немаловажной эпохой. Именно в эти годы произошла решающая перегруппировка в лагере международного рабочего движения. Книги «Социализм и война» (1915 г.) и «Против течения» (книга эта вышла через несколько недель после Октябрьской революции и снабжена двумя предисловиями авторов, из которых одно помечено началом марта 1918 г.) достаточно говорят о том, что я ни в коем случае не являлся в это время представителем правого крыла большевизма. На апрельской 1917 г.

[1] Г. Зиновьев. Коммунистический Интернационал за работой. Тактические проблемы Коминтерна и работа его секций. 2-е изд. Гос. изд-во. Москва—Петроград. 1923 г. Стр. 14—15.

конференции, смысл [1]) которой так извратил тов. Троцкий, ни малейших разногласий с тов. Лениным у меня не было. В споре между т. Лениным, с одной стороны, и т.т. Каменевым, Ногиным и Рыковым, с другой стороны, я целиком был на стороне Ленина, как это видно из ряда моих докладов и речей на апрельской 1917 г. конференции. Самый этот спор оставался, разумеется, в пределах большевизма—так смотрели на это тов. Ленин и партия,—и только под пером тов. Троцкого спор этот получает вид борьбы «правого крыла» против партии. Ни малейших расхождений не обнаружилось у меня с тов. Лениным во время и после июльских дней. Мы имели случай проверить это на досуге в течение нескольких недель, пока мы скрывались вместе с В. И. в подпольи. Первое расхождение наметилось у меня около начала октября 1917 г., после ликвидации корниловщины, после статьи тов. Ленина «О компромиссах» (статьи, в которой В. И. предлагал на известных условиях соглашение меньшевикам и эсерам). Моя ошибка заключалась в том, что линию статьи «О компромиссах» я пытался продолжить на несколько дней позже. На несколько всего дней,—но дни-то тогда шли за месяцы.

На известном собрании ЦК от 10-го октября 1917 г., где было решено восстание и где впервые наметились расхождения о сроках восстания и об оценке шансов в учредилке между мною и Каменевым, с одной стороны, и остальными членами ЦК, с другой стороны, создано было первое политбюро ЦК для руководства восстанием. В это политбюро, как об этом можно прочитать в недавно найденном протоколе, было выбрано 7 человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов. На не менее важном собрании Центрального Комитета с рядом петербургских работников от 16-го октября, после прений между т. Лениным и нами, за предложение т. Ленина в окончательном виде было подано 19—за, 2—против, 4—воздержавшихся; за мою резолюцию, как это тоже видно из недавно найденных записей, было подано: за—6, против—15, воздержавшихся—3, при чем мое предложение вносилось тов. Володарским, как поправка к резолюции тов. Ленина. Мое предложение заключалось в том, что «в ближайшие 5 дней мы не устраиваем восстания, пока не с'едутся наши

[1]) Мы надеемся, что протоколы ее теперь-то уж скоро выйдут в свет.

товарищи и мы не посоветуемся, мы не должны начинать восстания». Мое письменное предложение, которое голосовалось на этом собрании, гласило: «Не откладывая разведочных, подготовительных шагов, считать, что никакие выступления впредь до совещания с большевистской частью с'езда советов недопустимы».

В этот период времени тов. Ленин выступает с известными статьями против нас. Я продолжаю усердно сотрудничать в «Правде». Когда выступление окончательно решено, я, чтобы погасить просочившиеся в печать преувеличенные слухи о разногласиях, пишу краткое письмо в редакцию (на тему «Сомкнем ряды»), помещаемое с припиской от редакции ЦО, что спор кончен, в основном мы были и остаемся единомышленниками. (См. «Правду» от 21 ноября 1917 г.).

В номере тогдашнего нашего центрального органа «Рабочий Путь» (вместо «Правды»), вышедшем в день восстания 25-го октября, передовая (неподписанная) принадлежит мне. Вторая статья рядом с передовой в этом номере (в эти дни я, сидевший в подпольи, часто писал по две и больше статей в день) также написана (и подписана) мною. В этой последней мы читаем:

«Великая задача, стоящая перед вторым с'ездом советов. Часы истории бегут. Бьет двенадцатый час. Малейшее новое промедление грозит уже прямо гибелью...»

«Последние надежды на мирный исход кризиса изжиты. Последние мирные надежды, которых—каюсь—до самых последних дней был не чужд и пишущий эти строки, разбиты жизнью».

«**Власть Советам!**—к этому сводится все в настоящий исторический момент».

В номере нашего центрального органа от 26-го октября (см. «Рабочий Путь» № 46) помещен краткий отчет о моем первом появлении после подполья на заседании Петроградского Совета 25 октября, в день восстания. Вот что мы читаем там:

«Слово предоставляется Зиновьеву, которому Совет устраивает бурную овацию.

Речь тов. Зиновьева.

— Товарищи, мы находимся в настоящий момент в периоде восстания. Я считаю, однако, что никаких сомнений относительно его результатов быть не может,—мы победим.

Я убежден, что громадная часть крестьянства станет на нашу сторону, после того, как крестьяне ознакомятся с нашими положениями по земельному вопросу.

Да здравствует начинающаяся отныне социальная революция! Да здравствует питерский рабочий класс, который доведет победу до конца!

Сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар в грудь всем империалистам и в частности палачу Вильгельму.

Долой войну, да здравствует международный мир!».

Остро вспыхнули вновь разногласия в нашей среде в первые дни ноября (по старому стилю), в момент, когда правые эсеры и меньшевики были уже разбиты и, когда вопрос шел о том, не удастся ли привлечь на сторону советской власти левых эсеров и лучшую часть меньшевиков. В эти дни мне, в числе других товарищей, пришлось принять участие в памятных переговорах с Викжелем (тогдашняя организация железнодорожников, верхушка которой была оборонческой и могущество которой тогда еще переоценивали, полагая, что в руках Викжеля будут находиться судьбы железных дорог, а стало-быть, в значительной мере и судьбы гражданской войны). Переговоры эти велись с полного согласия Центрального Комитета нашей партии (а стало-быть, и тов. Ленина) и тогдашнего ЦИК Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Разногласия эти разыгрались буквально в течение двух-трех дней, но зато острота их в эти два-три дня была необычайна.

2-го ноября 1917 г. ЦК нашей партии при участии тов. Ленина принял резолюцию, в которой говорилось:

«ЦК подтверждает, что, не исключая никого со 2 с'езда советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших (со второго с'езда советов, как известно, ушли правые эсеры и меньшевики) и признать коалицию этих ушедших в пределах советов, **что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти»** (курсив наш).

«ЦК подтверждает, что в день образования теперешнего правительства, за несколько часов до этого образования, ЦК пригласил на свое заседание трех представителей левых с.-р. и формально предложил им участие в правительстве. Отказ левых с.-р., хотя он был временным и условным, возлагает всецело и всемерно всю ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на этих левых с.-р.». («Правда», № 180, от 4/17 ноября 1917 г.).

Эти места в резолюции, несомненно, писанной тов. Лениным, читатель должен особенно запомнить, чтобы лучше понять все последующее.

В «Правде» (центральный орган нашей партии с 30-го октября вновь стал называться «Правдой»), в номере 180, от 4-го ноября, мы читаем следующее изложение моей речи, произнесенной в заседании Центрального Исполнительного Комитета СР и СД от 2-го ноября 1917 г.:

«От имени ЦК РСДРП (напоминаем, что тогда наша партия не называлась еще коммунистической) заявляет, что товарищи эсеры (дело идет о левых эсерах, которых ЦК нашей партии во главе с тов. Лениным пытался в это время привлечь к участию в первом советском правительстве) не должны были бы начинать с критики нас, большевиков, в то время, когда на улицах Москвы происходит то, о чем говорили сегодня наши делегаты-москвичи. (В это время в Москве шла еще борьба за власть советов). Мы при этом напоминаем товарищам эсерам, что раньше, чем оглашать состав нашего правительства, мы предлагали товарищам войти в правительство, но они заявили, что будут принимать участие в работах правительства, но в правительство пока не войдут».

На заседании Петроградского Совета от 3 го ноября 1917 г. (см. тот же № «Правды») пишущий эти строки сказал:

«Товарищи, среди нас находятся товарищи красногвардейцы, солдаты и матросы, которые через несколько часов отбудут в Москву для помощи нашим товарищам и братьям. (Бурные и продолжительные аплодисменты). Военно-Революционный Комитет еще два дня назад хотел послать т.т. москвичам помощь, но он встретил препятствие с той стороны, с которой, казалось, можно было ожидать только поддержку. Я говорю о некоторых руководящих кругах, о верхах железнодорожных служащих, которые в этот грозный для революции

час заняли «нейтральную» позицию. Но в этот страшный час нельзя быть ни теплым, ни холодным,—я не хочу употреблять резких слов, но вы сами понимаете, товарищи, как будущее охарактеризует этот факт.

На-днях была задержана отправка эшелонов в Москву. Когда спросили руководителей Викжеля, как это они могли сделать, последовал ответ: но мы ведь задержали также эшелоны из ставки. Человек, в груди которого бьется демократическое сердце, не может лишать рабочих и солдат возможности оказать своим товарищам помощь на том основании, что он помешал,—если только действительно помешал,—контрреволюционерам.

Нам необходимо обратиться к низам железнодорожников и об'яснить им, что при настоящих условиях означает «нейтральность». Я не сомневаюсь, что 99 проц. низших ж.-д. служащих и рабочих станет на сторону борющихся солдат и рабочих. Целый ряд центральных комитетов висит в настоящее время в воздухе. К сожалению, к числу последних принадлежит Викжель. Никто не мог предвидеть, что когда рабочие и солдаты будут драться на баррикадах, в это время руководящий орган железнодорожников будет хранить «нейтральность». Этому необходимо положить конец. Железнодорожный пролетариат, как один человек, должен стать на сторону борющихся рабочих и солдат, должен помочь им одолеть сопротивление буржуазии и помещиков. Промедление дольше невозможно. Нужно все бросить на чашку весов, чтобы приблизить час окончательной победы...

Привет товарищам, отправляющимся на помощь революционной Москве (бурные продолжительные аплодисменты). Теперь мы отдаем Москве то, что она дала революции в 1905 г. Она первая восстала тогда, она первая дала грандиозный бой самодержавию. Мы счастливы, что можем помочь теперь, что имеем возможность перебросить на московский фронт наши победоносные войска.

Да здравствуют товарищи, отправляющиеся в Москву,—на них смотрит вся Россия!

Весь Совет устраивает товарищам, едущим в Москву, шумную овацию».

Вечер 3 ноября и утро 4 ноября были наиболее напряженным моментом в переговорах с левыми эсерами и с тем со

вещанием, которое созвал Викжель. В этот момент мы и сделали наибольшую ошибку. Известное заявление в ЦК большевиков и в Совнарком (о нашем уходе с ответственных постов), сделанное группой товарищей, в том числе и мною (с ссылкой на неуступчивость нашего ЦК), подписано 4 ноября 1917 г., а 7 ноября 1917 г. мною помещено в «Правде» (см. «Правду» № 183) «Письмо к товарищам». В этом письме мы говорили (привожу важнейшую часть):

«ЦИК Всероссийского С'езда Советов выдвинул определенный план соглашения (резолюция 3 ноября), который я вполне разделяю, ибо он требует непременного признания декретов о земле, о мире, о рабочем контроле и признания советской власти».

«В ответ на резолюцию Центрального Исполнительного Комитета меньшевики выдвинули ряд предварительных условий. ЦИК, не желая затруднять переговоры, по нашему предложению, принял (вопреки непримиримым) решение, которое устраняло препятствия для этих переговоров».

«Тем не менее, другая сторона не пожелала пойти навстречу ЦИК. Условия, выдвинутые им, были отвергнуты меньшевиками и эсерами. Попытка соглашения была доведена до конца, вопреки всем препятствиям, но она не увенчалась успехом не по нашей вине. Теперь доказано, что **меньшевики и эсеры соглашения не хотели** и лишь искали повода, чтобы сорвать его. Теперь все рабочие и солдаты будут знать, на ком лежит ответственность за срыв соглашения. Теперь—я убежден в этом—и левые эсеры возложат ответственность за срыв соглашения на меньшевиков и войдут в наше правительство...»

«При создавшемся положении вещей, после того, как меньшевики отказались от переговоров на предложенных ЦИК условиях, я соглашаюсь на предложение товарищей и беру свое заявление об уходе из ЦК назад».

«Я обращаюсь к моим ближайшим единомышленникам. Товарищи! Мы пошли на большую жертву, выступив открытым протестом против большинства нашего ЦК и требованием соглашения. Это соглашение, однако, отвергнуто другой стороной... Время трудное, время крайне ответственное. Наше право, наш долг предостерегать партию от ошибок. Но мы остаемся вместе с партией, мы предпочтем делать ошибки вместе

с миллионами рабочих и солдат и вместе с ними умирать, чем отойти в сторону в этот решающий исторический момент...

Никакого раскола в нашей партии не будет и быть не должно».

С 8-го ноября я попрежнему принимаю участие в делах нашего Центрального Комитета. 9-го ноября я выступаю от его имени на всероссийском крестьянском с'езде, 10-го ноября— на заседании Петроградского Совета с речью о том, что Учредительное Собрание мы признаем, «**если** только это Учредительное Собрание будет выражать действительную волю рабочих, солдат и крестьян».

Разумеется, теперь, после 7 лет, каждому рядовому члену нашей партии покажется чудовищным, как это можно было еще сомневаться на счет реальной силы Викжеля и тех, якобы интернационалистов из эсеровского и меньшевистского лагеря, которые группировались около него. Необходимо, однако, перенестись в тогдашнюю обстановку, чтобы понять положение. Уже через каких-нибудь полгода после Октябрьского восстания стало ясно, что **и левые** эсеры становятся контрреволюционной силой. А в октябре 1917 г. т. Ленин и наш ЦК усиленно приглашали их в наше первое советское правительство, ибо они связаны были тогда с большими слоями крестьянства и частью рабочих. Да и самые переговоры с Викжелем, как видит читатель, велись с одобрения ЦК.

Результатом разоблачения меньшевиков и эсеров на викжелевском совещании было то, что левые эсеры, которых раньше тщетно приглашал т. Ленин в советское правительство, теперь вошли в него; а еще за пару дней до этого левые эсеры собирались выйти даже из ЦИК, что при тогдашней обстановке было бы ударом для большевиков и помешало бы завоеванию на нашу сторону крестьянства.

В «Правде» от 4-го ноября 1917 г. мы читаем:

«Фракция левых эсеров внесла **ультимативное** заявление в ЦИК о необходимости выработать приемлемую для обеих сторон платформу соглашения. Большинство ЦИК с этим требованием согласилось и платформа была выработана от имени ЦИК».

Непринятие этой платформы меньшевиками и эсерами на викжелевском совещании и привело к перемене тактики левых эсеров в пользу советской власти.

В эти дни на страницах «Правды» помещался ряд резолюций важнейших заводов (см., например, в № от 4-го ноября— «Путиловцы о моменте»), которые писали:

«Считая соглашение социалистических партий желательным, мы, рабочие... заявляем, что соглашение может быть достигнуто только на следующих условиях»... (и далее шли, примерно, те же условия, которые выдвинуты были нашими представителями на викжелевском совещании). Мы отразили в эти дни колебания этих рабочих,—в этом смысле ошибка была не личной и не случайной.

С точки зрения нынешнего положения вещей, через 7 лет после событий, разве не чудовищно звучат слова в резолюции нашего ЦК, что «абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделять власти». А ведь эти слова 2-го ноября 1917 г. написал т. Ленин и их одобрил наш ЦК. Всякий, кто вдумается в эти факты, всякий, кто вспомнит, что левые эсеры представляли тогда значительную часть крестьян, всякий, кто вдумается в обстановку вообще, тот поймет размер и характер тогдашней нашей ошибки, разумеется, ошибки большой, но все же не «социал-демократической».

Мы говорим все это, конечно, не для того, чтобы доказать, будто наша ошибка была мала. Вне ЦК партии мы оставались только 3 дня—с 4-го по 7-е ноября. Но все-таки ошибка эта была, как мы говорили при открытии IV конгресса Коминтерна, самой большой ошибкой, какую нам пришлось сделать в жизни. Все, что мы хотим доказать здесь, это только то, что делать вывод из этой ошибки о существовании «правого крыла» большевизма является неправдой.

Все, кто переживал тогдашние памятные дни знают, что, как ни тягостны были столь острые разногласия между ближайшими товарищами и друзьями, большой горечи от этих разногласий не осталось. Каждый относился тогда к ошибке другого с полной искренностью, без попыток «использовать» ошибку для «дипломатии», для фракционных целей. Все понимали, что только необычность момента привела к необычным мерам разрешения нахлынувшего, как вихрь, острого разногласия и, как вихрь же, быстро исчезнувшего, не наделавши большого вреда.

Разногласия эти были смыты лавиной новых событий, новых трудностей революции, они скользнули только по верхушке партии. Прошло буквально несколько дней, ошибка была признана самими ошибавшимися, и генеральный штаб партии и вся партия перешли к очередным делам. Это разногласие настолько не оставило следов в партии, что на первом же с'езде после Октябрьского восстания, происходившем через несколько недель после указанного разногласия (мы говорим о VII с'езде, который разрешал уже вопрос о Брестском мире),—на VII с'езде **никто решительно, ни один человек, ни одной фразой не обмолвился об этом разногласии.** Никто не бросил нам упрека в этой ошибке—хотя случилось так, что по поручению ЦК мне пришлось на этом с'езде резко воевать против тов. Троцкого и против «левых» [1]), а ведь ясно, что именно

[1]) Интересно отметить результаты выборов в новый ЦК на этом VII с'езде. Пишущий эти строки получил только **одним** голосом меньше, чем тов. Ленин.

Крайне интересно проверить настроение партии именно на **первом же** с'езде, через несколько недель после Октября, когда впечатления от бывших разногласий были еще совсем свежи. В этом отношении протоколы VII с'езда (изд. Госиздата, 1923 г.) представляют ценнейший документ.

Тов. Троцкий теперь в «Уроках Октября», через 7 лет после событий, говорит, что наша позиция в вопросе о Брестском мире была «капитулянтством». Это говорится задним числом в сентябре 1924 г. А вот что говорил **сам Троцкий** на VII с'езде **через несколько** недель после октябрьских разногласий:

«Перед последней поездкой в Брест-Литовск мы все время обсуждали вопрос о дальнейшей нашей тактике. И только один голос в ЦК (положим, не один—и тов. Ленин и тов. Сталин, и тов. Свердлов говорили то же; тов. Каменев был арестован в Финляндии **Г. З.**) за то, чтобы немедленно подписать мир; это голос Зиновьева. Он говорил совершенно правильно с своей точки зрения, я с ним был вполне согласен. Он говорил, что оттягиванием мы будем ухудшать условия мира, подписывать его нужно сейчас» (прот. VII с'езда, стр. 79).

Если предложение подписать Брестский мир было «капитулянтством», то «капитулянтом» был тов. Ленин (на деле к гибели революции, т.-е. к **подлинной капитуляции** вела тогда тактика Троцкого). Если в начале 1918 г. сам Троцкий давал отзывы в роде вышеприведенных, то кто же поверит его ультра-полемическим отзывам теперь, в 1924 году? Не ясно ли, что все это придумано задним числом.

по свежим следам партия обрушилась бы на виновного, если бы его вину она рассматривала так, как тов. Троцкий теперь. На VII с'езде, происходившем, повторяем, через несколько недель после Октября, борьба шла уже совсем по другой линии. О своем уходе со всех ответственных постов (см. протокол, стр. 147—148 [1]) заявил уже т. Троцкий. Против Троцкого и против «левых» коммунистов прошла резолюция Ленина и Зиновьева» (см. протокол, стр. 3), а по поводу уходов из ЦК вообще тов. Ленин сказал следующие слова:

«Я тоже был в Центральном Комитете в таком положении в то время, когда принималось предложение о том, чтобы мира не подписывать, и молчал, нисколько не закрывая глаза на то, что ответственности я за это не принимаю. У каждого члена Центрального Комитета есть возможность сложить с себя ответственность, не выходя из его состава и не устраивая скандала. Конечно, при известных условиях это, товарищи, допустимо, иногда это неизбежно, но чтобы это было необходимо теперь, при этой организации советской власти, которая дает нам возможность проверять себя, насколько мы не теряем контакта с массами, в этом я не сомневаюсь».

На VII с'езде тов. Троцкий, находившийся в нашей партии тогда всего только около полугода, в первый раз создал троцкистский кризис. С тех пор, увы, эти кризисы повторяются периодически.

---

[1]) «Партийный с'езд, высшее учреждение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я в числе других проводил в составе нашей брест-литовской делегации, которая имела известный международный отклик с двух сторон, и в рабочем классе, и среди правящих классов, и которая сделала имена участников этой делегации самыми ненавистными именами для буржуазии Германии и Австро-Венгрии; и сейчас вся германская и австро-венгерская пресса полна обвинений по адресу брест-литовской делегации и в частности по моему адресу в том смысле, что мы повинны в срыве мира и во всех дальнейших несчастиях. Хотел этого или не хотел партийный с'езд, но он это подтвердил своим последним голосованием, **и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия**». (Речь тов. Троцкого на VII с'езде, март 1918 г.). В такой совершенно необычной среди большевиков форме, тов. Троцкий подавал в отставку уже через 6 месяцев после своего пребывания в нашей партии.

2. О ревизии ленинизма под флагом... Ленина

Последнее выступление тов. Троцкого («Уроки Октября») есть не что иное, как уже довольно открытая попытка ревизии или даже прямой ликвидации—основ ленинизма. Пройдет самое короткое время, и это будет ясно всей нашей партии и всему Интернационалу. «Новое» в этой попытке заключается в том, что из «стратегических» соображений ревизию пытаются проделать именем Ленина. Нечто подобное мы видели в начале кампании Бернштейна и бернштейнианцев, когда они приступали к «ревизии» основ марксизма. Идеи Маркса были уже настолько общепризнаны в международном рабочем движении, что даже ревизию их приходилось, по крайней мере в начале, проделывать именем Маркса. Понадобилось четверть века, пока господа ревизионисты смогли окончательно сбросить маску и открыто признать, что и в теоретической области они начисто отрекаются от Маркса. С особенно полной откровенностью это сделано в литературе только в 1924 г.—в недавно вышедшем сборнике, посвященном 70-летию Каутского.

Идеи ленинизма настолько преобладают сейчас в международном революционном движении—и в особенности в нашей стране,—что «критики» ленинизма считают необходимым прибегнуть к такому же приему: они производят ревизию ленинизма «именем Ленина»—ссылками на Ленина, с божбой о верности основам ленинизма (покойный Владимир Ильич в этих случаях любил повторять: «И как божиться-то не лень?»). Однако, эта «стратегия» не поможет. Она уже разгадана ленинской партией. Не пройдет и нескольких недель, и все воробушки на крышах будут чирикать по поводу провала этой замечательной стратегии. Тов. Троцкий не учел малого: что партия-то у нас ленинская, и что она выросла уже настолько, что умеет, представьте себе, отличать ленинизм от троцкизма. Покушение тов. Троцкого есть **покушение с негодными средствами.** Никому не удастся ни ликвидировать основ ленинизма, ни произвести даже частичную ревизию принципов ленинизма, ни даже добиться того, чтобы троцкизм признан был «законным оттенком» внутри ленинизма. Никому не удастся убедить партию в том, что нам нужен теперь некий «синтез» между ленинизмом и троцкизмом. Троцкизм в такой же мере годится

быть составной частью ленинизма, как ложка дегтя «составной частью» бочки меда.

Что такое ленинизм? Ленинизм есть марксизм эпохи империалистских войн в мировой революции, **непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство.** Ленин был **пролетарским** революционером с головы до ног. Но он в то же время знал, что непосредственно действовать ему приходится в стране, где преобладает крестьянство, и где поэтому пролетариат может победить только при правильном отношении рабочего класса к крестьянству. Выдвинув перед революцией 1905 г. великий лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», Ленин не только ни на секунду не переставал быть пролетарским революционером, не только не делал уступок буржуазной демократии (меньшевики, и тов. Троцкий в том числе, как известно, в это время обвиняли тов. Ленина в том, что, назвав себя марксистом, Ленин па деле является будто бы идеологом буржуазной демократии), но был единственным, кто не на словах, а на деле прокладывал уже тогда дорогу **социалистической** революции в обстановке, когда буржуазная демократия была еще силой, способной расшатывать царское самодержавие. Ленин уже тогда чувствовал себя признанным вождем **пролетарской** революции и действительно был им. Он знал и верил, что большевистская партия, т.-е. подлинный авангард пролетариата, поможет рабочему классу прорваться как можно дальше по пути к осуществлению своих классовых целей, т.-е. по пути к победе **пролетарской** революции. Он знал, что при каждой ситуации он и его партия сделают все, что только возможно, для того, чтобы взять от этой ситуации как можно больше для **конечной цели** пролетарского движения. Он понимал соотношение между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями так, что «первая перерастает вторую, вторая мимоходом решает вопросы первой, вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую [1]).

И зная это, Ленин с гениальным мастерством маневрировал в трех революциях все время во главе рабочего класса, все время конкретизируя свою тактику так, чтобы до дна ис-

---

[1]) Ленин. Собр. соч., том XVIII, часть I, стр. 336.

пользовать в интересах **своего** класса **любую** историческую ситуацию.

Ленин 10 января (1905 г.) «не тот», каким он был 8 января, ибо 9 января произошло знаменитое выступление петербургских рабочих, ибо 9 января революционное движение рабочих поднялось на новую ступень. «Нашего полку прибыло», мой класс стал сильней, и, стало быть, размах партии соответственно тоже должен стать больше. Ленин 24 октября 1917 г. «не тот», каким он становится 26 октября 1917 г. «Не хвались, едучи на рать, а хвались едучи с рати»,—так пишет Ленин за несколько дней до Октябрьского восстания (в статье «К пересмотру партийной программы»). «Мы не знаем, победим ли мы завтра или немного позже (я лично склонен думать, что завтра—пишу это 6 октября 1917 г.—и что можем опоздать со взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня)... Нет, дорогие товарищи, мы еще не победили» [1]). Поэтому тов. Ленин отстаивает тогда, между прочим, необходимость сохранения программы-минимум.

На завтра **после** победы Октябрьского восстания гениальный полководец рабочего класса «не тот» (или не совсем тот), каким он был еще за один день **до** этой победы. Мой класс стал сильнее, враги моего класса стали слабее, рессурсы рабочей революции увеличились,—стало быть, больше нажима, смелей вперед! Таков подлинный Ленин. Как великая река катит свои волны и в строгом смысле слова через одну минуту не бывает вполне той же, какой она была минуту назад, в то же время **оставаясь** великой рекой,—так и Ленин, оставаясь великим вождем пролетарской революции, велик прежде всего именно тем, что он видит **конкретную** дорогу пролетарской революции. Он знает, что это не гладкая садовая дорожка, посыпанная гравием, по которой легко ходить. Он знает, что это очень тяжелая и совсем не гладкая дорога, по которой надо повести не группочку интеллигентов, умеющую образовать вместе с Мартовым «нефракционную» фракцию, а миллионы рабочих, за которыми, если мы хотим победить, непременно должны следовать в нашей стране десятки миллионов крестьян.

Формулы Ленина, его лозунги **живут**, они насквозь пропитаны «запахом» жизни, борьбы масс. Размах их растет вместе с ростом движения миллионов.

---

[1]) Том XIV, часть II, стр. 166—167.

Это не абстрактная линия в безвоздушном пространстве, как у Троцкого, у которого эта абстрактная, мнимо-левая, «перманентная» линия на практике сочетается с весьма неабстрактным союзом с меньшевиками.

От великого лозунга «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (1905—1917 гг.) через «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства» (1917 г.) к фактической **диктатуре пролетариата**, осуществляемой на основе «**смычки с крестьянством**»—таков путь ленинизма.

От меньшевизма, аксельродовского типа (1903—1905 гг.), через «перманентную» (1905—1907 гг.) разновидность меньшевизма к полному отказу от революции и замене ее меньшевистской «свободой коалиции» (1909—1914 гг.), к половинчатой (блок с Чхеидзе и борьба против циммервальдской левой) политике во время войны (1914—1917 гг.). Вот путь старого троцкизма.

Если взять **литературную** историю большевизма, то можно сказать, что в основном она исчерпывается (или, по крайней мере, характеризуется) следующими сочинениями т. Ленина: от «Друзей народа» **плюс** «Развитие капитализма»—через «Что делать?» **плюс** «Две тактики»—к «Государство и революция» **плюс** «Ренегат Каутский». Вот главные литературные вехи ленинизма. Вдумаемся в то, **что означают** эти вехи. «Друзья народа» **плюс** «Развитие капитализма», это—гениальное проникновение в теорию марксизма, **плюс** конкретнейшее, глубочайшее изучение экономики и социальной структуры той страны, где собирается начать действовать большевизм. «Что делать?» **плюс** «Две тактики», это—несравненная критика социал-демократического оппортунизма, непревзойденное по мастерству обоснование роли рабочей партии в революции **плюс** обоснование тактики пролетариата в **крестьянской стране** накануне буржуазно-демократической революции, которую надо стараться провести так, чтобы она как можно скорее начинала «перерастать» во вторую революцию—**революцию социалистическую**. «Государство и революция» **плюс** «Ренегат Каутский», это—перенесение ленинизма на **мировую** арену, это (вместе с книгой «Империализм, как новейший этап капитализма»)—глубочайший анализ новейшего империализма и обоснование тактики уже начинающейся **социалистической** революции, «перерастающей» первую, т.-е. буржуазно-демократическую революцию.

Сравните все это с троцкизмом.

Если Ленин классический тип пролетарского революционера, то Троцкий «классический» тип **интеллигентского** революционера. (Мы сравниваем здесь, разумеется, не лиц, а представителей двух политических направлений). Этот интеллигентский революционер имеет, разумеется, сильные черты, умеет **иногда** слиться с пролетарской массой (когда дело идет на большой под'ем), но то, что составляет сердцевину его политической деятельности, есть именно интеллигентская революционность. Это—герой революции, написанной по Суханову—не даром этот «сладенький» интеллигент «лево»-меньшевистского толка в своей многотомной «Истории» сорокаведерными бочками льет воду именно на мельницу троцкизма [1]).

Вот сжатая политическая биография троцкизма, принадлежащая авторитетному перу тов. Ленина.

«Он (Троцкий) был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 г. опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательное соглашение **с кадетами** (т.-е. фактически опять был с меньшевиками), а весною 1907 г. на лондонском с'езде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть скорей различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений. Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра—другой и поэтому об'являет себя стоящим выше обеих фракций». Так писал тов. Ленин в статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России». (Собр. соч., т. XI, часть II, стр. 307—308).

Прибавим к этому еще пару характеристик, сделанных самим тов. Лениным.

«Величайший вред приносят рабочим те люди, которые (подобно ликвидаторам и Троцкому) обходят или искажают эту 20-летнюю историю идейной борьбы в рабочем движении». Так писал тов. Ленин в статье «Идейная борьба в рабочем движении». (См. газ. «Путь», «Правда», от 4 мая 1914 г.).

---

[1]) Отзыв В. И. об «Истории» Суханова крайне важен и должен получить немалое значение при оценке нынешних наших споров с тов. Троцким, который в целом ряде вопросов просто-на-просто **повторяет** Суханова, пишет историю «по Суханову».

«Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся». Так писал тов. Ленин в статье, помещенной в журнале «Просвещение», №№ 4, 5, 6, за 1914 г.

«Каковы бы ни были суб'ективно «благие» намерения Троцкого и Мартова, об'ективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм». Так писал тов. Ленин в сборнике «Социал-Демократ», № 1, в октябре 1916 г.

Если прибавить к этому, что в течение всей империалистской войны (1914—1917 г.г.) тов Ленин систематически относил т. Троцкого к числу каутскианцев (см., напр., брошюру Ленина и Зиновьева «Социализм и война»); если припомнить, что уже на апрельской конференции 1917 г., как и в письмах о тактике, писанных в апреле 1917 г., тов. Ленин и после февральской революции решительно выступает против основных идей троцкизма, то мы получим сжатое представление о том, как оценивал троцкизм до самого 1917 г. тов. Ленин.

Мы говорили выше о **литературных** вехах, определяющих путь развития большевизма. Сопоставьте с ними литературные вехи, определяющие путь развития троцкизма. Это будут следующие книги тов. Троцкого: «Наши политические задачи (1903 г.), «Наша революция» (1905—1906 г.) (кстати сказать, среди германской социал-демократии, тогда уже достаточно прогнившей, работы тов. Троцкого имели очень большой успех), затем сотрудничество в ликвидаторском журнале «Наша Заря», затем светлый промежуток—книга о Каутском (1919 гг.), затем «Новый курс» и «Уроки Октября» (1923—1924 г.). Понятная эволюция т. Троцкого в этих двух последних работах, как на ладони.

Что такое была книжка «Наши политические задачи»? Эта книжка, вышедшая с посвящением меньшевистскому патриарху П. Б. Аксельроду, была самой вульгарной меньшевистской книжонкой, какую только знает история меньшевистской литературы. Танцуя, якобы, от «классовой» печки (мы знаем, что у меньшевиков была система: подготовляя на деле политический союз с либеральной буржуазией, меньшевики любили обвинять большевиков в недостаточной выдер-

жанности классовой точки зрения), тов. Троцкий в этой книжке приходил с выводами **либеральной** рабочей политики.

А что такое была «Наша революция», самая «левая» из книг троцкизма первой эпохи? В этой книге (см. также «1905 год») нашла себе обоснование пресловутая теория перманентной революции, которую теперь тов. Троцкий хочет навязать большевизму. Эту «теорию» тов. Ленин и все большевики вместе с ним всегда рассматривали, как **разновидность меньшевизма.** Совершенно непонятно, почему через 15 лет разновидность меньшевизма должна быть об'явлена составной частью ленинизма, или даже подлинным ленинизмом, или теорией, исправляющей «ошибки» ленинизма. Не все помнят, что в этой «левой» книге, в которой тов. Троцкий, якобы, защищал «рабочую» революцию против большевистской идеи «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», Троцкий писал:

...«Но как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. **Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата, рабочий класс России не сможет удержать свою власть и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру.** (Курсив Троцкого). В этом нельзя сомневаться ни на минуту» [1]).

Что значит «**государственная** поддержка европейского пролетариата»? Чтобы иметь возможность оказать «государственную поддержку» русской революции, европейскому пролетариату надо было сначала... **завоевать власть в Европе.** Но ведь об этом, конечно, не могло быть и речи в 1905 году и вообще до войны 1914—1918 г.г. А Троцкий «перманетную» революцию проповедывал именно в 1905 году.

Что же из этого вытекает? Да то, что Троцкий либо серьезно сам не верил ни в какую перманентную революцию в 1905 году и говорил все это для красоты слога, либо что он проповедывал в 1905 году «перманентную» революцию лишь с условием, чтобы европейский пролетариат оказал нам «государственную поддержку», т.-е. Троцкий «откладывал» рабочую революцию в России до победы пролетарской революции

[1]) Троцкий. «Наша революция». 1906г. Изд. Глаголева, стр. 277—278.

в Европе. В этом последнем случае Троцкий выступает представителем самой шаблонной социал-демократической точки зрения: сначала пусть революцию сделают «они», а потом уже «мы» сделаем «сразу» рабочую революцию.

Фактический блок Троцкого с меньшевиками в это именно время (вспомним слова Ленина: «Вернулся к меньшевикам в 1905 г.») подтверждает именно вторую альтернативу.

Троцкий в те времена много писал о том, что победоносная русская революция возможна только как часть победоносной международной революции, ибо западно-европейский капитал поддерживает-де царизм займами и т. п. Зерно истины здесь было, и постольку Троцкий повторял лишь то, что говорили большевики. Но Троцкий, по обыкновению, слишком механично понял эту связь русской революции с международной, слишком схематизировал эту связь, слишком абстрактно ставил вопрос. И это именно приводило его к словесно «левой», но совершенно абстрактной линии в безвоздушном пространстве, сочетаемой на деле с поддержкой меньшевиков.

О «государственной поддержке» со стороны европейского пролетариата в 1905 г. не могло быть и речи. Этой государственной поддержки у нас нет еще, к сожалению, и в 1924 г. На 8-й год пролетарской диктатуры в нашей стране мы получаем еще из Англии, например, не «государственную поддержку» со стороны английского пролетариата, а... ноты Болдуина и Чемберлена. «Левая» на словах теория тов. Троцкого так легко мирилась с поддержкой **на практике** в течение 15 лет самого махрового меньшевизма именно потому, что эта теория была «левой» лишь на словах. Ларчик открывается очень просто.

Конкретного пути революции в нашей стране тов. Троцкий не понимал. Действительного значения крестьянства в нашей революции он не понимает и теперь. Если нужны были еще доказательства, то тов. Троцкий дал их именно в своей последней работе—«Уроки Октября». Мы просим читателя вдуматься в следующую выдержку из «Уроков Октября»:

«Именно незрелость революции при совершенно своеобразных условиях, созданных войной, вручала мелкобуржуазным революционерам руководство или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. **Но это вовсе не**

значит, что русская революция могла итти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 г. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война (курсив наш). Благодаря войне, крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде чем пролетариат успел организоваться под своим знаменем, чтобы повести за собой массы деревни, мелкобуржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войной крестьянской армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелкобуржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне». («Уроки Октября», стр. XVIII—XIX «1917»).

Разве это не «перл»—как любил говаривать В. И.? У тов. Ленина, когда он говорит о коренном вопросе революции, о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, всегда целые страницы просятся в хрестоматию ленинизма. У Троцкого—совсем «наоборот». Вдумайтесь в эти слова Троцкого. Разве не просится эта страничка троцкистской прозы в хрестоматию, как образец того, что **не есть** большевизм?

Путь от февраля по октябрь 1917 г. вытекал, видите ли, «не только из классовых отношений, но из тех временных (!) условий, какие создала война». Что сей сон значит? Выходит, что война не вытекала из классовых отношений! Выходит, что война, видите ли, была вообще нечто наносное! Этакий «случайно случившийся случай». Ну, а русско-японская война, из которой вырос 1905 г.,—генеральная репетиция 1917 г.,—не была ли она случайной, не создала ли и она «временных условий»? Какова глубина мысли! **Если бы** не было империалистской войны,—а ленинизм ведь учит, что империалистская война родилась с неизбежностью из всей обстановки империализма, «как новейшего этапа капитализма» (Ленин), т.-е. стало-быть, и хода классовой борьбы; **если бы** Россия не была крестьянской страной, а стало-быть, и ее десятимиллионная армия не была бы крестьянской армией; **если бы** эта крестьянская армия не была возмущена империалистской войной, которую буржуазия не могла не повести; **если бы** удельный

весь стомиллионного крестьянства не давил на весь ход общественно-политической жизни страны,—то тогда развитие революции пошло бы по Троцкому, и изумленное человечество увидело бы апофеоз троцкизма!

Вся эта философия может быть коротко, но вразумительно выражена известной русской поговоркой: «**Ежели бы да кабы...**»

Ежели бы Россия не была крестьянской страной, **да кабы** русский царизм не был составной частью европейского империализма; **ежели бы** для войны не нужно было армий, да кабы эти армии не возмущались империалистской войной; **ежели бы** русский рабочий класс действовал в какой-то другой России, а не в стране с преобладанием крестьянского населения,—тогда... тогда троцкизм оказался бы прав против ленинизма.

Нашему автору, повидимому, и невдомек, что «ежели бы да кабы» не было империалистской войны со всеми неизбежно вытекшими из нее последствиями, то, может быть, не было бы и революции 1917 г. и не было бы такой сравнительно легкой победы ее вначале. Нашему автору, повидимому, и невдомек, что именно развитие революции от февраля до октября 1917 г. «мимоходом» подтвердило ту и без того уже азбучную истину, что весь троцкизм с его теорией «перманентной революции» был не чем иным, как надуманной интеллигентской схемой, которая на деле шла на потребу меньшевизму.

Послушаем еще раз тов. Ленина.

«Отсюда их (меньшевиков) чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая «Общ. Движение»), что... «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) **противоречит** «всему ходу хозяйственного развития»... «У нас при всяком кризисе **нашей** эпохи (1905—1909 гг.?) **выступит**, обязательно выступит «общедемократическое» движение «мужичка», и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, **на деле** приводящей к меньшевизму». Так писал тов. Ленин в декабре 1909 г. («Пролет. Революц.», № 5/281, стр. 178—179).

А тов. Троцкий не понимает даже в 1924 г., что роль «мужичка» в таком «кризисе», как 1917 г., была **не** случайной, **не** стоящей в стороне от хода классовой борьбы.

Нашему автору, повидимому, и невдомек, что ход великой революции между февралем и октябрем 1917 г. блестяще подтвердил именно ленинизм, между прочим, и в той части, где Ленин со свойственной ему теоретической беспощадностью расправлялся и с троцкистской разновидностью меньшевизма.

Сотрудник тов. Троцкого и «редактор» его тома «1917» тов. Ленцнер, делая самое серьезное лицо, утверждает, что уже в статьях, написанных тов. Троцким в начале марта 1917 г. в Америке (где застала февральская революция тов. Троцкого) в газете «Новый Мир» «предвосхищена» постановка вопроса тов. Лениным в его знаменитых «Письмах из далека». На самом деле эти статейки (кстати сказать, написанные тов. Троцким тогда, когда еще не обсохли чернила на его статьях против циммервальдской левой) были зауряд статейками агитационного порядка.

«Эй, вы, там, потише! Спрячьте лучше ваши наемные рожи в той черносотенной подворотне, куда никогда не достигал и недостигнет луч революции!» [1]). Эта выдержка из упомянутых статей дает довольно хорошее представление обо всех этих статьях, якобы «предвосхитивших» Ленина. Тов. Троцкий даже не знал еще, **где начинается вопрос**, в то время, когда тов. Ленин в своих действительно знаменитых «Письмах из далека» уже предложил российскому рабочему классу додуманную почти до деталей схему подлинного Октября. Но это было бы еще с полбеды. От тов. Троцкого никто и не ожидал того, чтобы он опроверг известную французскую пословицу, согласно которой самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет. Настоящая беда заключается в том, что в 1924 году, ополчаясь против ленинизма, товарищ Троцкий не мог сказать ничего умнее, чем то, что «ежели бы да кабы» не было бы империалистской войны и не было бы преобладания крестьянства в нашей стране, то троцкизм был бы прав против ленинизма.

Нужны ли еще другие доказательства того, что тов. Троцкий как не понимал, так и не понимает большевистской постановки вопроса о крестьянстве?

Гнилой орех не станет лучше, если его слегка покрыть позолотой. Троцкизм, до военного времени представлявший

[1]) Троцкий. «1917», стр. 21.

собою разновидность меньшевизма, не станет лучше от того, что его попробуют поднести с позолотой «ленинизма».

«Уроки Октября» с полной наглядностью доказали, увы, только одно: что и сейчас, на восьмом году пролетарской революции, тов. Троцкий подлинную суть ленинизма не понял и больше всего путает «на эфтом самом месте»—в вопросе о крестьянстве,—в том вопросе, который является главнейшим источником злоключений тов. Троцкого, начиная с его брестской ошибки, продолжая ошибкой в вопросе о профсоюзах в 1921 г., и кончая его ошибками новейшего времени.

* * *

В «Уроках Октября» почти столько же ошибочных утверждений, сколько утверждений вообще. Легче перечислить те исключительные случаи, когда тов. Троцкий представил фактическую сторону событий за февраль—октябрь более или менее правильно, чем те случаи, когда он... уклонился от истины. Более слабого, менее «подкованного» произведения мы у тов. Троцкого не знаем за последние годы. Он совершенно не потрудился свести концы с концами. Он настолько торопился поднести партии свой сюрприз, он настолько был проникнут страстным желанием наговорить побольше... любезностей Центральному Комитету партии, что выполнил свою «работу» с небрежностью, которая, при любви тов. Троцкого к «плановому» подходу, является прямо-таки удивительной. Отсюда то, что комсомольцы без труда ловят тов. Троцкого на том, что он смешал Ленина с Гильфердингом (вопрос об Учредительном Собрании и о так называемом комбинированном типе Учредительного Собрания и Советов[1]). Отсюда то, что тов. Сокольников уличает тов. Троцкого в том, что «левые» ошибки тов. Богдатьева наш почтенный автор «Уроков Октября» приписывает... тов. Ленину (история с апрельской 1917 года демонстрацией). Отсюда то, что тов. Куусинен с документами в руках легко доказывает, что еще в январе

---

[1]) Кстати, из второй части «1917» мы узнаем, что еще 29 ноября 1917 г. сам тов. Троцкий, по поручению Совета Народных Комиссаров, писал в одном из воззваний: «Спасти страну может только Учредительное Собрание, состоящее из представителей по трудовых и эксплоатируемых классов народа». Позволительно спросить, чем это лучше, чем «комбинированный тип»? («1917», часть 2-я, стр. 133).

1924 г. тов. Троцкий по вопросу о германской революции [1]) говорил прямо противоположное тому, что он говорит теперь в «Уроках Октября». Отсюда то, что такие важные эпизоды революции, как вопрос об июньской демонстрации, о борьбе вокруг Кронштадта и даже об июльских днях, тов. Троцкий освещает по Суханову и даже по газете «День», а не так, как эти события разыгрывались в действительности. Отсюда то, что вопрос о тактике большевиков по отношению к Предпарламенту и Демократическому Совещанию освещен столь же неправильно и столь же тенденциозно. Эти «маленькие» ошибки уже подвергаются освещению со стороны достаточно авторитетных свидетелей событий. Быть может, и нам в другом месте удастся еще вернуться к подобному освещению некоторых из этих весьма крупных эпизодов революции и осветить их, между прочим, на основании многочисленных разговоров с Владимиром Ильичем иногда в течение целых дней и ночей (напр., три недели в шалаше и т. д.). Пока же перейдем к другим вопросам, которые нуждаются в немедленном раз'яснении.

3. Было ли в большевистской партии правое крыло

На этот вопрос необходим совершенно ясный ответ.

Всякий, знающий подлинную историю большевизма, не колеблясь ответит на этот вопрос: **не было и быть не могло.**

Почему быть не могло?

Каждый, кто знает историю большевизма не по наслышке, кто не всуе повторяет слово ленинизм, не затруднится ответить на этот вопрос.

---

[1]) Одного примера здесь хватит: «Мы наблюдали там (в Германии) во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения»,—так писал тов. Троцкий в сентябре 1924 г. в «Уроках Октября».

«Если бы партия (Герм. К. П.) об‘явила восстание в октябре (прошлого года), как это предлагали берлинские товарищи, она лежала бы сейчас со свернутой шеей»,—эти слова читаем мы в проекте тезисов т.т. Радека и Троцкого в январе 1924 г.

Нельзя же иметь **два** мнения по такому вопросу—одно в январе 1924 г., а другое в сентябре 1924 г. А имея **два** мнения по такому вопросу, нельзя **так** нападать на ИККИ, как делает это Троцкий.

Не могло быть потому, что самый основной принцип построения большевистской партии по Ленину исключает возможность правого и левого крыла.

Не могло быть, ибо ленинизм это и есть **партия-монолит**, партия, вылитая из одного куска.

Не могло быть потому, что первый раскол большевиков с меньшевиками начался уже с 1903 года, на заре первой революции 1905 года.

Тов. Ленин писал по поводу итальянской социалистической партии, что даже ее первый раскол за несколько лет до мировой войны с наиболее яростными шовинистами—раскол далеко не полный, не радикальный, поверхностный,—что даже этот раскол помог итальянской социалистической партии в первую полосу империалистской войны 1914 г. занять более приличную позицию, чем позиция тех с.-д. партий, которые оставались «об‘единенными» вплоть до 1917 г. и позже. Каждый, кто читал статьи тов. Ленина о Германской социал-демократии, писанные в 1914—1915 г.г. (см. сборн. «Против течения»), помнит, как страстно призывал раскол германской социал - демократии тов. Ленин, какие большие надежды возлагал он на этот раскол, как тов. Ленин об‘яснял полный крах германской социал-демократии, между прочим, запоздалостью раскола между левым и правым крылом в этой партии и т. д.

«Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода, но державшийся тайком, приспособлявшийся к революционным рабочим, перенявший у них марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки. Этот тип пережил себя.

В Италии партия была исключением для эпохи II Интернационала: оппортунисты с Виссолати во главе были удалены из партии. Результаты во время кризиса оказались превосходными. Мы вовсе не идеализируем итальянской социалистической партии, вовсе не ручаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем. Мы констатируем бесспорный **факт**, что рабочие большинства европейских стран оказались обмануты фиктивным единством

оппортунистов и революционеров, и что Италия есть счастливое исключение—страна, где в данное время такого обмана нет. То, что было счастливым исключением для II Интернационала, должно стать и станет правилом для III. Пролетариат всегда будет находиться,—пока держится капитализм,—по соседству с мелкой буржуазией. Не умно отказываться иногда от временных союзов с ней, но единство с ней, единство с оппортунистами могут теперь защищать только враги пролетариата или одураченные рутинеры пережитой эпохи». («Против течения», из статьи «Что же дальше?», стр. 32—33).

Кто вдумается в эти слова, тот поймет, почему в партии, созданной тов. Лениным, в борьбе против меньшевиков и Троцкого, **не могло** быть правого крыла.

«Наша российская партия давно порвала организационно с оппортунистическими группами и элементами. Гирь оппортунизма... не было на ногах у нашей партии. И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг, как помог и итальянским товарищам раскол,—так писал В. И. в брошюре «Социализм и война» (глава 2-я).

«Англичане из независимой рабочей партии», конечно, горой будут стоять за такую амнистию социал-шовинизму, прикрытую рядом поклонов влево. Разумеется, «окистам» (сторонники меньшевистского организац. комитета) и Троцкому сам бог велел уцепиться теперь за фалды Каутского и Бернштейна»,—писал тов. Ленин в статье «О положении дел в рос. соц.-дем.» («Против течения», стр. 87).

Понять надо все это тов. Троцкому,—и тогда он поймет, почему нельзя говорить о правом крыле **большевистской** партии, созданной тов. Лениным в «бешеной» борьбе против всех небольшевистских фракций, групп, группочек, оттенков.

Большевизм развивался не по-германски и даже не по-итальянски. Вся сила ленинизма в том и заключалась, что борьбу с правым крылом социал-демократии большевизм, под руководством тов. Ленина, начал уже 20 лет назад и что борьба эта **была доведена до самого конца.**

Кто хоть что-нибудь понимает в теории, тактике и организационных принципах ленинизма, тот **не может** утверждать, что у большевистской партии было правое крыло. Правое крыло **большевизма**—это просто бессмыслица. Это все равно, что сказать «деревянная сталь», «горячий снег» и т. п. Большевизм

в самой своей основе тем и отличался от меньшевизма, что не мог допускать и не допускал организации партии, как блока всевозможных течений—правого, левого, центра и т. п.

Вспомните, что писал тов. Ленин, например, относительно полосы эмигрантского существования партии. Он говорил: необычайное богатство политических оттенков в эмиграции— меньшевики, эсеры, анархисты, максималисты с рядом подразделений внутри каждого из этих течений—именно и приводило к тому, что все небольшевистское, как пластырем, оттягивалось от большевистской партии. То же было и в период легального и полулегального существования партии, в частности между февралем и октябрем 1917 г. Тогда на легальной арене мы видели то же самое богатство и разнообразие политических партий, фракций, подфракций, течений и т. д. В эти партии, фракции и подфракции неизбежно уходило все то, что было не вполне большевистским (живые примеры—такие крупные работники большевизма 1905 года, как И. И. Гольденберг, Авилов, Войтинский); а большевистская партия, таким образом, становилась кристаллизационным центром **только** для большевиков. Поэтому наша партия и была вылита из одного куска.

Нужно совершенно не знать ни Ленина, ни ленинизма для того, чтобы допустить, что Ленин мог бы на сколько-нибудь продолжительное время примириться с существованием правого крыла большевистской партии. А еще важней то, что с представлением о правом крыле в большевистской партии не мирится самый ленинизм.

Могут возразить: но ведь были большевики-примиренцы, которые очень похожи были на правое крыло большевизма?

Да, были. Примиренцы-большевики сыграли эпизодическую роль уже в самом начале раскола большевиков с меньшевиками (1903—1904 гг.), а затем и в годы контрреволюции (1910—1911 гг.). Но в том то и дело, что в моменты этих колебаний большевиков-примиренцев дело доходило уже, в сущности, до прямого раскола с ними. Большевистская партия под руководством тов. Ленина готова была отрезать этот ломоть и частично отрезала его именно для того, чтобы остаться большевистской, т.-е., между прочим, однородной партией.

Чтобы понять историю даже этой небольшой группы большевиков-примиренцев, надо вдуматься в следующие факты.

Громадное большинство (почти все) большевиков-примиренцев теперь находится в наших рядах, и никто не вздумает утверждать, что они представляют собою хотя бы нечто в роде правого течения в партии. Наиболее выдающимся вождем примиренческого течения был в свое время покойный И. Ф. Дубровинский (Иннокентий). Но из ста товарищей, знавших его, сто же и скажут, что, доживи Иннокентий до наших дней (он погиб в ссылке в 1912 году), он, разумеется, не был бы и не мог бы быть представителем какого-нибудь правого крыла. Дело в значительной степени об'яснялось каторжными условиями тогдашнего существования партии. Из тюрьмы в тюрьму, из ссылки в ссылку шли такие люди, как Дубровинский, Ногин (тоже одно время примиренец), и между одной тюрьмой и другой иногда допускались эпизодические ошибки в организационных вопросах. Конечно, при логическом развитии этой ошибки, товарищи эти могли бы стать жертвой оппортунизма. Но этого не случилось и случиться не могло. А поскольку эпизодически к этому подходило дело, тов. Ленин тут же ставил вопрос ребром, и дело не могло кончиться ничем другим, кроме как либо исключением из большевистских рядов, либо подлинным подчинением большевистскому центру.

Это вовсе не значит, что в многолетней истории большевизма, полной глубокого содержания, никогда не было разногласий и оттенков между наиболее крупными работниками большевистской партии. Ожидать этого было бы просто смешно. Такие разногласия были. Было, например, то, что в 1906 г. тов. Каменев защищал бойкот государственной думы («левая» позиция), между тем как тов. Ленин стоял за участие. Было то, что на пленуме ЦК 1910 г. (последний пленум совместно с меньшевиками) часть большевиков решила сделать опыт об'единения с Троцким, между тем как тов. Ленин и другие члены большевистского центра (в том числе и пищущий эти строки) были решительно против этого опыта. Но это были именно эпизодические разногласия.

Эпизодическими нельзя назвать разногласия, наметившиеся с впередовцами в 1908 г. и затянувшиеся на несколько лет. Эти мнимо—«левые» на самом деле защищали оппортунистическую тактику, т.-е. отказывались от основ большевизма. И именно поэтому здесь дело не могло обойтись без раскола. Впередовская группа была исключена из большевистской орга-

низации, и в нашу партию из числа впередовцев вернулись только те, кто радикально излечился от впередовства.

Эпизодическими нельзя назвать также те разногласия в связи с войной, которые коснулись, правда, только отдельных выдающихся большевиков в начале империалистской войны. Большевизм в целом, как известно, занял совершенно правильную позицию против империалистской войны и усвоил всемирно-исторической важности лозунг «превращение империалистской войны в войну гражданскую». Но отдельные крупные работники большевизма (например, покойный И. П. Гольденберг) поколебались в вопросе о характере войны, и **немедленно же дело дошло до организационного разрыва с этими товарищами.** И. П. Гольденберг смог вернуться в партию только уже в 1920—1921 гг., когда он радикально сознал свою ошибку.

Чем об'яснялись некоторые ошибки в первые дни Февральской революции? Генеральный штаб большевиков с'езжался с разных концов света после нескольких лет империалистской войны и белого террора, разорвавших связи даже между самыми близкими друзьями, центральными работниками большевизма. Одни возвращались в Петроград из далекой эмиграции, другие—из каторжных тюрем, третьи—из самых заброшенных уголков сибирской ссылки. На голову всех обрушились события громадной всемирно-исторической важности. Многое вначале шло не так, как ожидалось. Большевики в первые дни революции оказались незначительным меньшинством даже среди рабочих Петрограда. Те настроения многомиллионной солдатской массы, которые В. И. впоследствии назвал «добросовестным оборончеством», создали громадные тактические трудности: как подойти к этим массам, как заставить их даже только выслушать первые речи большевиков? Все это, вместе взятое, и создало те трудности, которые привели к ошибкам «Правды» в первые дни после Февральской революции, до приезда тов. Ленина.

Но можно ли отсюда умозаключать к наличию в большевистской партии правого крыла, которое тов. Троцкий,—как раз никто иной, как именно Троцкий,—пытается характеризовать, как «социал-демократическое», «полуменьшевистское» крыло? Так может поступить только тот, кто не знал и не знает большевистской партии, кто судит «со стороны», для кого история этой партии есть только история той партии, к которой

данное лицо 15 лет шло с «боями», той партии, которой даешь очередной «бой» и в 1924 г.

Серьезные разногласия были среди большевиков **между** апрелем и сентябрем 1917 г. Из этих разногласий **могли бы** вырасти групировки, **если-бы** ошибавшиеся товарищи настаивали на своих ошибках, **если бы** сами события быстро не разрешали этих ошибок, **если бы** партия единодушно не отвергла этих ошибок, **если бы** у партии не было Ленина и т. д. Тогда наступил бы раскол или откол, но никак не узаконение правого крыла. Но в том-то и дело, что все эти «если» в действительности не осуществились и осуществиться не могли.

Острые разногласия были среди большевиков между октябрем и ноябрем 1917 года. В этот промежуток времени (и **только** в этот) среди ошибавшихся был и пищущий эти строки. **Если бы** ошибка не была признана немедленно, **если бы партия** единодушно ее не выправила, **если бы** опять-таки у партии не было т. Ленина, разумеется, из такого хотя и кратковременного, но зато острого разногласия, могли бы вырасти серьезные последствия. Но в том-то и дело, что все было наоборот.

Первый раскол большевиков с меньшевиками начался в 1903 году. Вполне самостоятельное организационное существование большевизм ведет, примерно, с 1910 года. Между 1903 и 1910 г.г. лежит полоса недостаточной организационной оформленности большевизма, как самостоятельной организации. Между 1903 и 1910 г.г. еще могли быть кое-какие неясности в построении большевистской организации. **С 1910 по 1917 г.г. об этом не могло быть и речи.** Правого крыла в большевистской партии не было и быть не могло. Утверждать обратное,—**значит** уже одним этим утверждением показывать полное непонимание основ большевизма.

4. Возможно ли образование правого крыла РКП теперь?

Действительно актуальный вопрос—актуальный не только для нашей партии, но и для всего Коминтертна—заключается не в том, было ли у большевиков правое крыло в 1917 г., а в том, есть ли такое крыло в настоящий момент, есть ли тенденция к образованию такого правого крыла, возможно ли (и допустимо ли) образование такого правого крыла в РКП?

Ставя перед собой **этот** вопрос, мы отвечаем: да, такое крыло в РКП и в Коминтерне теперь пытаются создать. Главной фигурой в этом деле является тов. Троцкий. Действительная проблема, которой болеет теперь партия, заключается в том, **можем ли мы допустить до оформления такого крыла, и если нет, то как избегнуть этого?**

Откуда может взяться теперь правое крыло (или «крылышко»), правая фракция или правое течение, которое **хочет** создать тов. Троцкий? Было бы смешно и глупо об'яснять это только личной виной того или другого товарища. Нет, для этого существуют, несомненно, и **об'ективные** предпосылки.

Каковы черты отличия между нынешним положением вещей в нашей партии и положением нашей партии до Октябрьской революции? Таких черт несколько.

Во-первых. С открытой арены политической жизни в нашей стране исчезли меньшевики, эсеры, анархисты и т. п. группы. О прежнем богатстве различных политических партий, оттенков, течений нет и речи,—по крайней мере, поскольку речь идет об открытом соревновании перед широкими кругами рабочих и крестьян. Для успешного проведения диктатуры пролетариата победивший рабочий класс, возглавляемый нашей партией, не мог не лишить легальности эсеров, меньшевиков, анархистов (антисоветского направления) и других группировок, являвшихся враждебными самой идее диктатуры пролетариата. На легальной арене действует только РКП. И иначе быть не может в нынешний период. При таком положении вещей неизбежно, что к нашей партии теперь примыкают (а иногда даже прямо входят в ее ряды) такие элементы, которые при наличии других легальных партий были бы **не** у нас. Это важнейшее обстоятельство само по себе ни в коем случае не может способствовать увеличению однородности нашей партии.

Во-вторых. Мы разбили идейно две главные партии, соперничавшие с нами в течение двух десятилетий: эсеров и меньшевиков. Несколько десятков тысяч бывших членов этих партий перешли в наши ряды, в том числе тысячи и тысячи бывших эсеров и меньшевиков, которые были в этих партиях активными членами. Достаточно назвать самого т. Троцкого.

Нечего повторять, что значительная часть этих товарищей, вышедших из среды чужих нам партий, вполне ассимилированы теперь нашей партией, являются, хотят быть и будут хорошими большевиками. Но нельзя скрывать от себя и того, что ликвидация эсеров и меньшевиков, как легальных партий, и факт перехода к нам десятков тысяч их бывших активнейших членов никоим образом не могут содействовать однородности нашей партии.

В-третьих. Страна наша переживает вообще переходный период. До октября 1917 года положение было во многих отношениях труднее, но зато яснее. Перед партией стояла непосредственная боевая задача—свержение буржуазии. Нынешнее положение во многих отношениях сложнее. Оно пестро. Обстановка нэпа, буржуазное окружение в мировом масштабе — все это моменты, делающие положение чрезвычайно сложным. Никогда еще в истории борьбы рабочего класса всего мира рабочей партии не приходилось считаться с таким сложным переходным периодом.

В-четвертых. Социальный состав партии стал разнородным. Если к октябрю 1917 г. мы были партией по составу почти исключительно рабочей, то после 1917 г. дело меняется. После всех перипетий, через которые прошла наша партия за эти 7 лет, мы имеем в своей среде и сейчас больше ста тысяч членов партии крестьян, несколько десятков тысяч членов партии в вузах (далеко не все рабочие), десятки тысяч членов партии из советских служащих и т. д.

Что означают все наши усилия регулировать социальный состав партии, что означают, в конце концов, наши чистки, новые наборы, в частности ленинский набор и т. п.? Все это есть **цеп усилий отстоять максимальную однородность партии,** помешать разжижению ее социального состава, не допустить чрезмерной пестроты в самом социальном составе партии.

Все это, вместе взятое, и создает обстановку, при которой действительно **возможно** оформление правого крыла в большевистской партии, созданной Лениным.

А если к этому прибавить еще тот немаловажный фактор, что самого товарища Ленина у нас больше нет, то станет ясным, сколь ответственным становится положение.

Если очистить все наступления тов. Троцкого на большевистский ЦК от всего случайного, личного и наносного, если подойти к этим наступлениям с максимальной об'ективностью, то станет ясным, что смысл их заключается в следующем. Тов. Троцкий являлся все эти годы в нашей партии выразителем всего того, что не является строго-большевистским. Тов. Троцкому, как выразителю этих небольшевистских настроений, **тесно** в пределах старой ленинской тактики. Он искренно убежден в том, что старые методы ленинизма не годятся теперь, когда партия работает на столь широкой арене. Партия, по его мнению, должна стать блоком, пусть неоформленным, различных направлений, фракций и оттенков.

Все мы знаем, что в партии, стоящей у власти и подавившей все остальные несоветские партии, **неизбежно** должны так или иначе отразиться те общественные процессы, которые развиваются или еще только намечаются во всей стране. Мы, ленинцы, делаем из этого тот вывод, что **тем более необходимы максимальная однородность партии, максимальная твердость руководства, максимальная прививка ленинизма партии.** Не в том дело, чтобы партия затыкала себе уши ватой и старалась не слышать того, что назревает в стране. Наоборот. Маневрировать, иногда уступать—необходимо. Но для этого-то и надо, чтобы партия всегда оставалась самой собой, т.-е. **большевистской партией.** Ленинизм знает, что: маневрируя, отступая и наступая, применяясь к самой сложной обстановке, он всегда остается большевизмом, т.-е. преследует интересы пролетариата в крестьянской стране.

Между тем, тов. Троцкий из сложности нынешнего положения делает (или у него назревают) другие выводы. Ему кажется, что прежний «сектантский» (якобы сектантский), твердокаменный, годившийся якобы только для «кружка», большевизм теперь ведет к «гибели страны». Ему кажется, что теперь партия должна быть союзом различных течений и фракций, что она не должна непосредственно руководить государственным и хозяйственным аппаратом, что она должна дать больше простора буржуазным специалистам и т. д.

Будучи доведена до логического конца, эта идея тов. Троцкого в нынешней международной и внутренней обстановке ведет, в лучшем случае, к замене большевистской партии лени-

низма, некоей «широкой», «трудовой» партией, **на манер английской макдональдовской лебор-парти** в «советском» издании,— такой «широкой» партией, в которой могли бы быть об'единены все организации «трудящихся», в том числе и те, которые не могут быть названы большевистскими в непосредственном смысле слова. Очень может быть, что тов. Троцкий еще не додумал до конца своей идеи, но логически он идет с неизбежностью именно к ней, если не остановится и не повернет назад к большевизму.

Партия, работающая в такой обстановке, как мы теперь, нуждается, разумеется, в ряде передаточных механизмов, ведущих ко всей рабочей массе, в том числе и к отсталым ее слоям. Она нуждается в ряде приводных ремней, обеспечивающих ей влияние в крестьянстве, среди служащих, в интеллигенции и т. д.

Система рычагов, обеспечивающих диктатуру пролетариата, сложна (советы, профсоюзы и т. д.). Но отсюда вовсе не вытекает, что сама партия может стать блоком течений, фракций, своего рода «парламентом мнений» с правым крылом, левым крылом, центром и другими прелестями парламентаризма.

Не следует упрощать вопроса. Разумеется, большевистская партия 1924 г. не может попросту скопировать большевистскую партию, скажем, 1914 г. или даже 1917 г. Мы не можем и не должны теперь ограничиваться приемом в нашу партию только рабочих. Через ленинский призыв мы сделали все возможное для того, чтобы увеличить удельный вес промышленных рабочих в нашей партии. Мы задерживали в течение пары лет приток в партию крестьян. Но мы все уже теперь вновь приходим к выводу, что необходимо вновь открыть дверь в партию значительному числу крестьян. Рабочая партия, управляющая государством в крестьянской стране, должна иметь определенный процент членов партии из крестьян. Все дело в том, что перед нами в СССР—не задачи рабочей партии «вообще», а задачи рабочей партии в **крестьянской стране.** Отсюда и сложность вопроса о социальном составе партии, раз эта партия управляет государством.

Итак, положение вовсе не так просто, трудности велики. Регулирование состава нашей партии—дело сложное и трудное. Оно стоит в тесной связи с труднейшими и порой деликатней-

шими политическими проблемами. Партии приходится маневрировать и в этом отношении, т.-е. и в отношении своего собственного социального состава. Партия не может в нынешнюю эпоху быть **столь** однородной, какой она была до завоевания власти.

Но зато политика партии, а тем самым и руководство партии, должны быть насквозь большевистскими попрежнему,— как этому учил Ленин. Рабочий класс осуществляет свою гегемонию в революции, а наша партия есть руководящий авангард этого класса-гегемона.

Правильно понятые интересы класса-гегемона требуют, разумеется, известных уступок крестьянству, приспособления всей политики к некоторым коренным интересам крестьянства. Но предел этих уступок, предел этого приспособления **определяет рабочий класс и его авангард,** исходя из коренных интересов революции и руководящего ею класса-гегемона— рабочего класса.

Отсюда вытекает вопрос о внутренней ориентации партии, о том, что называют «внутрипартийной политикой». Большевистская партия, действующая в обстановке 1924 г., **должна ориентироваться на основную группу своих членов—рабочих.** «Барометром» для политики нашей партии никак не могут служить учащаяся молодежь или какие-либо другие слои нашей партии, кроме, как рабочие.

Итак, можем ли мы допустить существование или образование правого крыла в нашей партии теперь?

Не можем!

Из того обстоятельства, что мы **должны** допустить недостаточную однородность социального состава нашей партии, что **мы должны** привлекать в члены партии известное количество не-рабочих, ни в коем случае не вытекает, что и самую политику партии мы можем разжижать, и что руководящий штаб партии тоже должен быть неоднородным, что штаб партии должен быть блоком фракций и т. п. Наоборот, именно потому, что в нынешней обстановке партия не может быть столь однородной по составу, какой она была до завоевания власти, политика партии должна строже, чем когда бы то ни было, ориентироваться прежде всего на рабочую группу партии. И именно поэтому же руководящий штаб партии должен быть особенно выдержанным, особенно твердым, особенно

ленинским. И именно поэтому не может быть и речи о том, чтобы наш штаб стал блоком фракций и течений.

Об'ективные условия, в которых приходится действовать нашей партии сейчас, таковы, что опасность создания правого крыла (или течения, или направления) в нашей партии **налицо.** Кто хочет остаться верным духу ленинизма, тот должен отдать свои силы на то, чтобы помочь партии противоборствовать этой тенденции. При умелом и правильном применении принципов ленинизма в данной конкретной обстановке нам **удастся** не допустить до образования правого крыла в нашей партии.

Те же, кто, как тов. Троцкий, не только не противоборствуют этой тенденции, а становятся ее выразителями; те, кто вступает на дорогу борьбы с ленинским Центральным Комитетом, ясно видящим опасность и маневрирующим в сложной обстановке (как нас учил тов. Ленин), те становятся врагами ленинизма.

Хотят ли они этого, или нет—это все равно. Сознают ли они это ясно, или нет—это тоже все равно. Факты остаются фактами.

Может быть, лучше всего будет пояснить нашу мысль еще конкретнее. Возьмем, скажем, двух видных товарищей (скажем, т. А. и т. Б.). Оба товарища—дисциплинированнейшие и прекраснейшие товарищи. Но т. А. пришел к большевизму в иное время и иными путями, чем тов. Б. Тов. А. вырос из крестьянского движения, разлившегося широкой волной в годы гражданской войны после октябрьского переворота. Тов. Б. вырос из рабочего движения, примкнув к большевизму 20 лет назад. И тот, и другой нужны, ценны нашей партии. Только в известном сочетании тех элементов, которые представлены тем и другим,—залог полной победы революции. Но если бы, скажем, тов. А. стал оформлять внутри партии то, что зачастую отличает крестьянина-коммуниста (и беспартийного, примыкающего к коммунистам) от коммуниста-рабочего, если бы он стал требовать, чтобы политика партии ориентировалась не на рабочих, а на крестьян, или если бы он стал требовать, чтобы генеральный штаб партии превратился в блок различных групп; что сказала бы в этом случае наша партия, т. А?..

Нечто подобное приведенному вымышленному примеру, но еще в гораздо худшем виде, делает теперь тов. Троцкий. Он именно становится выразителем всего того в партии, что не является большевистским.

Он именно требует, чтобы партия равнялась по всему небольшевистскому (в подлинном смысле слова) в ней.

Может ли с этим мириться партия? Мудрено ли, что партия даст т. Троцкому такой страстный отпор?

5. Куда ведет нынешняя эволюция тов. Троцкого?

Этот вопрос есть главный вопрос наших споров. Чтобы дать себе вполне ясный ответ на этот вопрос, мы попросим вдуматься в следующее обстоятельство.

У тов. Троцкого, как у яркой индивидуальности, конечно, есть не мало такого, что характерно только лично для него. Сюда относится и то, как выразился на-днях один рабочий, читавший «Уроки Октября», «яканье» (от слова «я»), которым полны писания т. Троцкого за последнее время. Сюда относится и то, что т. Троцкий иногда создает такую политическую платформу, на которой может стоять только один человек: сам т. Троцкий, ибо на этой «платформе» буквально не остается места даже для единомышленников. **Постольку** приходится констатировать **индивидуальное** в позиции т. Троцкого. Но было бы все же неверно видеть в позиции т. Троцкого **только** индивидуальное. Он, несомненно, отражает и нечто более широкое из нашей обстановки.

Что же именно?

Обратили ли вы внимание, читатель, на следующее обстоятельство. Уже начиная с 1922 г., а тем более с 1923 г. происходит несомненный рост благосостояния страны, улучшение материального положения рабочих, улучшение настроения рабочих. И в это же самое время из всех выступлений т. Троцкого мы видим, что как раз в эти же годы у него все больше и больше портится политическое настроение. Кривая политического настроения в широких массах рабочих нашей страны идет **вверх**, кривая политического настроения т. Троцкого идет **вниз**. На этом фоне и углубляются разногласия между т. Троцким и партией, которая, ведь, является не чем иным, как головным отрядом рабочих масс.

Тов. Троцкий отдает все большую дань импрессионизму, все чаще начинает видеть вещи в исключительно черном свете, предвещает «гибель страны» (перед дискуссией прошлого года) накануне несомненного улучшения ее хозяйственного положения, попадает все чаще пальцем в небо, ставя неправильные диагнозы и предлагая еще более неправильные средства лечения, растеривает своих единомышленников и т. д. Вспомним, что при первом столкновении с т. Лениным и ленинским ЦК во время спора о Брестском мире, тов. Троцкий имел на своей стороне очень значительную часть партии. Во время второго столкновения с тов. Лениным и ленинским ЦК в 1921 г. (дискуссия о профсоюзах), тов. Троцкий тоже имел еще на своей стороне около пятой части с'езда. И это при обаянии Владимира Ильича во всей партии! Во время прошлогодней дискуссии число единомышленников тов. Троцкого было уже значительно меньше, но все-таки были сотни людей, которые готовы были до конца отстаивать его платформу. А во время нынешнего наступления т. Троцкого на ленинский ЦК, охотников защищать платформу тов. Троцкого можно уже пересчитать по пальцам. Ведь это тоже не случайно.

Чем об'ясняется такое странное положение? Хозяйство идет вверх, настроение рабочих идет вверх, единство партии крепнет, а настроение одного из претендующих на руководство рабочим движением вождей (т. Троцкого) неизменно идет вниз. Уже одно это обстоятельство указывает на то, что в последние годы тов. Троцкий, сам того, разумеется, не желая, не всегда служит выразителем настроений пролетарских масс, а иногда невольно выражает настроения каких-то других слоев населения.

Каких именно? Ответ на этот вопрос, разумеется, не так прост. Прослеживая извилистую линию складывающейся платформы т. Троцкого, следя самым точным образом за его новейшей политической эволюцией, в продолжение последних двух—трех лет, иной раз не трудно наткнуться на кажущееся противоречие, и иному малоискушенному товарищу порой даже покажется, будто тов. Троцкий критикует наш ленинский ЦК не справа, а слева.

В самом деле, не товарищ ли Троцкий, например, обвиняет ЦК и его представителей в Коминтерне в том, что они «прозевали» германскую революцию. Разве это не критика

«слева»? А между тем, если вдуматься в позицию т. Троцкого именно по вопросам, связанным с тактикой Коминтерна, если вспомнить, что рядом с «левыми» фразами, которые пишет по этому поводу т. Троцкий, теперь стоит **факт** поддержки им правого крыла германской партии в течение всего 1923 г., **факт** поддержки, с другой стороны, позиции т. Троцкого правыми элементами во **всех** секциях Коминтерна во время прошлогодней дискуссии,—тогда вопрос предстанет пред нами совсем в новом свете. Если вспомнить, что уже в январе 1924 г. в проекте резолюций тт. Троцкого, Радека и Пятакова говорилось о том, что если бы в октябре 1923 г. германская компартия пошла на восстание, то она теперь (в январе 1924 г.) представляла бы собой груду развалин,—то становится ясным, что т. Троцкий здесь, как, впрочем, и во всех других вопросах, трактуемых им в «Уроках Октября», совершенно не свел концов с концами.

Но именно это не всегда ясно поверхностному наблюдателю наших споров. Отсюда и то, что по недоразумению кое-кто принимает критику т. Троцкого по адресу нашего ЦК, как критику слева.

В деятельности т. Троцкого, повторяем, много индивидуального, много капризного, много внешне-ослепляющего. Его платформа не сложилась еще окончательно. Политическая позиция т. Троцкого блещет еще всеми цветами радуги.

Можно было бы употребить такое сравнение. Возьмите большую дугу из электрических лампочек разных цветов. Выходит очень ярко. Перед вами все цвета радуги, пред вами много лампочек—красных, зеленых, синих, белых. Но ведь цвет лампочек тут, в конце концов, дело второстепенное. За всем этим стоит одна определенная материя: электричество. Так и в теперешней позиции т. Троцкого. Внешним образом она тоже блещет еще всеми цветами радуги. Задача заключается в том, чтобы понять, какова тут субстанция, что составляет основу. И вот мы утверждаем, что основа-то здесь состоит из некоей «**минус**-материи», из того, что является небольшевистским, что пока-что можно охарактеризовать лишь, как не ленинизм.

Откуда эта внешняя пестрота? Она об'ясняется тем, что начавшееся политическое влияние т. Троцкого еще не закончено. Оно об'ясняется в первую очередь тем, что понятная

эволюция т. Троцкого происходит в обстановке переходного периода. Очень много неясного в самом этом переходном периоде, очень много неясного во всей пестряди нэпа. Тов. Троцкий совершает ведь сейчас не отход от большевизма «вообще» а отход от большевизма **в переходный период нэпа.**

Однако, через всю пестрядь, через все экспромты т. Троцкого, через всю извилистую линию его капризного политического развития последних годов, пробивает себе дорогу одна определенная тенденция.

Представим себе на одну минуту, как выглядели бы наша страна и наша партия, если бы партия наша, вместо того, чтобы оказать бешеное сопротивление рецептам т. Троцкого, приняла важнейшие его предложения, начиная с 1921 года. Отбросим все второстепенное, возьмем только самое главное из предложений т. Троцкого, начиная с 1921 г.

Если бы мы приняли предложение тов. Троцкого, это значило бы:

1. Профсоюзы были бы огосударствлены, произошло бы пресловутое «сращивание» профсоюзов с официальными государственными и хозяйственными органами. Другими словами, профсоюзы, являющиеся сейчас нашей самой широкой базой и об'единяющие 6 миллионов рабочих и служащих, стали бы казенным придатком к официальной машине. Еще другими словами: своими собственными руками мы создали бы тогда **неистребимую** базу для меньшевизма, а стало быть подложили бы своими руками фугас под диктатуру пролетариата.

2. Партия была бы отодвинута от непосредственного руководства хозяйственными и государственными органами. Советский аппарат (вспомните, что писал о нем т. Ленин) получил бы большую самостоятельность. «Эмансипация Советов от партии» осталась бы не только на страницах писаний сменовеховцев, но начала бы переходить в реальную жизнь—хотя бы частично. Что такая тенденция имела бы неисчислимые губительные последствия,—вряд ли это нужно теперь доказывать большевику.

3. Спецы получили бы во много раз большее влияние во всех отраслях нашей работы—не только в военном деле, но и во всем остальном. Вряд ли нужно доказывать, что в этом заключается одна из важнейших черт политической платформы

сов. Троцкого и один из важнейших пунктов его расхождения с нашей партией.

Пусть не переиначивает наших слов. Разумеется, привлечение честных специалистов и создание такой атмосферы, которая позволяла бы им действительно с пользой для дела работать, абсолютно необходимы. Разумеется, остается в силе все то, что говорил по этому вопросу тов. Ленин, и что постановляла наша партия. Разумеется, не может быть и речи о каком-либо поощрении специфических «антиспецовских» настроений. Но если бы вопрос о спецах был разрешен не по-Ленину, а по-Троцкому, это означало бы на деле величайшую политическую уступку новой буржуазии.

4. В вопросах о внутрипартийной жизни мы должны были бы признать, что «барометром» для партии являются не столько рабочие от станка, сколько вузовская молодежь, среди которой есть, разумеется, превосходные пролетарские элементы, но среди которой есть немалая доля таких, которые тысячами нитей социально связаны с мелкой буржуазией, а через нее и с нэпом и с новой буржуазией.

5. Денежной реформы у нас не было бы, ибо по-Троцкому нужно было бы «сначала» восстановить промышленность, а потом уже приняться за денежную реформу. Нечего и говорить о том, что если бы мы приняли это «гениальное» предложение, удельный вес социалистических элементов хозяйства в нашей стране только падал бы, а тем самым крепла бы новая буржуазия.

6. В вопросе о крестьянстве, через который все время «перепрыгивает» т. Троцкий, мы наделали бы величайших ошибок. Вместо зачатков смычки мы имели бы теперь во всем ходу размычку. Отброшенное нашими политическими ошибками крестьянство искало бы себе другого политического руководителя и нашло бы его, разумеется, только в новой буржуазии.

Никто из вдумчивых товарищей не скажет, что приведенные шесть пунктов (а их можно умножить) нами выдуманы. Всякий серьезный большевик должен будет сказать, что именно из-за этого, а не из-за прошлогоднего снега, не из-за ошибок, сделанных семь лет назад, и не из-за «личностей», как думают обыватели, идет борьба между ленинским ЦК и тов. Троцким.

Как же, спрашиваем мы, выглядела бы наша страна, если бы мы в этих шести вопросах шли по дороге, на которую подталкивал нас т. Троцкий, если бы мы с большевитской нетерпимостью не дали отпора этим ошибкам тов. Троцкого? Чем была бы тогда Россия? Она была бы тогда **нэповской** Россией—в том смысле и в тех размерах, как на это рассчитывали идеологи новой буржуазии. И шансы на превращение нэповской России—в Россию социалистическую (как это завещал нам тов. Ленин) были бы крайне малы, даже прямо ничтожны.

Если ко всему этому прибавить оппортунистические ошибки тов. Троцкого в вопросах международной политики (переоценка демократическо-пацифистской эры, переоценка чудодейственных замирительных свойств американского ультраимпериализма, недооценка контрреволюционности социал-демократии, недооценка длительности фашизма), а также его поддержку всех правых полусоциал-демократических элементов в разных секциях Коминтерна, то станет ясно, куда тащит нашу партию тов. Троцкий.

Во всех этих нагромождениях одной ошибки на другую, у тов. Троцкого есть своя «система». В целом это называется: правый уклон.

Новая буржуазия в нашей стране это именно **новая**, а не старая буржуазия. Она видала виды, она также кое-чему научилась на «уроках Октября». Она видела массы в действии. Она видела неукротимую расправу большевиков с буржуазией в начале Октябрьской революции и уступку со стороны большевиков буржуазии в 1921 году, когда те же неукротимые большевики **вынуждены** были ввести нэп. Она знает теперь цену реальному соотношению сил, выражающемуся, между прочим, в международном буржуазном окружении первой советской страны. Она имеет свою новую интеллигенцию, воспитавшуюся в значительной части в наших учебных заведениях. Она научилась вникать в борьбу тенденций внутри нашей собственной партии. Она научилась использовать советскую легальность. Это уже не просто Колупаевы и Разуваевы. Это буржуазия, прошедшая сквозь огонь величайшей революции. Это буржуазия, умеющая думать о **своей** мычке с верхами крестьянства, с вождями международной буржуазии. Это, одним словом, буржуазия с более изощренным классовым чутьем, более гибкая, более умудренная революционным

опытом, больше понимающая значение рабочей партии, нюансы внутри этой рабочей партии и т. д. Это буржуазия, которую горе научило ценить доступ к умам народных масс. Нечего скрывать от себя: социальный состав нашего государственного аппарата таков, что значительную часть персонала этого аппарата приходится отнести к агентуре новой буржуазии. Это же приходится сказать и относительно известной части нового студенчества и новой интеллигенции вообще.

Отстаивать перед большевистской партией в 1921—1924 годах, в переходный период: 1) огосударствление профсоюзов, 2) большую «свободу» для государственного аппарата от контроля партии, 3) большее влияние для спецов, 4) ориентацию политики партии на вузовский барометр, 5) советовать откладывать денежную реформу и кричать о гибели страны, 6) поднимать полуменьшевистскую кампанию против партаппаратчиков и за «демократию» в том истолковании, какое давал ей т. Троцкий в прошлом году—это и значит, самому того не желая, об'ективно помогать новой буржуазии.

Тов. Троцкий хочет попасть в одну дверь, а попадает в другую. Он хочет бороться против чрезмерного «сектанства» старых большевиков, против того, что кажется ему «кружковой узостью», а на деле он борется против основ большевизма. На деле он, сам того, разумеется, не желая, оказывает незаменимую услугу классовому врагу.

Положа руку на сердце, мы спрашиваем бывших и настоящих сторонников т. Троцкого, разве они не знают, что каждое выступление т. Троцкого против большевистского ЦК, начиная с 1921 г., является все большей и большей радостью для всего небольшевистского лагеря, и чем дальше—тем больше? Случайно ли это?

Пусть не толкуют нас превратно. Еще Маркс сказал: «Можно быть фактическим выразителем настроений мелкой буржуазии, отнюдь не будучи самому мелким лавочником». Разумеется, и у тов. Троцкого самые лучшие желания. Но добрыми желаниями вымощен ад. Нужно, чтобы Троцкий раз и навсегда отказался «спасать» нашу партию от мнимых ошибок, а понял бы и признал бы свои собственные политические ошибки, в значительной мере проистекающие из остатков его политической идеологии времен 1903—1917 гг., когда т. Троцкий выступал открытым противником большевизма. Нужно пере-

стать устраивать очередные «кризисы» партии по «календарной програме» через каждый год, а в последнее время через каждые полгода. Нужно понять, что наскоком, нахрапом подмять ленинизм под троцкизм никому не удастся. Нужно понять, одним словом, что **большевизм есть большевизм.**

6. Что же делать?

Каков же выход при таком положении вещей? Что же делать?

Раскол? Пустое! Об этом не может быть и речи. Партия наша едина, больше, чем когда бы то ни было.

Откол? Пустое! Откалываться почти что некому, и партия до этого доводить дело не хочет.

Партийные взыскания? И это пустое! Это никому не нужно; теперь нужно другое.

Что же нужно?

Нужно, чтобы партия **обеспечила себя** от повторения «налетов» на ленинизм. Нужны серьезные партийные гарантии, что решения партии будут обязательными для тов. Троцкого. Партия не дискуссионный клуб, а **партия,** да еще действующая в такой сложной обстановке, как наша. Лозунг сегодняшнего дня:

Большевизация всех слоев партии. Идейная борьба против троцкизма.

Прежде всего раз'яснение, раз'яснение и еще раз раз'яснение.

Наша партия состоит более чем наполовину из сравнительно молодых членов организации. Многие из них улавливают антиленинистские ошибки тов. Троцкого пока только классовым чутьем. Нужно, чтобы вся партия **изучила** вопрос о ленинизме и троцкизме. Нужно, чтобы вся партия **ясно видела,** что дело тут идет о двух, в основном различных, системах тактики и политики.

Вопрос тут не только в истории партии, дело идет не только о прошлом. Дело идет о двух методах подхода к политике **настоящего дня,** теснейшим образом связанной с такими кардинальными вопросами, как вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства.

Большевизация наших собственных рядов,—поскольку более молодые слои партии не имели еще возможности до сих пор полностью пройти школу ленинизма,—вот это серьезная задача дня. И тут нельзя не поблагодарить тов. Троцкого за то, что он, во всяком случае, дает партии хорошую возможность наглядно проанализировать уклон от ленинизма и глубже вдуматься в основы большевизма.

Разумеется, партия должна добиться того, чтобы партийная дисциплина была обязательна и для тов. Троцкого. И мы уверены, что партия сумеет этого добиться. Чем больше принципиальной ясности по вопросам ленинизма и троцкизма создастся в партии, тем меньше почвы для такой попытки, которую предпринял тов. Троцкий. Чем меньше резонанса встречает эта попытка в партии, тем меньше охоты будет ее повторять. А резонанс на этот раз поистине невелик. Тов. Троцкий видоизменил теперь свою «платформу» так, что на этой платформе, в сущности говоря, может стоять только один человек, а именно сам тов. Троцкий— на «площадке» места нет для других, даже для тех, кто до сих пор частенько поддерживал тов. Троцкого в его ошибках.

Во время прошлой дисскусии т. Троцкий об'явил вернейшим «барометром» учащуюся молодежь. Мы не были согласны с тем, что это действительно есть лучший барометр. Мы не согласны с этим и сейчас. Однако, приходится сказать, что даже этот, не совсем идеальный барометр, на этот раз показывает совсем не то, что в прошлом году —показывает на то, что и учащаяся молодежь не желает подменять ленинизм троцкизмом.

Лучшее средство удержать т. Троцкого от дальнейших ошибок, которые еще больше отдалят его от большевизма, это—дать самый единодушный отпор его нынешней ошибке. Если **вся** партия, как один человек, встанет против теперешнего уклона т. Троцкого, то он, будем надеяться, сам скорее всего выправит свою ошибку.

Все, о чем мы говорили в предыдущей главе, разумеется, не есть еще вполне закончившийся процесс. Это только тенденция. Увидев всю губительность этой тенденции, увидев все единодушие партии против громадной ошибки т. Троцкого, тов. Троцкий, будем надеяться, сойдет с неверного пути.

Не раз тов. Ленин формулировал «закон» политической эволюции т. Троцкого: когда дело идет на под'ем, тов. Троцкий большею частью приближается к большевистской линии; когда дело идет на затяжку или на временный упадок волны, тов. Троцкий колеблется вправо. Чтобы удержать его от теперешнего очень уж чрезмерного колебания вправо, нужен идейный отпор со стороны **всей** партии.

Партия скажет свое окончательное слово, и еще и еще раз преждевременные злорадные ожидания врагов будут посрамлены. А большевистская партия получит новый, еще более крепкий закал, и подлинный ленинизм войдет в идейный обиход всех до единого членов нашей партии.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Цена 1 руб.

10731

С заказами обращаться в Торговый Отдел Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“:

Москва, Новая площадь, Б. Черкасский пер., д. 7. Телефон 1-81-01.

МАГАЗИНЫ: **Комсомольский**—Неглинный проезд, 8, телефон 4-82-45.

Пионерский—Тверская, 37.

Ленинград, Проспект 25-го Октября, 54.

